КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ 7 мая 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIII, 1896 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ. *(Окончаніе слѣдуетъ).* 1—37, 146—175, 279—306

II. ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОТВОРЕНІЯ ВЪ 1812—1817 г.г. Историческій очеркъ. **В. Лапина.** *(Окончаніе слѣдуетъ).* 38—70, 128—145. . . . . 328—343

III. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ. *(Окончаніе слѣдуетъ).* 71—84 . . . . . 206—224

IV. ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ. Очеркъ колонизаціи. **Н. М.** *(Окончаніе)* 85—101, 249—267. . . 369—379

V. ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ. (О формѣ им. п. мн. ч. прилагательныхъ въ малорусскомъ яз. на—*ое* и т. п.). **К. Михальчука.** . . . . . 102—125

СТР.

VI. ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ НИЩИНСКІЙ. (Некрологъ). . . . . 126—128

VII. МАЙСКІЯ РЕКРЕАЦІИ ВЪ БУРСѢ. (Изъ воспоминаній). **П. Борзаковскаго.** . . . . . 176—205

VIII. СКИТАЛЬЧЕСКАЯ СУДЬБА ВОЛЫНСКОЙ СЕМИНАРІИ. **Константина Храневича.** . . . . . 225—248

IX. С. А. БЕРШАДСКІЙ. . . . . 268—278

X. СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ. Историческая повѣсть. **А. Полницкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . . . . 307—327

XI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.) **А. Лазаревскаго.** . . . . . 344—368

XII. ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА **Мирона.** *(Окончаніе слѣдуетъ).* . . . . . 290—412

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Время написанія Шевченкомъ картины «Катерина». б) Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1834 г. **А. Л.** в) Къ свѣдѣніямъ о старой малорусской школѣ. **А. Л.** г) Къ исторіи кіевскихъ женскихъ монастырей. **Гл. Л.** д) Царскій посланникъ и панскій управитель. **Ор. Левицкаго.** е) Изъ недавняго прошлаго. ж) Къ исторической топографіи Печерска и Клова. **Н. Петрова.** з) Къ біографіи Аѳанасія Заруцкаго. **Ал. Маркевича.** и) Маленькое объясненіе. **В. Науменка.** і) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. к) Самсоніевскій фонтанъ. **Н. Петрова.** л) Взятіе и разореніе Запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 г. Сообщ. **Н. Бѣляшевскій.** м) «Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго». **Д. Вишневскаго.** н) О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. **П. П—скаго.** о) Рекреаціонный діалогъ. **О. Л.** п) Путешествіе малороссійскаго іеромонаха Тарасія Каплонскаго въ Италію въ 1697 г.

СТР.

О. Л. р) Бумаги государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи. с) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. т) Заказъ Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи 1669 года. у) Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. **Д. Вишневскаго.** ф) Козачья служба въ гетманство Разумовскаго. **А. Л.** х) Къ исторіи малорусскаго духовенства **А. Л.** ц) Вниманію фотографовъ-любителей. **Н. Бѣляшевскаго.** ч) Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. Сообщ. **М Затуловскій.** 1—23, 33—54. . . . . 73—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) L'Anthropologie—Tome sexiéme, année 1895. **В. А.** б) П. Тутковскій. Юго-Западный край. Естественно-историческіе и географическіе очерки. Выпускъ 2-й. в) Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. 2 тома. **А. Л.** г) Куліш Олелькович Панько. Дзьвин. Староруські думы й сьпіви. Женева. **В. Науменка** д) Св. Е. Сѣцинскій. Историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ подольской епархіи. **В. Антоновича.** е) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга десятая. Издана подъ редакціей В. З. Завитневича. **Н. В.** ж) Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходить у Львові під редакцією Михаила Грушевського. **Н М.** з) Juliusz Starkl. Łowictwo. Zygm. Fiszer. Rybactwo. (Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Tom II, zeszyt 7). **Н. М.** и) I. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1892 II. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1893. **Е.** К. і) Жизнь и труды М. П. Погодина. Ник. Барсукова. Кн. десятая. к) Отношеніе между Запорожьемъ и Крымомъ. Л. Львова. л) Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami Kółka historycznego uczniów Uniwersytetu. Lwow. zebrał i ułożył dr. Ludwik Finkel. Część

СТР.

II.—Zeszyt I. и) Г. Радкевичъ. Библіографическій указатель литературы по геологіи губерній кіевскаго учебнаго округа: кіевской, волынской, подольской, черниговской и полтавской стр. 1—73. П. А. н) Складка(.) Альманахъ(.) На спомынъ Владымыра Степановыча Александрова. Року Божого 1899. Спорудывъ К. А. Билиловськый. Выдання Левка Григора. **М. Кононенка.** 24—32, 55—72. . . . 101—112

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» *(въ конць книги)* 1, 1. 1

ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—3

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (257—272), (273—288), (289—304).

2) Любецкій Архивъ. (161—176 145—160).

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ).[1]).

ГЛАВА III.

„Жатвы много, а дѣлателей мало."
(Евангел. отъ Матѳея, гл. IX, 37.)

„Мы часто видимъ въ свѣтѣ людей доброжелательныхъ и почтенныхъ, которые, предпринявъ для общаго блага какое нибудь трудное дѣло, занимаются имъ нѣкоторое время съ любовью и величайшимъ усердіемъ," говоритъ Энгельгардтъ въ своихъ Russischen „Miscellen," посвященныхъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ[2]), „но время проходитъ, прелесть новизны исчезаетъ и рвеніе хладѣетъ; тогда общее благое дѣло исполняется только по обязанности, только по наружному виду: не такъ дѣйствовала Императрица Марія Ѳеодоровна." Не такъ, скажемъ мы, поступалъ и Григорій Ѳеодоровичъ Квитка. Тогда какъ другіе члены общества зачастую охладѣвали къ дѣлу и, чтобы поддерживать въ нихъ рвеніе, требовались особыя средства, въ родѣ, напр., Высочайшихъ рескриптовъ или покровительства,—усердіе Г. Ѳ. никогда не ослабѣвало. Его искреннее

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 4.

[2]) См. „Импер. Марія Ѳеодоровна въ богоугодныхъ ея заведеніяхъ". Спб. 1832 г., стр. 3.

увлеченіе, выражавшееся всевозможными жертвами для добраго дѣла, которому онъ посвятилъ всего себя, было заразительно и передавалось другимъ. Его первые опыты печатнаго слова всецѣло посвящены обществу и дѣлу благотворительности, и нельзя не признать, что добрыя сѣмена, щедро разсѣеваемыя имъ не только среди харьковскаго дворянства, но и въ другихъ губерніяхъ, не погибали и не оставались безплодными. Распространенію свѣдѣній о цѣляхъ общества благотворенія по всей Россіи и привлеченію въ него членовъ не мало способствовалъ обычай общества ежегодно въ торжественныхъ публичныхъ собраніяхъ знакомить публику съ результатами своей дѣятельности и отчеты объ этихъ собраніяхъ печатать въ столичныхъ газетахъ. 28-я ст. Правилъ общества, (какъ видно изъ дѣла Инст. Арх. № 1, в), требовала, чтобы „совѣтъ ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ, назначивъ день и пригласивъ всѣхъ членовъ общества, въ Харьковѣ пребывающихъ, гражданскихъ чиновниковъ и другихъ почетныхъ особъ, объявлялъ о вновь вступившихъ членахъ, отдавалъ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ и о употребленіи суммъ и выписку изъ журнала сего собранія сообщалъ къ свѣдѣнію публики черезъ вѣдомости.“ Это требованіе устава тщательно исполнялось, особенно въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ существованія общества, какъ видно изъ отчетовъ его, печатавшихся въ столичныхъ вѣдомостяхъ и въ послѣдствіи въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ и сохранившихся въ Инст. Арх. (Дѣло № 1 в.). Разсмотримъ эти отчеты, какъ наиболѣе важные документы, обрисовывающіе дѣятельность общества между 1812—1817 г. г. При чемъ въ этой главѣ остановимся исключительно на пособіяхъ и пенсіяхъ, выдаваемыхъ обществомъ за эти годы.

Въ первомъ отчетѣ [1]), прочитанномъ въ публичномъ собраніи членовъ Общества благотворенія 18 августа 1812 года, мы находимъ Высочайшій рескриптъ Императрицы Маріи Ѳео-

---

[1]) Само собою понятно, что каждая строка отчетовъ, гдѣ бы то ни было напечатанныхъ, принадлежала Г. Ѳ. Квиткѣ. Онъ же неутомимо оповѣщалъ въ газетахъ о каждомъ пожертвованіи въ пользу Общества благотворенія.

доровны [1]), данный на имя губернскаго предводителя дворянства А. Ѳ. Квитки 11 марта того же года, слѣдующаго содержанія:

„Господинъ предводитель дворянства Слободско-Украинской губерніи, Квитка! Благодаря Васъ за сообщеніе правилъ Харьковскаго общества благотворенія, Я прошу Васъ вмѣстѣ съ симъ засвидѣтельствовать признательность Мою и прочимъ членамъ почтеннаго сословія, возложившаго на Васъ таковое порученіе. При истинномъ желаніи, дабы всѣ предначертанія онаго на пользу страждущаго человѣчества увѣнчаны были совершеннымъ успѣхомъ, пребываю къ Вамъ благосклонною „Марія".

Этотъ рескриптъ Императрицы былъ несомнѣнно однимъ изъ важныхъ стимуловъ, побуждавшихъ дворянство къ подпискѣ. Вотъ почему, вмѣстѣ съ распространеніемъ о немъ свѣдѣній, возрастало и число членовъ, которыхъ ко времени перваго торжественнаго собранія было уже болѣе 200 и, какъ мы видѣли трое *именитыхъ*, сдѣлавшихъ значительныя пожертвованія [2]), а сумма Общества по подпискѣ достигала уже 7675 рублей—ежегодной и 3075 рублей капитальной. Изъ этихъ подписныхъ денегъ 29 апрѣля, т. е. въ первое засѣданіе совѣта, на лицо было уже 4857 р. 80 к.—ежегодной, капитальной—1675 р. и сверхъ того Коллеж. Ассесоръ Андрей Баташовъ съ женой пожертвовали листоваго желѣза 187 пудовъ 27 фунтовъ; а съ того времени по 18 августа взнесено еще отъ членовъ общества (какъ прежде подписавшихся, такъ и вновь вступившихъ)—1550 рублей ежегодной и 3256 руб. 50 коп.—капитальной, да за пожертвованное Баташовымъ и проданное Совѣтомъ желѣзо получено 1406 руб. 50 коп.—слѣдовательно, на лицо капи-

---

[1]) О немъ уже упоминалось въ протоколѣ перваго засѣданія Совѣта Общества, ср. выше.

[2]) Само собою понятно, что Квиткамъ приходилось разсылать массу писемъ для привлеченія членовъ и жертвователей: почти каждое изъ сохранившихся въ дѣлахъ писемъ является отвѣтомъ на письмо Андрея Ѳедоровича.

тальной суммы было всего 6348 руб., ежегодной — 6807 руб. 80 к. Не внесено было всего 250 р. — капитальной и 1575 р.—ежегодной. Суммы эти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: капитальная раздавалась взаймы подъ проценты; одна часть ежегодной суммы шла на содержаніе въ пансіонѣ при гимназіи 5 человѣкъ—„питомцевъ общества благотворенія“, другая—опредѣлена была на годовое содержаніе предположеннаго къ открытію института (около 6.000 рублей) [1]) и третья часть суммы „назначена на пособіе нуждающимся.“

Пособія раздѣлялись на постоянныя и единовременныя. Постоянныя пособія или пенсіи въ первый годъ существованія общества были назначены слѣдующимъ лицамъ: 1) тремъ приходящимъ ученикамъ гимназіи по пяти рублей въ мѣсяцъ; 2) вдовѣ, сынъ которой помѣщенъ въ пансіонъ—по пяти рублей въ мѣсяцъ [2]) (кромѣ единовременнаго пособія); 3) двумъ вдовамъ по двадцати рублей единовременнаго пособія; отставному улану на излеченіе глазъ по шесть руб. 56 коп. ежемѣсячно съ тѣмъ, чтобы онъ уже нигдѣ не просилъ милостыни [3]); въ случаѣ невозможности для него излѣчиться, корреспондентъ

---

[1]) Объ этомъ особо см. ниже.

[2]) А дочь взята въ домъ П. И. Ковалевскаго (члена Совѣта) для обученія рукодѣліямъ.

[3]) Въ дѣлѣ Дворян. Депутат. Собр. № 15 „О приглашеніи гг. дворянъ къ подпискѣ на полученіе отъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества журнала“, находится переписка А. Ѳ. Квитки съ предсѣдателемъ ученаго Комитета Человѣколюбиваго Общества барономъ Бор. Ив. Фитингофомъ и секретаремъ его Петромъ Кеппеномъ и между прочимъ „мысли о прекращеніи въ Россіи нищенства“, т. е. замѣчанія на такое же разсужденіе о возможности искорененія нищенства, писанныя рукою Андрея Ѳедоровича Квитки, но въ коротенькой записочкѣ, приложенной здѣсь же, легко узнать увлекающееся перо Г. Ѳ. Квитки, съ помощью котораго несомнѣнно составлена и вся записка. Излагая свои замѣчанія о нищенствѣ (которыя уже переданы г. С. Р. въ біографіи Квитки) Г. Ѳ. прежде всего отмѣчаетъ, что въ Малороссіи нищихъ меньше, чѣмъ въ Великороссіи и что едва ли здѣсь найдется и одинъ нищій на 100 жителей, тогда какъ авторъ „мыслей“ находитъ отношеніе 1:50 въ сѣверо-западномъ краѣ и объясняетъ это довольно сентиментально тѣмъ, „что люди здѣсь чувствительнѣй и благотворительнѣй“. Да и мысль объ устройствѣ богадѣленъ и своего рода домовъ трудолюбія въ деревняхъ „общественнымъ сборомъ“, высказанная братьями Квит-

зміевскаго уѣзда Бедряга беретъ его къ себѣ на содержаніе, а Совѣтъ выдаетъ ему, по мѣрѣ надобности, деньги на платье и обувь, сколько потребуется; помѣстивъ въ больницу город. секретаря Буковскаго, оказываетъ вспомоществованіе его дочери. Кромѣ того, оказывались постоянно и единовременныя пособія: считая 200 рублей, посланныхъ въ Тобольскъ по просьбѣ артиллеріи полковника Фонъ-Креммера (впослѣдствіи избраннаго корреспондентомъ) двумъ княжнамъ Ратіевымъ, оставшимся въ безпомощномъ положеніи послѣ смерти отца ихъ, бывшаго предсѣдателя Тобольской гражданской палаты, всего единовременныхъ пособій было выдано за сравнительно короткій промежутокъ времени (отъ 29 апрѣля по 18 августа)—410 рублей, сумма по тому времени довольно значительная. Кромѣ того, выслано для выдачи нуждающимся различнымъ уѣзднымъ иныхъ губерній корреспондентамъ — 300 рублей, 74 рубля выдано пенсіонныхъ денегъ (т. е. постоянныхъ пособій), а всего на дѣло благотворенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, за этотъ первый отчетный періодъ, истрачено слѣдовательно (410+300+74 р.) 784 р. Кромѣ того, 500 рублей выдано на первое обзаведеніе института, который предположено оффиціально открыть въ *день тезоименитства* Его Императорскаго Величества [1]), и 675 рублей

ками, въ то время едва ли могла осуществиться.—Въ этомъ же дѣлѣ есть и довольно подробный отчетъ о началѣ дѣятельности общества благотворенія за 1812—1818 гг. и маленькая записка, писанная рукою Г. Ѳ. о числѣ всякаго рода вспомоществованій, оказанныхъ обществомъ за этотъ періодъ. Само собою понятно, что эта записка служила для насъ лучшимъ средствомъ повѣрить отчеты, хранящіеся въ Институт. Арх. въ дѣлѣ № 1, в. Намъ кажется нѣсколько смѣлымъ утвержденіе г. С. Р., что „маленькая записочка на синей бумагѣ", откуда взяты нами вышеприведенныя замѣчанія Квитокъ на мысль о нищетѣ, *написана рукою* Г. Ѳ. Можно утверждать, что *при составленіи записки Г. Ѳ. помогалъ* брату, *но рукою Г. Ѳ. написана всего одна краткая записка, въ которой подведены итоги дѣятельности Общества благотворенія.* Мы тщательно пересмотрѣли дѣло, но другого документа, писаннаго рукою Г. Ѳ. не нашли.

[1]) Какъ извѣстно, Императоръ Александръ I родился 12 декабря 1777 года, а тезоименитство его праздновалось 30 августа. Изъ дѣла И. А. № 1 а видно, что Совѣтъ нѣсколько разъ постановлялъ различные приговоры о времени открытія института. Такъ (въ среду) 31-го іюля Совѣтъ при полномъ собраніи членовъ и гг. корреспондентовъ всѣхъ уѣздовъ постановилъ: „приступить къ исполненію опредѣ-

издержано на содержаніе воспитанниковъ общества въ пенсіонѣ гимназіи.

Уже второй отчетъ общества благотворенія (за 1813 годъ) обрисовываетъ намъ дѣла его далеко не блестящими. (См. тоже дѣло Институт. Арх. № 1, в). Хотя первый отчетъ Совѣта, прочитанный въ торжественномъ собраніи, ознакомилъ дворянъ съ дѣлами общества и пріобрѣлъ ему нѣсколько новыхъ членовъ, но, во первыхъ, роковой 1812 годъ унесъ нѣсколько жертвъ изъ членовъ общества, въ томъ числѣ двухъ именитыхъ: подполковника П. П. Веселицкаго, вносившаго по 300 рублей ежегодно и убитаго въ Бородинскомъ сраженіи, и генералъ-лейтенанта М. Ст. Кондратьева, вносившаго по 1000 рублей; во вторыхъ, прапорщикъ Стремоуховъ и поруч. Изюмскаго гусарскаго полка Аксентьевъ, взятые въ плѣнъ въ самомъ началѣ кампаніи, помѣщики: Стаховичъ, Чечеринъ, Двигубскій; помѣщицы: Тютчева, Времева, Штеричъ и купецъ Луценко, умершіе въ томъ же году,—также выбыли изъ числа членовъ общества. Правда, послѣ напечатанія списковъ членовъ на 1813 годъ, вступили въ общество еще многія новыя лица, обязавшіеся вносить обычную членскую плату ежегодно,—но они не могли по-

---

ленія Совѣта, состоявшагося въ 29-й день апрѣля объ учрежденіи института для бѣдныхъ дѣвицъ *на счетъ Общества на основаніи устава, сочиненнаго для сего членомъ Совѣта господиномъ Стойкевичемъ*, и все приготовить не далѣе, какъ къ 25-му числу наступающаго августа мѣсяца, дабы возможно было въ торжественный день тезоименитства Его Императорскаго Величества открыть сей Институтъ". Въ среду же сентября 4-го дня *заключили*: „открытію Института быть *сего сентября 15-го числа*". Что подтверждается и слѣдующимъ документомъ *отъ 11 сентября 1812 г.*, за подписью Г. Ѳ. Квитки, найденнымъ нами въ архивѣ бывшей слободско-украинской, а нынѣ харьковской первой гимназіи. Изъ Совѣта Харьковскаго Общества Благотворенія господину директору училищъ Слободско-Украинской губерніи. „На основаніи 22-й статьи Высочайше утвержденныхъ правилъ харьковскаго Общества Благотворенія, Совѣтъ учреждаетъ въ Харьковѣ Институтъ для 20 бѣдныхъ дѣвицъ изъ дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, открытіе котораго послѣдуетъ сего сентября 15 дня". См. дѣло Арх. 1-й Харк. гимназіи № 166, л. 111. И такъ институтъ открытъ былъ *не 10-го августа* (какъ у г-жи Лихачевой т. II стр. 89) *и не 10-го сентября*, какъ говорилъ Великовъ (ср. выше) и др. печатныя свидѣтельства, *а 15-го сентября 1812 года*.

полнить даже того, что вносилъ одинъ почетный членъ М. С. Кондратьевъ. Кромѣ того, помѣщикъ курской губ. поручикъ Николай Васильевичъ Похвисневъ предоставилъ Совѣту право получать изъ казны назначенный ему при отставкѣ пенсіонъ (за раны, полученныя на войнѣ), въ размѣрѣ 262 р. 35 коп., обращая его, по своему усмотрѣнію, на вспомоществованіе бѣднымъ [1]). И такъ, въ общемъ число членовъ не только не уменьшилось, но возросло съ 201 до 215 человѣкъ, однако Совѣтъ, констатируя это увеличеніе, жалуется въ то же время на неаккуратное поступленіе членскихъ взносовъ: за 1812 годъ все еще не было внесено 850 рублей, а за 1813 годъ недоимка достигла уже 2825 руб., что чувствительно отражалось на положеніи дѣлъ общества и особенно такихъ учрежденій, какъ институтъ, гдѣ деньги были необходимы на текущіе расходы; а между тѣмъ, за раздачею капитальной суммы взаймы подъ проценты, денегъ иногда совсѣмъ не бывало въ кассѣ.

Чтобы какъ-нибудь помочь горю, Совѣтъ еще въ концѣ 1812 года предложилъ, какъ мы уже раньше говорили, членамъ вмѣсто ежегодныхъ взносовъ взнести единовременно капиталъ, проценты съ котораго давали бы ежегодно по 25 рублей, для полученія званія „дѣйствительнаго“ члена общества и диплома на это званіе. Но, какъ мы уже видѣли, только немногіе члены изъявили свое согласіе на это предложеніе [2]): 4—въ 1812 и 1—въ 1813 г. Кромѣ того, въ ежегодную же сумму зачислялись проценты, получаемые съ должниковъ общества, и плата за своекоштныхъ пансіонеровъ института. Но всего этого было слишкомъ мало сравнительно

---

[1]) Пенсіонъ этотъ, какъ видно изъ дѣла Институт. Арх. № 21 и № 26, за вычетомъ почтовыхъ расходовъ (1 р. 30¾ коп.), въ размѣрѣ 261 руб. 4¼ коп. и высылался въ Совѣтъ Общества до самой смерти пенсіонера, послѣдовавшей впрочемъ не ранѣе 1825 года, такъ какъ переписка съ курскимъ уѣзднымъ казначействомъ о высылкѣ этого пенсіона прерывается на 1826 году.

[2]) См. дѣло № 3 Институт. Архива, а также отчеты (№ 18), гдѣ перечислены всѣ имена членовъ и постороннихъ лицъ, сдѣлавшихъ единовременные взносы.

съ тѣми широкими цѣлями благотворенія, которыми задавался Совѣтъ. Уже одни выборы корреспондентовъ [1]) по многимъ и даже отдаленнѣйшимъ мѣстамъ Россіи, о которыхъ отчетъ за второй годъ существованія Общества даетъ довольно подробныя свѣдѣнія, показываетъ намъ, какъ старались члены Совѣта мѣстное дѣло благотворенія сдѣлать всероссійскимъ. Съ особенною благодарностью отзывается Совѣтъ въ своемъ отчетѣ о дѣятельности двухъ корреспондентовъ общества: кор. тобольской губ. полк. Фонъ-Кремперѣ, которому Совѣтъ довѣряетъ дѣлать вспомоществованія изъ суммъ, имъ же собранныхъ, „за дальностью мѣста безъ разрѣшенія Совѣта," и корреспондента южной Россіи Мизко.—Оба они доставляли обществу и новыхъ членовъ, и случаи благотворить дѣйствительно несчастнымъ людямъ.

Оставляя въ сторонѣ приводимыя отчетомъ свѣдѣнія объ употребленіи и составѣ капитальной суммы [2]) за 1813 годъ, а также расходы по содержанію пансіонеровъ въ гимназіи и института изъ ежегодной суммы [3]), мы остановимся здѣсь лишь на благотвореніяхъ общества за отчетный годъ (т. е. на распредѣленіе 3-й части суммы ежегодныхъ взносовъ).

Кромѣ назначенныхъ въ 1812 году постоянныхъ пособій, Совѣтъ рѣшилъ выдавать пенсіи еще слѣдующимъ лицамъ. 1) въ Харьковѣ: капитану Мурлыгину, обремененному семьей и

---

[1]) Мы уже раньше перечислили имена и фамиліи почетныхъ корреспондентовъ. Въ дѣлѣ Институт. Арх. № 20 въ особой книгѣ, выданной Обществомъ благотворенія Н. И. Шредеру отъ 18 декабря 1813 года, „для вписыванія почтеннѣйшихъ благотворителей, желающихъ удостоить харьковское Общество благотворенія, причисливъ себя въ сочлены онаго, съ обозначеніемъ суммы, повѣряемой Совѣту для вспомоществованія несчастнымъ", находимъ еще имена трехъ новыхъ членовъ Общества, которыхъ очевидно удалось завербовать предпріимчивому Шредеру въ концѣ 1813 года, именно: двухъ фрейлинъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, княженъ Туркестанову и Щербатову, и совѣтника черниговскаго губернскаго Правленія н. с. Г. И. Бажанова, который принялъ на себя обязанности корреспондента по черниг. губ. и оказалъ много услугъ Обществу.

[2]) Капиталу было уже тогда 8901 руб. 71 коп.

[3]) О каждой изъ этихъ статей расхода мы скажемъ впослѣдствіи, здѣсь же обратимъ вниманіе читателя лишь на то, что капитальная сумма *уже въ 1812—13 гг. отдавалась взаймы подъ проценты* и что въ нее зачислялись пожертвованія всякаго рода (ср. обо всемъ этомъ ниже).

получающему за сороколѣтнюю службу сорокъ три рубля въ годъ, по шестидесяти рублей въ годъ; улану Раснянскому—по тридцати рублей, поручицѣ Прозоровичевой съ двумя дочерьми—по 90 рублей въ годъ; 2) въ Богодуховѣ: престарѣлой кол. асс. Башкатовой и капит. Сабельской— по 50 рублей въ годъ; 3) въ Ахтырхѣ: разбитому параличомъ подпоруч. Мосцицкому—по 50 рублей, 4) въ Сумахъ: подпоруч. Вашковой съ семействомъ—по 60 рублей въ годъ. Единовременныя пособія были оказаны 15 просителямъ, изъ нихъ 4 получили помощь отъ Тобольскаго корреспондента Фонъ-Креммера, остальные отъ Совѣта, при чемъ Совѣтъ выдавалъ ихъ съ должною осмотрительностью, стараясь находить дѣйствительно нуждающихся въ помощи, поэтому всегда требовалось свидѣтельство корреспондента или вообще извѣстныхъ Совѣту и наконецъ оффиціальныхъ лицъ о бѣдности просителя. Всего просьбъ за 1813 годъ, какъ видно, изъ дѣла № 4 институт. арх., поступило въ Совѣтъ 28, и всѣ онѣ были удовлетворены Совѣтомъ, за исключеніемъ довольно любопытнаго прошенія чиновника московскаго архива Алексѣя Тархова, письмо котораго, присланное въ Совѣтъ Вас. Наз. Каразинымъ [1]), описываетъ страданія его (Тархова) во время за-

---

[1]) Вотъ это письмо: милостивый государь Василій Назаровичъ! По силѣ учиненнаго архивскаго опредѣленія оставленъ я былъ съ двумя товарищами, Ждановскимъ и Шульцемъ въ Москвѣ для храненія казенныхъ вещей, дома и дѣлъ также и переписки. Но французы, вшедъ въ Москву 2 сентября въ 4 часа пополудни, въ 9 часовъ вечера начали жечь въ городѣ лавки и дома, и пожаръ въ Москвѣ безпрерывно продолжался четверо сутокъ, день и ночь, наконецъ большую часть города обратилъ въ пепелъ. Меня же французы и поляки били палашами, кулаками и пиками нещадно съ крикомъ: „покажи и отдай намъ деньги казенныя и свои, гдѣ онѣ хранятся, зарыты или у тебя гдѣ нибудь спрятаны“, угрожали мнѣ обнаженными саблями. Напрасно сказывалъ я имъ, жертвуя жизнью своею, что никакихъ у меня денегъ нѣтъ. Во время самого пожара, когда все кругомъ было объято пламенемъ, спасая жизнь свою, бѣжалъ я съ семействомъ своимъ (шестью дѣтьми) изъ архивскаго дома, и всѣ мы ночевали противъ Ломоносова дома въ саду на Казенной улицѣ, и только на третій день осмѣлился я вернуться въ архивскій домъ. Благодареніе Всевышнему Создателю, что флигель, въ которомъ я жилъ, и аппартаменты остались цѣлы; домъ же, гдѣ жили чиновники Шульцъ и Либенау, сгорѣлъ до тла. Въ тотъ же день пріѣхали къ намъ французскіе чиновники съ командою, вооруженною молотами и топорами, и стали разбивать замки въ дверяхъ Трактатной Палаты и нижнихъ архивскихъ апартаментовъ; разломавъ оные, вошли и начали грабить

нятія французами Москвы, но адресовано не въ Совѣтъ, а самому В. Н. Каразину. Начавшіяся ли уже тогда несогласія между Совѣтомъ и В. Н. Каразинымъ или что-либо другое удержали Совѣтъ отъ оказанія помощи пострадавшему чиновнику—мы этого не знаемъ.

Какъ бы то ни было, это—единственный документъ, на которомъ нѣтъ ни резолюціи Совѣта, ни даже обычной подписи правителя дѣлъ: невольно приходитъ мысль, что документъ этотъ сохраненъ въ дѣлахъ именно благодаря его оригинальности. Остальные просители: 5 прежде получившихъ пенсіи и просив-

---

имѣніе, находившееся въ разныхъ сундукахъ, въ томъ числѣ и мои пожитки, и, наклавъ онымъ 4 фуры, повезли съ собою. Спустя нѣсколько дней стали ко мнѣ на постой шефъ 8-го польскаго уланскаго полка и 2 капитана, которые разграбили все, что еще оставалось въ домѣ, и притѣсненіе отъ нихъ имѣлъ я великое.—А 1-го октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, пришли ко мнѣ въ архивскій домъ опредѣленные отъ французскаго привительства частный приставъ съ коммиссаромъ и драгуномъ и спросили: не я ли г. Тарховъ? и, когда я отвѣчалъ утвердительно, они сказали, что меня требуетъ г. генералъ-комендантъ къ себѣ. Я не могъ сопротивляться, пошелъ съ ними и былъ приведенъ къ правителю канцеляріи или секретарю генералъ-коменданта, который, спросивъ мое имя и фамилію, отвелъ меня въ холодную комнату и оставилъ тамъ, а у дверей поставилъ двухъ драгуновъ съ обнаженными саблями. Спустя нѣсколько времени въ тотъ же холодный покой привели: тайнаго совѣтника Андрея Васильевича Повалишина), (бывшаго астраханскаго губернатора), дѣйств. ст. сов. Андрея Кондратьевича Артакова, бригадира Аммоса Евдокимовича Демидова, кол. асс. П. Устинова и тит. сов. Реброва, и, приставивъ къ нашей двери уже 4-хъ драгунъ съ обнаженными саблями, держали насъ въ той холодной залѣ съ 7-ми часовъ утра до 8-ми вечера, не давая намъ ни хлѣба, ни воды. Наконецъ въ 8 часовъ вечера входятъ къ намъ франц. генералъ-комендантъ и генералъ-полиціймейстеръ Виллерсъ, бывшій профессоръ московскаго университета, и объявляютъ намъ арестъ за то, что еще до прибытія французовъ въ Москву его сіятельство графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ отправилъ якобы на баркахъ 50 человѣкъ французовъ, жившихъ до тѣхъ поръ въ Москвѣ, въ Казань или въ Сибирь, гдѣ французовъ этихъ содержатъ якобы весьма нехорошо. Поэтому Императоръ ихъ Наполеонъ велѣлъ намъ написать нашему Императору Государю и ко главнокомандующему князю Голенищеву-Кутузову, чтобы французы эти были возвращены непремѣнно, ежели же не будутъ возвращены, то Бонапартъ грозилъ немедленно разстрѣлять насъ. Когда мы на это отвѣчали, что ничего не знаемъ и ни въ чемъ ни душою, ни тѣломъ неповинны, то приказано было отвести насъ къ генералу, завѣдывавшему русскими военно-плѣнными, и тамъ насъ три дня держали подъ строжайшимъ карауломъ, выдавая лишь по куску хлѣба и не допуская къ намъ никого, на 4-й день генералъ, завѣд. военно-плѣнными, объявилъ намъ отъ имени Наполеона свободу, но съ приказаніемъ, чтобы мы подъ страхомъ смертной казни,

шихъ о продолженіи ихъ, 8 новыхъ пенсіонеровъ и 14 просившихъ единовременной помощи, всѣ получили, по мѣрѣ возможности, удовлетвореніе отъ Общества [1]). Всего выдано отъ Совѣта и корреспондентовъ пенсіонерамъ: полугодовымъ—150 рублей, третьнымъ—160 рублей, мѣсячнымъ—264 руб. Единовременныхъ пособій выдано на 465 рублей, кромѣ того, на отправленіе въ ополченіе бѣдныхъ дворянъ издержано 389 рублей. И такъ, на 2-й годъ благотворительная дѣятельность Общества значительно увеличилась. Въ 1812 году на пособія, какъ мы видѣли, было издержано всего 784 рубля, въ 1813—1428 рублей. Кромѣ того, изъ этой же части ежегодной суммы, какъ мы уже видѣли раньше, выдавались деньги и на содержаніе канцеляріи Совѣта и на другіе мелкіе расходы. Расходы эти значительно уменьшились въ 1813 году. Въ 1812 году на содержаніе канцеляріи издержано 135 рублей, въ отчетномъ году только 100 рублей. Сверхъ того, въ 1812 году на печатаніе объявленій издержано 197 руб. 20 к.—въ 1813 году—ничего. Такъ какъ и за послѣдующіе годы этой статьи расхода нѣтъ въ отчетахъ, а всякаго рода печатныя объявленія были и печатаніе отчетовъ вообще продолжалось, то приходится допустить одно изъ двухъ: или редакціи С.-Петербургскихъ (Комитетъ Правленія Академіи наукъ) и Московскихъ (Правленіе Московскаго Университета) Вѣдомостей, „Харьковскихъ Извѣстій“ (А. Вербицкій) и „Сына

никуда не отлучались и черезъ каждые три дня являлись къ нему, къ генералу же коменданту каждый день, что мы и исполняли до тѣхъ поръ, пока казаки наши не выгнали французовъ изъ Москвы. А о голодѣ, какой претерпѣвали мы съ самаго прихода французовъ въ Москву, т. е. со 2-го сентября по 11 октября ч говорить нечего: хлѣба даже единаго кускъ не имѣли, а питались только картофелемъ, капустою, рѣдькою и свеклой. Наконецъ нашли на баркѣ горѣлую пшеницу и, найдя жернова, сами мололи и ѣли ее“. Затѣмъ Тарховъ проситъ Василія Назаровича о присылкѣ разныхъ домашнихъ продуктовъ („мучки, крупъ, маслица, ветчинки или свининки, а изъ живности, что Богъ на сердце положитъ“) и помѣчаетъ письмо 19-го ноября 1812 года.

[1]) Вообще за первые 2 года существованія Общества мы встрѣтили въ дѣлахъ его очень немного отказовъ просителя. Да и то отказы эти касались только такихъ лицъ, которые не представили достаточныхъ свидѣтельствъ о бѣдности и трезвомъ (хорошемъ) поведеніи или, наконецъ, какъ тит. сов. Осташевскій, не показали даже мѣстожительства своего (см. „Дневныя записки № 1, а).

Отечества" согласились, по просьбѣ Совѣта, помѣщать отчеты и объявленія безплатно, или за нихъ платилъ Г. Ѳ. изъ собственныхъ средствъ [1]).

Страшныя и потрясающія душу событія 1812 года должны были оказать свое вліяніе на общественную благотворительность вообще и на дѣла общества благотворенія въ частности. Тысячи разоренныхъ и обездоленныхъ семействъ, громадное число раненыхъ и увѣчныхъ—все это взывало къ общественной благотворительности и, казалось, должно было содѣйствовать усиленному развитію ея. Не смотря на все это, 1813 годъ, какъ и слѣдующій 1814 годъ, былъ уже тяжелымъ, почти бѣдственнымъ годомъ для общества. Донесенія корреспондентовъ общества за эти годы (1813—1814) наполнены сѣтованіями на неаккуратность, равнодушіе и даже враждебное отношеніе многихъ членовъ Общества. Нѣкоторые (правда, немногіе) члены прямо отказывались отъ взноса денегъ, другіе на письма корреспондентовъ и циркулярныя воззванія Совѣта объ уплатѣ недоимокъ отвѣчали молчаніемъ. Особенною неаккуратностью отличались именно дворяне Слободско-Украинской губерніи. Недоимки сдѣлались хроническою болѣзнью Общества, которая, все усиливаясь, грозила, по словамъ Г. Ѳ. Квитки, „разрушить самое общество и основанныя имъ благотворительныя заведенія (Институтъ)".

---

[1]) Въ дѣлѣ Ин. Арх. № 1, в.) находятся составленныя Г. Ѳ. черновыя двухъ отношеній Совѣта въ редакціи столичныхъ (Спб. и Моск. вѣдомостей съ просьбою „напечатать отчетъ общества, если можно, не взимая за это никакой платы въ уваженіе того, что сумма общества предназначена единственно на вспомоществованіе нуждающимся" (1813 года). За 1815 годъ мы находимъ отчетъ общества въ „Сынѣ Отечества" и (судя по отсутствію расходовъ на напечатаніе), вѣроятно, онъ былъ напечатанъ безвозмездно. Когда же сталъ издаваться въ Харьковѣ журналъ „Украинскій Вѣстникъ", и Г. Ѳ. началъ принимать въ немъ участіе (съ 1816 г.), отчеты общества печатались, конечно, безплатно. Изъ постановленій Совѣта за 1813 годъ, имѣющихъ общій характеръ, замѣчательно рѣшеніе его разъ навсегда пріурочить избраніе предсѣдателя и членовъ Совѣта на новое трехлѣтіе ко времена общихъ дворянскихъ выборовъ. Рѣшеніе это было принято въ общемъ экстренномъ собраніи членовъ 6 сентября 1813 года, но такъ какъ членовъ оказалось въ собраніи мало (8), то рѣшено считать только то собраніе состоявшимся, на которомъ было не менѣе 12 человѣкъ.

Какъ погрессировали недоимки, видно изъ черноваго отчета, находящагося въ томъ же дѣлѣ институтскаго архива (№ 1, в) и писаннаго рукою Г. Ѳ. Квитки.—Въ 1812 году по харьковскому уѣзду числилось за дворянами 325 руб. недоимки, въ 1813-мъ же 875 р., а въ 1814-мъ—1725 руб. Также прогрессировали онѣ въ остальныхъ уѣздахъ Слободско-Украинской губерніи, такъ что недоимки членовъ другихъ губерній были значительно меньше [1]). Совѣтъ принималъ разныя мѣры къ устраненію этого зла, но онѣ оказывались недѣйствительными. Было что-то стихійное въ томъ упорствѣ, съ которымъ дворянство уклонялось отъ обязательныхъ взносовъ на нужды общества... Но, чтобы, по возможности, произнести безпристрастный приговоръ по этому дѣлу, намъ необходимо сначала разсмотрѣть тѣ мотивы, которые приводились въ письмахъ членовъ, отказывав-

---

[1]) Вотъ таблица недоимокъ, составленная Квиткою въ половинѣ 1814 г.:

	въ 1812 году,	въ 1813 году,	въ 1814 году.
По Харьковскому уѣзду	„ 325 р.	„ 875 р.	„ 1725 р.
По Купянскому „	„ 25 „	„ 125 „	„ 550 „
По Волчанскому „	„ — „	„ 175 „	„ 225 „
По Изюмскому „	„ — „	„ 475 „	„ 875 „
По Валковскому „	„ — „	„ 25 „	„ 150 „
По Лебединскому „	„ — „	„ 200 „	„ 450 „
По Ахтырскому „	„ — „	„ 25 „	„ 300 „
По Богодуховскому „	„ — „	„ 25 „	„ 200 „
По Зміевскому „	„ — „	„ 25 „	„ 325 „
По Сумскому „	„ — „	„ 75 „	„ 550 „
По другимъ губерніямъ	„ 50 „	„ 300 „	„ 850 „
А всего по годамъ:. . . .	475 „	„ 2325 „	„ 6200 „

Всего къ іюню 1814 года: 9000 руб., изъ которыхъ на долю дворянства слободско-украинской губерніи приходится слѣдовательно 7800 руб. сер. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ измѣненіи названія харьковск. губерніи. Имя *слободско-украинской* харьковская губернія носила еще между 1765 и 1780 годами въ 1780 году переименована въ харьковское намѣстничество. 17 декабря 1796 г по указу Императора Павла I, намѣстничество уничтожено и возстановлена „слободско-украинская губернія“ въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ которыхъ она существовала до 1780 г. Только съ 1837 года губернія стала называться *харьковской* (см. напр. Харьковск. Сборникъ, литер. научное прилож. къ Харьковск. календарю на 1889 года, вып. 3-й, Отд. 11 стр. 68), при чемъ нѣсколько измѣнилось и прежнее дѣленіе на уѣзды (объ этомъ см. харьковск. календарь на 1886 г. Отд. IX литер. научный „Атласъ слободско-украинской губерніи и ея описаніе 1797 года“ стр. 149).

шихся отъ дальнѣйшихъ взносовъ. Первый отказъ отъ дальнѣйшаго участія въ Обществѣ Совѣту или, лучше сказать, его корреспонденту по купянскому уѣзду А. С. Эли пришлось услышать изъ устъ богатой помѣщицы (дѣвицы) А. И. Зарудной, которая, какъ мы видѣли, подписала 100 рублей безъ обозначенія, ежегодно или единовременно намѣрена она вносить такую сумму. Вотъ что писала эта госпожа отъ 25 іюля 1812 года къ Эли. „Назначеніемъ въ ежегодный взносъ ста рублей благотворительному обществу я никогда себя не обязывала и теперь признаю излишнимъ, ибо добрая воля облегчать участь нуждающихся и несчастныхъ, по мѣрѣ своихъ силъ, гораздо лучше и скорѣе достигаетъ цѣли, т. е. того удовольствія, къ коему располагаютъ собственное чувство (благотворительности) [1]). Почему покорнѣйше Васъ прошу отъ такого требованія меня избавить, а единовременное пособіе во 100 руб. при семъ къ Вамъ препровождаю". Нужно замѣтить, что подобнаго требованія въ то время, т. е. въ іюлѣ 1812 г., никто и не могъ предъявить г-жѣ Зарудной, но слухи и толки о томъ, что подписавшіе какую либо сумму обязаны дѣлать такіе же взносы ежегодно, привели въ ужасъ помѣщицу и заставили ее поскорѣе отдѣлаться отъ такой бѣды. Впрочемъ, къ чести остальныхъ членовъ нужно сказать, что Зарудная была единственнымъ членомъ, отказавшимся отъ платы въ томъ же 1812 году [2]).

Вторымъ изъ отказавшихся былъ помѣщикъ валуйскаго уѣзда воронежской губерніи Ник. Мих. Антоновъ, но на постоянные запросы Совѣта объ уплатѣ денегъ онъ или не давалъ никакого отвѣта ранѣе 1815 года, или письма его не сохранились, поэтому мы не знаемъ его мотивовъ, которые могли быть и очень серьезны, если судить по письму отъ 1815 года, гдѣ онъ довольно вразумительно говоритъ о полной для него невоз-

---

[1]) Намекъ на девизъ общества.

[2]) См. дѣло Ин. Арх. № 24 „Объ отказавшихся членахъ Общества благотворенія отъ ежегоднаго взноса жертвуемой ими суммы". Въ циркулярныхъ предложеніяхъ, разсылаемыхъ Совѣтомъ членамъ съ увѣщаніями объ уплатѣ недоимки, прибавлялось въ видѣ угрозы, что въ отчетахъ будутъ напечатаны имена отказавшихся, но на дѣлѣ это не практиковалось.

можности уплачивать взносы, такъ какъ, по причинѣ разныхъ несчастій, онъ совершенно разорился (дѣло № 24, л. 11). Неизвѣстны намъ и причины отказа помѣщицы той же губерніи М. И. Назимовой, которая вовсе не прислала подписанныхъ ею денегъ, что и составило 50 рублей недоимки по воронежской губерніи за первый годъ существованія общества. Отъ 1813 года (въ томъ же дѣлѣ № 22, ин. арх.) дошло до насъ только одно письмо Василія Стремоухова, который извѣщаетъ Общество объ исчезновеніи сына своего прапорщика Ильи Стремоухова, о которомъ „инаго нельзя заключить, какъ что онъ палъ на полѣ чести за спасеніе отечества“, и потому отецъ не намѣренъ вносить за него подписанной имъ Обществу суммы. А между тѣмъ отказавшихся отъ взносовъ въ этомъ году было значительно больше. Такъ, въ спискѣ иногородныхъ членовъ Общества передъ именемъ помѣщика таврической губерніи Дм. Евст. Нотары (въ графѣ 1813 года) рукою Квитки помѣчено: „отказался“. Та же помѣтка стоитъ передъ именами 2-хъ братьевъ *Величко*, помѣщиковъ полтавской губерніи. Были, вѣроятно, и члены Слободско-украинской губерніи, но мы не знаемъ, какіе именно. Отъ 1814 года до насъ дошло также только одно письмо съ отказомъ, а въ отчетѣ вовсе отказавшихся отъ взносовъ показано 6 человѣкъ[1]). Но Квитка и въ отчетахъ не называетъ ихъ фамилій, а въ дѣлѣ № 22 ихъ письма, по неизвѣстной причинѣ, отсутствуютъ. Въ единственномъ же уцѣлѣвшемъ письмѣ священника Погорѣленкова (отъ 5 іюня 1814 года) приводятся до-

---

[1]) Спустя 13 лѣтъ послѣ того, какъ институтъ отдѣлился отъ Общества благотворенія, именно въ 1831 году, Совѣтъ института потребовалъ отъ опекуна надъ имѣніемъ бывшей предсѣдательницы Общества, Настасіи Николаевны Надаржинской, скончавшейся въ 1830-мъ году, немедленнаго представленія въ Институтскій архивъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ документовъ Общества благотворенія. Въ отношеніи къ Совѣту отъ опекуна кол. асс. Аполлинарія Львовича Шагарова, найденномъ нами въ дѣлѣ № 33, есть и „опись дѣламъ по обществу благотворенія“. Здѣсь къ 1812—1828 годамъ относится 27 дѣлъ, и еще 6 отдѣльной нумераціи (отъ № 7 до № 12 включительно) дѣлъ 1822—1827 гг. Наконецъ безъ № приходо-расходныя книги, книги исходящихъ бумагъ и „связка въ салфеткѣ съ разными благотворительными письмами и проч. бумагами“, но этой послѣдней въ архивѣ не оказалось. Весьма возможно, что тамъ то были письма членовъ, отказавшихся отъ взносовъ.

вольно солидные резоны о невозможности дальнѣйшихъ взносовъ въ общество „вслѣдствіе болѣзней“ этого священника и „оскудѣнія“, при чемъ изъ письма видно, что священникъ получилъ повѣстку отъ изюмскаго земскаго исправника *съ требованіемъ уплаты подписной суммы*, „которую сумму“ онъ, по собственнымъ словамъ, „подписалъ *единовременно*“, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ общества на подписномъ листѣ его же рукою написано: „ежегодно“. Какъ тяжело должны были ложиться на душу основателей общества подобные изворотъ подписавшихся. Св. *Погорѣленковъ*, конечно, *могъ позабыть* то, что онъ подписалъ два года тому назадъ, но Г. Ѳ. видѣлъ ясно его подпись въ дѣлахъ и... вѣроятно, ему было стыдно за пастыря. Но если сельской священникъ и дѣйствительно могъ отказываться отъ пособій на пользу бѣдныхъ, самъ нуждаясь въ пособіи, то какъ должны были дѣйствовать на Квитокъ холодные отказы богачей помочь доброму дѣлу. Г. Ѳ. впослѣдствіе вспоминалъ это тяжелое время съ глубокою горестью... „Я устраивалъ институтъ, самая мысль о которомъ была такъ нова для здѣшняго края“, пишетъ онъ къ Плетневу въ 1839 году, „боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями, привелъ дѣло къ концу... и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ“ [1]). Дѣйствительно, всесильная тогда въ провинціи сплетня уже рисовала братьевъ Квитокъ, какъ людей, изъ цѣлей личнаго честолюбія посягающихъ на чужой карманъ... Хотя никто не осмѣливался говорить объ этомъ открыто, но нѣкоторые желчные намеки, попадающіеся намъ въ письмахъ, позволяютъ сдѣлать такое заключеніе (см., напр., дѣло № 11 Ин. Арх.) А между тѣмъ въ теченіе 1813—1814 г. г. дѣла Общества, какъ мы уже говорили, все ухудшались и вызывали, въ виду возможнаго краха, болѣе или менѣе серьезныя мѣры, очевидно, принятыя если не болѣе энергичнымъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе суровымъ А. Ѳ. Квиткою. Въ то время, какъ Г. Ѳ. строчилъ къ членамъ краснорѣчивыя посланія, А. Ѳ. рѣшилъ обратиться къ губернатору, просить содѣйствія земскихъ су-

[1]) Г. П. Данилевскій „Украинская Старина“, Г. Ѳ. Квитка, стр. 255.

довъ, предъявляя имъ подписные листы, какъ документы, обязывающіе членовъ къ уплатѣ подписной суммы, наконецъ довелъ все дѣло до свѣдѣнія Министра Полиціи и Главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, но объ этихъ перипетіяхъ въ жизни многострадальнаго общества мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

В. Лапинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

Письмо 15-е.

Христосъ Воскресе!

Съ праздникомъ свѣтлымъ привѣтствую Васъ, Милостивый Архипастырь и Отецъ. Да будетъ онъ свѣтлъ у Васъ, а у насъ, съ 5 час. утра, страшно уже омраченъ дымомъ и ужасами открытой бомбардировки, которою такъ долго стращали враги наши. Во время утрени, стоя у престола, нѣсколько разъ ощущалъ я такое сотрясеніе отъ выстрѣловъ на самое зданіе церкви, что полъ подъ ногами колебался. Богъ вѣсть, что будетъ, но спѣшу извѣстить васъ, что насталъ наконецъ часъ, кажется, рѣшительный. Незнаю, впрочемъ, кто первый открылъ огонь—мы или непріятели. Можетъ быть, что и мы. Ибо слышно было о планѣ кн. Горчакова, имѣвшемъ скоро исполниться. Онъ предполагалъ привлечь вниманіе непріятелей на Севастополь и вдругъ устремиться на нихъ всѣми силами отъ Чоргуна, гдѣ все къ тому готово и куда перевелъ онъ свою квартиру. Вчера вечеромъ былъ онъ, по случаю перваго дня праздника, въ городѣ и слушалъ литургію въ Михайловской церкви. Темная ночь, въ которую бдѣли и ожидали перваго праздничнаго часа, хотя и была освѣщаема молніями пушечнаго огня, но этотъ огонь былъ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г., № 4.

обыкновенный и не нарушалъ въ храмахъ Божіихъ спокойствія и сладостныхъ минутъ пасхальной службы. Они переполнены были православными воинами, коимъ, впрочемъ, объявлено было всякую минуту быть готовыми и къ другой службѣ. Потому и для свѣтлаго дня начальники были въ тѣхъ же сѣрыхъ шинеляхъ, какъ и солдаты. Т. е. мы праздновали Пасху, подобно Израилю, стоя, препоясавшись, и съ жезлами въ рукахъ, будучи готовы на все отъ непріятелей, знакомыхъ по Пасхѣ Одесской. Разсказывали, будто-бы они даже присылали парламентера съ предложеніемъ на три дня праздника перемирія, но что кн. Горчаковъ, сославшись на ихъ прошлогоднія дѣйствія у Одессы, не далъ вѣры слову ихъ, такъ будто бы и отвѣчалъ.

Хотя внѣшняго освѣщенія на храмахъ теперь не было у насъ, но ихъ прекрасно освѣщалъ народъ, не вмѣщавшійся въ храмахъ и съ свѣчами стоявшій на дворѣ и по улицѣ, гдѣ стояли ряды съ пасхами, приготовленными для освященія. На бастіонахъ пасхальная служба была совершена іеромонахами, оттуда никому не велѣно было отлучаться ни на минуту. Для великаго пятка и субботы я далъ на бастіоны три плащаницы, бывшія въ моей церкви на храненіи. Страстную Седмицу мы провели, благодареніе Богу, не испытывая особенныхъ страховъ; хотя въ послѣднее время враги неумолкаемо и съ особенною яростію кипятъ за корабельной слободкой, но страхи оттуда въ городъ почти не достигаютъ. При слушаніи страстей Христовыхъ спокойствіе молящихся болѣе нарушено было сверканіемъ въ окнахъ огня, чѣмъ звуками выстрѣловъ, къ коимъ привыкли давно; офицеры по временамъ выходили изъ храма, прислушиваясь, не бьютъ-ли тревоги.

Какъ въ праздникъ Рож. Христова, такъ и теперь, обычнаго по городу христославленія мы не совершали. Ибо нѣтъ къ кому идти: два-три купца, да и тѣ выѣхали ради праздника къ семействамъ въ Симферополь. Были впрочемъ у митрополита; намѣревался я быть у губернатора, Нахимова и у Сакена, но узнавъ, что они принимали праздничные визиты въ четыре часа, какъ скоро возвратились отъ литургіи, я не могъ безпокоить ихъ

въ 9 часу. Посѣтилъ съ пѣніемъ церковнымъ раненныхъ и также сестеръ въ ихъ квартирѣ, и затѣмъ возвратился домой.

Доселѣ погода стояла хорошая. Ночью и теперь, подъ шумъ орудій, шумитъ и частый дождикъ. Если наши войска предпримутъ какое движеніе, то путь будетъ сугубо утомительный и скользкій.

Время къ обѣднѣ, но громъ бомбардировки еще ни на минуту не смолкалъ. Если что послѣ обѣдни узнаю и успѣю къ сегодняшней почтѣ, другой разъ пошлю на почту. Что къ вечеру будетъ извѣстно, завтра непремѣнно буду писать, если буду живъ.

Иду на молитву подъ страхомъ... Ужели у Бога не нашлось лучшихъ молитвенниковъ, что и мнѣ грѣшному пришлось возносить общественную молитву въ такомъ мѣстѣ и въ такое время?

О, помолитесь Вы за насъ! Вы, безъ сомнѣнія, молитесь даже въ часъ сей, но еще не знаете.

Чтобы въ праздникъ не дѣлать неприличнаго празднику, лукавые англофранцузы вчера посадили вмѣсто себя въ траншеи турокъ, которые, бывъ рады случаю и чести, непомѣрно ярились штуцернымъ огнемъ, даже залпами.

28 марта 1885 г., г. Севастополь.

Письмо 16-е.

Христосъ Воскресе!

Благодареніе Богу, Севастополь выдержалъ и отражалъ счастливо вчерашнюю бомбардировку, продолжавшуюся до глубокой ночи. Ночью непріятели бросали бомбы изъ мортиръ, коимъ нельзя было дѣйствовать днемъ по причинѣ дождя. До вечера поступило на перевязочный первый пунктъ до 200 челов. и одна женщина. На другомъ пунктѣ, что въ корабельной слободкѣ, вѣроятно меньше поступило раненныхъ, ибо на той сторонѣ огонь былъ слабѣе, а съ полдня непріятели тамъ почти молчали. О вредѣ непріятелей можно судить по ихъ батареямъ, во многихъ мѣстахъ срытымъ; нѣкоторыя изъ нихъ рано замолчали.

Другіе результаты и цѣль вчерашнихъ дѣйствій, пока неизвѣстны, по крайней мѣрѣ—намъ, частнымъ лицамъ.

Сегодня съ 5 ч. тѣже громы и также по всей оборонительной линіи, на которой у насъ до 500 орудій. Сейчасъ возвратился я съ перевязочнаго пункта; уже до 7 ч. поступило довольно раненныхъ. Проходя оттуда и взглянувъ на море, съ ужасомъ замѣтилъ, что непріятели подводятъ свои корабли и пароходы. Не будутъ ли сегодня бомбардировать съ моря, на что послѣ 5 октября они не рѣшались. Сохрани Господи!—Но печи для каленія ядеръ на нашихъ батареяхъ дымились. Пасмурно, туманно и безвѣтренно: ужасъ отъ дыму и мрака будетъ сугубый. Не пойдутъ-ли враги на штурмъ теперь? Желаніе конца томительной войнѣ у всѣхъ таково, что готовы принять и штурмъ съ радостію. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ было бы лучше.

Вчера одинъ морской офицеръ сообщилъ мнѣ замѣчательный касательно этого слухъ, съ недѣлю ходящій между матросами и солдатами. При переправѣ черезъ бухту съ сѣверной въ городъ сѣлъ на катеръ, наполненный разными нижними чинами, и какой-то старикъ съ большой бородой и въ монашескомъ платьѣ. Рѣчь у солдатъ была своя, о своихъ нынѣшнихъ дѣлахъ, въ которую вмѣшался и неизвѣстный старецъ, ободряя ихъ въ священной брани помощію небесной, съ которою въ третій день праздника Пасхи побѣдятъ враговъ, и прежде чѣмъ пристали къ берегу, сталъ невидимъ. Въ тотъ же день этотъ же, по разсказамъ, старецъ переправлялся съ корабельной на сѣверную, также ободрялъ плывшихъ съ нимъ солдатъ, и также, не доѣхавъ къ пристани, сталъ невидимъ. Его потомъ замѣтили будто бы ходившимъ по горѣ на Сѣверной, побѣжали къ нему, но онъ также скрылся невидимо. Я просилъ офицера найти хоть одного очевидца, но сегодня это третій день и слухъ къ вечеру долженъ оказаться истиною или ложью.

Вашу вѣсть отъ 28 февр. о кончинѣ Государя Императора и указъ консисторіи отъ 2 марта о томъ же предметѣ и о присягѣ новому Императору я получилъ только 22 марта; мы болѣе трехъ недѣль въ то время не получали почты. Я уже писалъ, что мы присягали новому Императору 1 марта и какъ

это было; листъ о присягѣ духовенства мнѣ подвѣдомаго представлю по полученіи таковаго изъ Бакчисарая, куда посланъ мною листъ и предписаніе, чтобы и лакскіе священно-церковнослужители явились для учиненія присяги въ Бакчисарай къ прот. Спиранди.

Приношу глубочайшую мою благодарность вашему вы—ству за присланный вами разборъ богословія преосв. Макарія. Я тѣмъ болѣе радъ былъ вразумиться въ этомъ богословіи вашимъ высокоученымъ судомъ, что почтенный авторъ богословія мнѣ знакомъ еще въ студентахъ кіевской духовной академіи, жилъ со мною два года въ одной комнатѣ и былъ мнѣ, младшему тогда студенту,—компаньономъ старшимъ. Онъ и тогда далеко отличался отъ всѣхъ товарищей, чѣмъ теперь далеко упредилъ не только товарищей, но и старшихъ.

О. Геронтію и братіи его къ празднику Пасхи (за три дня) послалъ я артосъ, пасху и красныхъ яицъ.

Французс. парламентеръ передавалъ нашему, что вашъ архіерей (такъ онъ величаетъ о. Геронтія) пользуется большою расположенностію генерала Канробера, который приглашаетъ его къ себѣ и у него бываетъ.

$9^1/_2$ часовъ утра. Пальба, постепенно дѣлаясь все рѣже и рѣже, теперь уже какъ будто не похожа на бомбардировку. Съ моря пальбы не слышно было. Идетъ дождь. Не измѣнились ли планы? Пишу пока одно то, что подлежитъ зрѣнію и слуху. Что узнаю, дополню.

Въ Инкерманѣ нельзя было долѣе держаться; послушникъ высланъ, церковь заперта, имущество давно отослано въ скитъ. Требуемые рапорты о херсонской и инкерманской киновіи представлю.

Іеромонаху Никандру, бывшему духовникомъ вел. князей, присланъ золотой крестъ, украшенный брилліантами, на золотой цѣпочкѣ, кажется, не какъ знакъ отличія, а какъ царскій даръ, ибо деньгами за труды они не благодарили его. На самомъ крестѣ мелкіе брилліанты составляютъ небольшой крестикъ. Содержанія бумаги, при которой онъ присланъ въ штабъ, не знаю.

29 марта 1855 г. Севастополь.

Письмо 16-е.

Вотъ и пятый день бомбардировка продолжается и, кажется, съ днями усиливается. Что за нею послѣдуетъ, доселѣ неизвѣстно. Вчера Сакенъ заходилъ къ митрополиту взять благословеніе и ничего не сказалъ про намѣреніе, по крайней мѣрѣ, съ нашей стороны. Взятые въ плѣнъ французы показываютъ, что Наполеона нѣтъ еще. Перебѣжавшій французъ утверждаетъ, что его ожидаютъ скоро, для чего и корабли вытащились въ море, чтобы къ приходу его выкраситься, а не для бомбардировки, какъ мы предполагали. Если прійдетъ Наполеонъ, то непремѣнно пошлетъ на штурмъ, но войска будто бы слышать объ этомъ не хотятъ и крайне недовольны своимъ императоромъ.

Значительная часть нашихъ войскъ прибыла и поставлена по мѣстамъ. Про планъ же дѣйствій ничего не знаемъ.

Артилерійская слободка подверглась теперь большому разрушенію, но бастіоны и батареи стоятъ и дѣйствуютъ во всей силѣ. Жаль матросовъ нашихъ, много ихъ выбываетъ и ихъ некѣмъ замѣнить. Доктора и сестры не спятъ ни днемъ, ни ночью. Тяжкое зрѣлище въ жилищахъ слезъ, стоновъ и смерти. Духовныя требованія духовными выполняются съ примѣрнымъ усердіемъ и аккуратностію. Все возложенное всѣми выполняется.

Богослуженіе въ церкви моей идетъ неопустительно; но церковь со 2-го дня праздника стала совершенно пуста. Вчера легло одно ядро у меня предъ порогомъ.

31 марта 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 17-е.

Все ожидали мы, что послѣ бомбардировки будетъ какой-либо конецъ, ибо пора, и естественно потому было ожидать этого конца. Я потому именно и пропустилъ одну почту, что надѣялся написать вѣсти окончательныя и пріятныя. Между тѣмъ мы опять въ томъ же положеніи; ни шагу назадъ, но и впередъ ни шагу. Собственно бомбардировка была 7 или 8

дней, считая со 2-го дня праздника; дѣйствіе непріятелей въ остальные дни уже ниже этого страшнаго слова. Въ гарнизонѣ нашемъ убыло убитыми и раненными не менѣе 5000 (бывало раненныхъ по 300 и 400 человѣкъ въ сутки). Поврежденія незначительны, и поправлялись ночью. Были взрывы пороху на 5 и 6 бастіонахъ, но незначительные и безъ важныхъ послѣдствій. Въ ночь на 4 число непріятели взорвали 4 мины своихъ противъ 4 бастіона, которому впрочемъ не причинили никакого вреда. Люди, бывшіе въ нашихъ колодцахъ, придавлены землею, и 60 человѣкъ ранено камнями. Но непріятели ничего не извлекли изъ этого взрыва; когда они бросились къ воронкамъ, ихъ встрѣтили такимъ картечнымъ огнемъ, что потерю непріятелей считаютъ гораздо больше нашей. Потомъ на томъ же мѣстѣ они успѣли поставить туры и два орудія. Вчерашнюю ночь сдѣлана вылазка, батарею разметали, а траншею наполнили непріятельскими трупами. Матросъ, бывшій въ этомъ дѣлѣ, разсказывая про успѣхъ, досадовалъ на начальство, которое скоро бьетъ отбой; человѣкъ только что разогрѣется, а тутъ бьютъ назадъ. 4-го числа взорвали также погребъ у непріятелей на ихъ батареѣ, что противъ новаго камчатскаго редута.

Во время бомбардировки не мало было несчастныхъ случаевъ съ женщинами и дѣтьми. Изъ одного дома принесли мать полуживую, двухъ мальчиковъ обожженныхъ, ребенка убитаго, и только дочь, прибитая камнями, могла разсказать про несчастіе этого бѣднаго семейства. Жалко смотрѣть на старуху 60 лѣтъ, которой отнимаютъ ногу, но еще больнѣе смотрѣть на раненнаго грудного ребенка, который еще живетъ и которому нечѣмъ помочь,—мать его убита. Вчера я былъ свидѣтелемъ этой сцены. Удивляться должно, какъ иногда смерть ищетъ своей жертвы. Бомба пробиваетъ въ александровскихъ казармахъ, гдѣ помѣщался госпиталь, крышу и потолокъ, не вредя больныхъ, и оставляя два слѣдующіе этажа зданія, вылетаетъ въ окно, падъ на камень, и, сдѣлавъ рикошетъ, влетаетъ въ окно подвала этого же зданія, и тамъ находитъ несчастную мать, которую лишаетъ всей семьи, состоявшей изъ трехъ маленькихъ дѣтей. Смотритель госпиталя разсказывалъ мнѣ про этотъ случай со

слезами на глазахъ. Тамъ же въ другой день контужена сестра, и медику оторвало руку. Теперь перевели 3-й перевязочный пунктъ и больныхъ того зданія въ морскіе магазины, что въ Доковой бухтѣ.

Флотъ непріятельскій въ бомбардировкѣ не принималъ участія. Иногда ночью пароходъ приближался къ берегу, чтобы сдѣлать одинъ или два залпа и потомъ бѣжать.

На перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ съ духовной стороны нѣтъ опущеній,—напротивъ, монахи и бѣльцы даже соревнуютъ другъ другу на этомъ служеніи. Прибывшій вторично въ Севастополь іеромонахъ Іосифъ Хмельницкій, по распоряженію адм. Нахимова, опредѣленъ на корабль „Храбрый“, смѣнивъ Германа, который состоитъ въ михайловской батареѣ и при больныхъ, тамъ находящихся.

Сестры перестали болѣть и всѣ теперь на службѣ. Съ прибытіемъ 4-го отдѣленія число ихъ достаточно. Между ними есть нѣсколько католичекъ, которыя какъ то косо смотрятъ на православнаго священника и, кажется, къ больнымъ не тѣмъ горятъ усердіемъ. Нѣмки—прекрасныя сестры.

Что-то не полюбился общинѣ аѳонскій монахъ, прибывшій съ ними, Веніаминъ. По словамъ старшаго доктора при общинѣ Тарасова, который отъ ея высочества уполномоченъ ко всѣмъ распоряженіямъ по общинѣ, іером. больше положитъ въ сестрахъ несогласія, чѣмъ миръ и любовь. Чтобы онъ меньше имѣлъ на нихъ вліянія, Пироговъ прикомандировалъ его безсмѣнно къ палатамъ самыхъ трудныхъ больныхъ, куда заставили переселиться на жительство. Вмѣсто его рекомендуютъ ея высочеству меня, о чемъ 5 апр. докторъ Тарасовъ послалъ рапортъ вел. княгинѣ. Когда спрашивали на то моего согласія, я тѣмъ менѣе могъ отказываться, что уже вашимъ в-ствомъ милостивѣйше указанъ на это служеніе, хотя доселѣ проходилъ его только при отдѣленіи общины. Іеромонахъ пока ничего не знаетъ про это. Онъ добрый человѣкъ, но, говорятъ, изъ солдатъ, и потому не имѣетъ многихъ качествъ для служенія въ обществѣ людей образованныхъ. Притомъ смотритъ на вещи по аѳонски,—это

уже слишкомъ много для общины, незнакомой съ монашествомъ.

7 апрѣля 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 18-е.

Вотъ и еще письмо отъ архим. Геронтія. Оно, кажется, залежалось въ штабѣ по случаю праздничной бомбардировки. Въ немъ есть свѣдѣнія о священникѣ Кодыковскомъ, который скрылся безъ вѣсти.

Доселѣ не было штурма, не бываетъ и огня особеннаго. Двѣ послѣднія ночи были слишкомъ мирны. Говорятъ, что кн. Горчаковъ своему брату—главнокомандующему писалъ изъ Вѣны и просилъ скорѣе порадовать доброю вѣстію, необходимою для лучшаго хода переговоровъ. Исполнитъ ли онъ эту просьбу и какъ скоро, не знаемъ. Думаемъ, что мы первые не выйдемъ изъ оборонительнаго положенія.

Еще одно ядро попало въ церковь; ударившись въ карнизъ, оно отскочило, оставивъ только язву на немъ.

Сегодня секретнымъ образомъ дошло до меня свѣдѣніе, что представленіе ваше о награжденіи меня и товарища моего крестами на страстной седмицѣ было въ Севастополѣ и, по засвидѣтельствованіи кн. Горчаковымъ, опять пошло по назначенію, безъ всякаго въ немъ измѣненія. Это, говорятъ, потому, что награды, кои такъ милостиво присудили намъ, подлежатъ суду высшаго начальства; и эта форма так. обр. соблюдена. Въ семъ ходѣ дѣла мы видимъ новую къ намъ милость Божію: ибо если-бы оно пришло къ кн. Меншикову, то вмѣстѣ съ представленіемъ о всемъ военномъ духовенствѣ и врачахъ, осталось бы недвижимо въ его канцеляріи. О духовныхъ и врачахъ онъ сказалъ: пусть ихъ наградитъ Господь.

Недавно мнѣ случилось узнать его сужденіе о Сакенѣ. Оставляя Крымъ и слагая причину малыхъ успѣховъ на посредственность генераловъ, его окружавшихъ, онъ сказалъ: „и Ерофеичъ (Дмитрій Ерофеичъ) мнѣ не помогъ“.

Прошеніе Св. Синоду въ Севастополѣ подписано и послано въ Бакчисарай съ тѣмъ, чтобы не медля, за учиненіемъ подписи, было доставлено въ Симферополь о. Родіонову.

О. игумену Николаю я послалъ всѣ бумаги, нужныя для искорененія въ Бакчисарайскомъ соборѣ безпорядка и введенія тамъ порядка, который всегда будетъ сомнительнымъ при о. Спиранди.

11 апрѣля 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 19-е

Отъ послѣдняго письма моего по 20-е число апр. не случилось въ Севастополѣ и около него ничего замѣчательнаго, хотя раненныхъ съ батарей и бастіоновъ прибывало на перевязочные пункты не мало.

Театръ войны или усиленныхъ дѣйствій непріятеля опять у 4 и 5 бастіоновъ, т. е. на дорогѣ монастырской. Здѣсь мы защищаемся только изъ-за батареи; непріятельскія траншеи въ 10 саженяхъ, для глаза же и того разстоянія нѣтъ.

Въ ночь на 20 апрѣля французы отняли у насъ и послѣднюю траншею у 5-го бастіона. Они напали въ числѣ несравненно большемъ нашего прикрытія. Впрочемъ, нашу неудачу приписываютъ просто трусости *Углицкаго* полка. Потеря убитыми и раненными была до 1000 человѣкъ. Въ послѣднее время много пало офицеровъ. 22 апрѣля погребали ихъ вмѣстѣ 8 человѣкъ, принятыхъ 21 числа при уборкѣ тѣлъ изъ француз. траншей. Случайно я былъ свидѣтелемъ—на весьма близкомъ разстояніи—этого печальнаго зрѣлища; французы сами выносили наши тѣла на половину того разстоянія, какое еще находится между нами и врагами. Здѣсь стояли два нашихъ офицера, которые распоряжались своими носильщиками. Зрителей со стороны непріятелей было очень много. По торчавшимъ изъ рвовъ краснымъ головамъ можно было судить о близости къ намъ враговъ и ужасаться этой близости. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что штурмъ послѣдуетъ здѣсь и очень скоро. Можно о семъ заключить и изъ того, что гарнизонъ нашъ усиленъ новыми полками.

Пройти по какой либо улицѣ все равно, что по лагерю; все наполнено солдатами. Вѣнскія конференціи не имѣютъ на наши дѣла ни малѣйшаго вліянія.

Замѣчено, что 21 взята въ Херсонѣ значительная часть дессанта на суда и отправлена въ Евпаторію. 8 баталіоновъ нашихъ съ сѣверной стороны посланы туда-же въ подкрѣпленіе нашихъ войскъ.

Адмиралъ Нахимовъ, по случаю производства своего въ этотъ чинъ, приказалъ по флоту благодарить семью моряковъ сознаніемъ, что незаслуженную милость монаршую онъ получилъ за доблести своихъ товарищей. Словесно же онъ выражался, что въ случаѣ вторженія непріятелей въ городъ, онъ первый долженъ пасть при защитѣ его. Такъ онъ понимаетъ ту славу, которую пріобрѣли черноморцы въ послѣднее время, и не хотѣлъ бы пережить ее.

Что намъ дѣлать, въ случаѣ бы Господь попустилъ хотя временно подвергнуть насъ такому посѣщенію. Думаю, что мы не должны оставлять церкви, пока не будемъ отозваны отъ ней начальствомъ или прогнаны непріятелемъ. Такъ по крайней мѣрѣ я понимаю долгъ священника и святость храма Божія и такъ готовъ поступить въ надеждѣ на милость Божію.

Братъ мой, законоучитель гимназіи въ Бѣлой Церкви, пишетъ, что манифестъ о народномъ ополченіи произвелъ большое волненіе въ Кіевской губ.; крестьяне, отягченные игомъ польскихъ помѣщиковъ, рады случаю и не хотятъ болѣе знать своихъ помѣщиковъ. Всѣ желаютъ служить Богу и Государю и быть вольнымъ козачествомъ. Злонамѣренные люди внушили невѣждамъ, что таковъ именно смыслъ манифеста, и что у священниковъ есть и указъ „не робыть помѣщикамъ панщины“. Требуя отъ нихъ такихъ указовъ, принуждая къ писанію просьбъ и адресовъ, прихожане въ деревняхъ нерѣдко подвергали священниковъ тяжкимъ обидамъ и насилію. Особенно торопила ихъ къ тому молва, что послѣ великаго четверга поздно уже записываться въ вольные козаки. Братъ съ вел. субботы не возвращался домой, и въ постоянномъ разъѣздѣ съ чиновниками отъ генералъ-губернатора. Въ имѣніи Браницкихъ утишили вол-

неніе; въ одномъ только мѣстѣ по нуждѣ употреблена сила оружія: крестьянъ убито 30 и ранено 30. Теперь тоже поднялись въ имѣніи кн. Лопухина въ корсунскомъ округѣ. Отправился туда и самъ кн. Васильчиковъ. Печальное явленіе.

22 апрѣля 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 20-е.

Непріятное для насъ дѣло, случившееся въ ночь на 20 апрѣля, скоро заглажено нашимъ успѣхомъ: 23 апр. мы взорвали у непріятелей 2 пороховыхъ погреба, и въ ночь на 24-е еще одинъ погребъ тамъ же противъ 4-го бастіона. Въ ту же ночь отъ 3-го бастіона сдѣлана изъ 100 челов. охотниковъ удачная вылазка, цѣлію которой было собственно достать языка, чтобы узнать, куда пошелъ флотъ съ дессантомъ. Взяли въ плѣнъ одного офицера и 6 рядовыхъ; но, кажется, отъ нихъ ничего не дознали. Предполагаютъ различно: одни — что непріятели пошли изъ Евпаторіи въ Одессу. Изъ Ялты дали знать что замѣтили ихъ направленіе къ Анапѣ. Еще думаютъ, что м. б. это ничто иное, какъ одинъ видъ диверсіи, чтобы заставить насъ развлечь свои силы.

23 апр. былъ военный совѣтъ, на которомъ, говорятъ, только адм. Нахимовъ и генер. Хрулевъ горячо говорили, что время наступательно дѣйствовать. Впрочемъ, на чемъ рѣшено, неизвѣстно.

Къ отраженію штурма всѣ распоряженія сдѣланы, ибо его можно теперь ожидать съ часу на часъ. Дѣло на 20 апр. слишкомъ предосудительно для насъ и произвело непріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Унасъ въ отнятой непріятелями траншеѣ 7 мортиръ и 2 орудія. Углицкій полкъ, бывшій тогда въ траншеѣ и въ прикрытіи, просто бѣжалъ постыдно! Это дѣло было случаемъ для начальника праваго фланга оборонительной линіи, вице-адмирала Новосильскаго, начальника 4 бастіона капитана 1-го ранга Кутрова и еще нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ сказаться больными и оставить свои мѣста. Моряки, почти 8 мѣсяц. защищая Севастополь своею грудью, не могутъ безъ негодованія говорить о бездѣйствіи арміи и какомъ-то холодномъ равно-

душіи ея генераловъ. Наконецъ, почти нѣтъ флота; перевелись и матросы, и офицеры. Отъ экипажа осталось всего 36 челов. Сакенъ вчера посѣтилъ больного Новосильскаго и убѣдилъ ли его быть здоровымъ—неизвѣстно. Кому Севастополь—не родной, тотъ не пойметъ болѣзни моряка; между тѣмъ всѣ говорятъ о морякахъ съ благоговѣніемъ, и скорбятъ, что ихъ такъ мало. Нахимовъ съ трудомъ теперь находитъ и своихъ больныхъ, о коихъ онъ заботился болѣе, чѣмъ отецъ: они стали рѣдки на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ. Много есть прекрасныхъ сторонъ въ этомъ адмиралѣ, между прочимъ память о морякахъ—покойникахъ. Въ этомъ мѣсяцѣ я служилъ для него три панихиды: 5 числа по Корниловѣ, 11-го по Лазаревѣ и 15 по Истоминѣ, по случаю 40 дней отъ кончины сего послѣдняго. Онъ не забываетъ дней кончины ихъ. „Очень мала теперь семья наша", говорилъ онъ мнѣ на могилѣ, „и неудобно теперь собираться сюда, но должно исполнить св. долгъ нашъ.

Владимірскій храмъ будетъ теперь какъ бы на гробахъ мучениковъ. Два адмирала пали за вѣру, и третьяго кончина была страдальческая, если покойникъ смотрѣлъ на свои страданія, какъ должно.

Вчера я прочелъ въ письмѣ Станюковича изъ Николаева къ своему зятю слѣдующее: „кн. Меншиковъ, по случаю производства Нахимова въ адмиралы, сказалъ: „его сдѣлали безполезнымъ. Его было дѣло равнять корабли, тянуть веревки, смочить снасти и со всѣми браниться". Кажется, генералъ—адмиралъ лучше понимаетъ Нахимова, чѣмъ бывшій морской министръ.

Двѣ сестры общины отправились въ Петербургъ по болѣзни. Одна изъ нихъ отъ нервической чувствительности не могла сносить прежде пушечныхъ выстрѣловъ, а потомъ и стоновъ больныхъ. Другая тоже отъ подобной чувствительности не могла перенести строгаго замѣчанія начальницы. Правду сказать, что М. Стаховичъ имѣетъ болѣе пріемы крутого ротнаго командира, чѣмъ начальницы женщинъ благородныхъ и сознающихъ свои личныя достоинства. Она ограничиваетъ свободу сестеръ до того, что воспрещаетъ сходить въ церковь, хотя бы сестра имѣла на то досугъ. Зачѣмъ тамъ выставляться? Можно и дома

помолиться. Такъ она думаетъ, и очень упряма, чтобы послушать чьего совѣта. Сестры не совсѣмъ довольны ею и, благодареніе Богу, проходятъ усердно свое служеніе, открывая свои чувства лишь тому, чрезъ кого онѣ не могутъ быть гласными. Стараюсь говорить имъ то, что на пользу общую, для которой можно забывать малость.

Дѣти моего товарища о. Демяновича приняты въ Воронежскій кадетскій корпусъ съ тѣмъ, чтобы старшій сынъ былъ представленъ нынѣ же, когда будетъ ему 9½ лѣтъ.

25 апр. 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 21-е.

26 апр. съ поспѣшностію очистили отъ раненныхъ и больныхъ всѣ тѣ мѣста въ городѣ, гдѣ они находились. Можно было догадываться, какъ и говорили, что готовятъ мѣста для раненныхъ отъ имѣющаго быть великаго сраженія. (Больныхъ изъ города отправили на сѣверную въ палатки, откуда отправляютъ ихъ далѣе). Между тѣмъ 27-е число прошло тише обыкновеннаго. Ночью пошелъ дождь, который продолжалъ идти и днемъ: потому тишина водворилась вокругъ насъ отъ непріятелей. Ночью на 29-е апр. въ 10 ч. закипѣла жаркая пальба у 3 бастіона, но продолжалась всего съ полчаса. По штуцернымъ огнямъ (мѣстность, гдѣ происходило это, отъ церкви совершенно видна) можно было судить, что или непріятели напали на ложементы наши, или наши хотѣли побывать въ непріятельскихъ траншеяхъ. Пишу утромъ и подробностей о томъ еще никакихъ не слышалъ. Безъ сомнѣнія онѣ не могутъ быть важны.

Сегодня опять дождь, начавшійся еще до разсвѣта. Обыкновенно въ такую погоду съ обѣихъ воюющихъ сторонъ бываетъ молчаніе. И еслибы дожди продолжались, мы благополучно дождались бы конца Вѣнскихъ конференцій. На военномъ совѣтѣ, бывшемъ у насъ 21 апр., будто бы рѣшено, что намъ выгоднѣе оставаться въ оборонительномъ положеніи. Есть слухъ, не знаю какимъ путемъ достигшій Севастополя, что Пруссія объявляетъ войну Франціи и проситъ у Россіи вспомогательнаго корпуса.

Если и правда сему, то несомнѣнно, что, по манію Божію, соберутся новыя политическія тучи и въ громахъ противоставятся громамъ и громовые отводы.

Докторъ Пироговъ, котораго присутствіе и неутомимая дѣятельность чрезвычайно важны для Севастопольскихъ госпиталей, просился, по болѣзни, домой, а также прибывшіе съ нимъ на содержаніи в. кн. Елены Павловны медики просили объ отпускѣ по крайнему изнеможенію отъ непомѣрныхъ 6-тимѣсячныхъ трудовъ. Вел. княгиня, изъявляя нѣкотор. образ. согласіе на отпускъ Пирогова, его же проситъ убѣдить другихъ медиковъ, какъ лучшихъ хирурговъ, остаться еще въ Севастополѣ. Но оффиціальнаго разрѣшенія и Пироговъ пока не имѣетъ, и безъ сомнѣнія безъ того не уѣдетъ.

Сестры и духовники въ госпиталяхъ исполняютъ свое дѣло. Кладбищная церковь видится цѣла и неоткрыта. Съ Пасхи переговоры производятся на морѣ съ катеровъ, и не было случаевъ осмотрѣть ихъ близко, какъ это было удобно при переговорахъ на сухомъ пути. Такая перемѣна послѣдовала вслѣдствіе покушенія непріятелей заглянуть въ наши рвы, кои настланы досками съ набитыми на нихъ гвоздями.

Свидѣтельство на кладбищный домъ, что онъ разбитъ непріятельскими ядрами (чего впрочемъ еще не было) и разобранъ на военныя надобности, я получилъ изъ штаба. По нему можно будетъ получить вознагражденіе отъ казны.

27 апр. о. Иннокентій, бывшій въ городѣ, передалъ мнѣ, что на Сѣверной сторонѣ въ госпиталяхъ находился послушникъ Василій Райза изъ выкрестовъ, который занимался тамъ служеніемъ раненнымъ-больнымъ, и что онъ за какую-то бесѣду заподозрѣнъ и куда-то отправленъ. О. Иннокентій объ немъ отозвался мнѣ, что онъ этого послушника хотя и видѣлъ, но онъ при немъ не состоялъ, и не знаетъ, откуда и зачѣмъ онъ былъ присланъ туда. По письму о. Мих. Радіонова, при которомъ онъ передаетъ еще два письма этому послушнику изъ Кіева, видно, что онъ хорошо и съ доброй стороны извѣстенъ о. Михаилу и служилъ прежде въ Симферополѣ при госпиталѣ же.

О Георгіевскомъ монастырѣ новаго ничего не знаю, ни письма о полученіи артоса и пасхи не имѣю.

Преосв. митрополитъ здравствуетъ по старчески и хотя ядра и ракеты съ моря летали чрезъ его квартиру (непріятели перепробовали свои снаряды со всѣхъ сторонъ по городу, и все напрасно: не горитъ городъ), сидитъ дома неподвижно. Непонятно, почему старецъ не согласился на ваше предложеніе ѣхать въ Одессу или Корсунь, гдѣ нашелъ бы пріютъ, покой и довольствіе. Впрочемъ „сѣмя свято стояніе всякаго града", а его санъ и старчество непорочное сами говорятъ въ пользу этого стоянія.

Много паче можетъ ваша архип. молитва, яко ангела паствы, врагами обложенной. Не лишайте насъ и архипастырскаго вашего благословенія.

Рапорты по присланнымъ письмамъ мною уже представлены. Счелъ нужнымъ возвратить и самыя письма.

29 апрѣля 1865 г., г. Севастополь.

Письмо 22-е.

Оставаясь въ томъ же безъисходномъ положеніи, въ послѣдніе дни Севастополь былъ обрадованъ новымъ успѣхомъ мужественныхъ и неутомимыхъ защитниковъ его.

29 апр. ночью сдѣлана малымъ числомъ охотниковъ удачная вылазка отъ 3 бастіона. Хотѣли для главнокомандующаго достать только языка, захвативъ нѣсколько человѣкъ изъ передовой цѣпи непріятельской; но, по причинѣ большой темноты не примѣтивъ этой цѣпи и сами не бывъ примѣчены, охотники очутились у самой траншеи и съ крикомъ ура, распугавъ англичанъ, заклепали нѣсколько орудій и представили пять языковъ—живыхъ и здоровыхъ англичанъ. 30 апр. взорвали у непріятелей два погреба: одинъ ночью, другой днемъ.

Въ ночь на 2-е мая была также удачная вылазка отъ 5 бастіона, коею заглажена вина углицкаго полка. Обѣ наши траншеи противъ 5 бастіона, отнятые французами 20 апр., очищены отъ нихъ спѣшно и туры разбросаны, а непріятели здѣсь опять въ прежнемъ болѣе почтительномъ отдаленіи отъ насъ.

Между тѣмъ осадныя работы у непріятелей продолжаются, хотя съ недѣлю водворилась значительная тишина. У насъ также фуры и фашины въ большомъ множествѣ ежедневно отправляются на оборонительную линію. Общая молва (такъ говорятъ рѣшили и въ бывшемъ военномъ совѣтѣ), что, не смотря на превосходное число войскъ нашихъ, мы не выйдемъ первые изъ оборонительнаго положенія.

1 мая пронеслась вѣсть (будтобы изъ достовѣрнаго источника), что французы отправляются куда-то открывать другой театръ войны, оставляя укрѣпленные пункты—Балаклаву и Камышеву бухту подъ прикрытіемъ флота. Три послѣднихъ дня апрѣля былъ дождь и днемъ и ночью; съ 1 мая стали дни ясные; земля даже подъ ногами непріятелей зеленѣетъ.

Кіево-выдубецкаго монастыря послушникъ Василій Рейза заподозрѣнъ, какъ потомъ узналъ я, по слѣдующему обстоятельству. Въ госпиталь на сѣверной сторонѣ поступилъ по случаю войны, изъ отставныхъ, штабъ-лѣкарь—полякъ. Онъ, наполнивъ стекляныя баночки табакомъ, поручилъ послушнику передать ихъ какому-то цыгану; этотъ цыганъ задержанъ козаками на позиціи генерала Липранди. Въ баночкахъ подъ табакомъ оказались на бумагѣ рисунки нашихъ укрѣпленій. Вслѣдствіе этого арестованы штабъ-лѣкарь, послушникъ и цыганъ. Они, кажется, въ Симферополѣ.

Встрѣтивъ потомъ въ городѣ бывшаго херсонскаго послушника Іовина и узнавъ, что онъ остается теперь безъ дѣла, я въ тотъ же день далъ ему на руки бумагу и выслалъ его въ скитъ, чтобы и онъ куда-либо не увязъ.

Сегодня слышенъ огонь штуцерный, и пушечные выстрѣлы раздаются не рѣдко.

4 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 23-е.

Вчера только получены мною высланные по распоряженію вашего высокопр—ства деньги на вспоможеніе скитамъ и духовенству, о чемъ узналъ на почтѣ случайно, посылая деньги въ свѣчной комитетъ. Первое объявленіе не доходило до меня. Въ моемъ

вѣдомствѣ остаются безъ мѣстъ два священника: Комарскій, доселѣ состоявшій, за неимѣніемъ наличнаго священника, при Бакчисарайскомъ соборѣ, и Качинскій Кузьменко, который, по моему распоряженію съ согласія Мальчумскаго причта, во время четыредесятницы и праздника Свѣтлаго служилъ въ Біазалахъ. Теперь особенной нужды въ служеніи въ приписной церкви нѣтъ, и на это уже нѣтъ согласія причта и прихожанъ. Я предложилъ имъ просить мѣстъ себѣ, если есть праздныя. Качинская церковь можетъ быть скоро приведена въ порядокъ, даже теперь, если бы были тамъ жители въ разоренныхъ садахъ, но Комарская не существуетъ, какъ и самая деревня.

Въ послѣдніе дни ничего у насъ не случилось замѣчательнаго, кромѣ взрыва непріятелемъ двухъ минъ противъ 4-го бастіона, киторый не понесъ отъ того никакого вреда. Прошлую ночь заложены нами и въ послѣднюю докончены ложементы противъ кладбища (церковь видится цѣлою, а ограда во многихъ мѣстахъ разорена). Въ послѣднюю ночь поэтому былъ сильный огонь, и много бомбъ брошено. Одна въ саду церковномъ такъ глубоко вошла въ землю, что нельзя докопаться, другая въ домѣ сосѣдскомъ противъ колокольни изранила человѣка не собою, а стеклами оконъ.

Во флотѣ непріятельскомъ, который—какъ лѣсъ въ херсонескихъ бухтахъ, большое движеніе постоянно. Вчера двигалось 23 парохода. Въ лагерѣ, слышно, холера и общее неудовольствіе зуавовъ, которые бѣгаютъ часто и компаніями. Есть уже бѣглецы изъ піемонтцевъ. Дни у насъ очень жаркіе. Потому днемъ непріятели молчатъ; съ нашей стороны пальба бываетъ лишь въ отвѣтъ непріятелю.

Пронесся слухъ, что у Евпаторіи турки больно проиграрались предъ нами; но, кажется, это не вѣрно, объ этомъ не молчало бы начальство. О пріѣздѣ Наполеона еще не замѣтно изъ лагеря. Тамъ постоянно видны ученья.

Въ общинѣ крестовоздвиженской труденъ миръ, пока начальница будетъ такъ дѣйствовать: ея дѣйствія не въ духѣ любви. Хотѣла перемѣстить нѣкоторыхъ сестеръ въ Бакчисарай. Тѣ не согласились, видя въ томъ обиду для себя. Она поспѣ-

шила донести объ ослушаніи, когда тѣ на другой же день изъявили послушаніе. Генеральша Ширманъ, чрезъ руки которой идетъ къ вел. княгинѣ вся переписка, не доводитъ слишкомъ непріятнаго до слуха ея высочества, но, кажется, сама не одобряетъ тона Стаховичъ.

11 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 24-е.

Въ ночь съ 10 на 11 мая много пролито крови подъ севастопольскимъ кладбищемъ. 11-го числа я писалъ къ вашему высокопр—ству утромъ, не имѣя еще свѣдѣній какъ о дѣлѣ самомъ, такъ и о потерѣ, въ немъ бывшей. Не легко впрочемъ собирать ихъ вдругъ послѣ дѣла: тутъ бываетъ столько разнорѣчивыхъ, пріятныхъ и непріятныхъ разсказовъ, что по нимъ нельзя составить и понятія о дѣлѣ.

Послѣднее дѣло было таково: ночью на 10-е мая мы открыли работы, чтобы соединить ложементъ, для коего послужила кладбищенская стѣна, съ 5-мъ нашимъ бастіономъ, и отъ угла кладбищной ограды провести линію ложемента на карантинной бухтѣ, и, безъ особенной потери, почти окончили эти работы. Въ ночь на 11 мая непріятели напали на эту линію гораздо въ большемъ числѣ, нежели у насъ было поставлено для отраженія нападенія, котораго ожидали. По словамъ плѣннаго, ихъ было 18000, въ томъ числѣ 3000 гвардейцевъ. Употреблена была въ дѣло и часть кавалеріи. Наши ложементы въ продолженіе ночи три раза переходили изъ рукъ въ руки, и наконецъ линія отъ кладбища къ бухтѣ осталась за непріятелями. Къ значительности числа убитыхъ присоединилась смерть бригаднаго генерала, графа Адлерберга. На перевязочномъ пунктѣ зрѣлище было одно изъ самыхъ ужасныхъ. Хотя потребовали медиковъ и съ другихъ пунктовъ, но все же недоставало рукъ. Многимъ изъ страдальцевъ приходилось цѣлый день ожидать операціи. Услышавъ, что въ полдень будетъ поднятъ перемирный флагъ для уборки тѣлъ, я пошелъ на 6 бастіонъ, чтобы при этомъ посмотрѣть кладбищную церковь и Херсонесъ въ теперешнемъ его видѣ. Флагъ, впрочемъ, былъ под-

нятъ только въ 6 часовъ, а французы не отвѣчали ему, и потому въ этотъ день тѣлъ не убирали. Однако, пользуясь въ полдень бывшею тишиною, я успѣлъ съ 6 бастіона взглянуть на мѣсто битвы. Не смотря на то, что утромъ было отправлено на сѣверную ночью поднятыхъ тѣлъ—нашихъ 2 бота и 1 ботъ французскихъ, еще много лежало здѣсь по линіи ложементовъ. Мнѣ указано два тѣла на срединѣ разстоянія: страдальцы усиливались доползти къ намъ и испустили духъ. Еще нѣсколько человѣкъ было замѣчено живыхъ, два были въ сидячемъ положеніи, другихъ можно было узнать только по нѣкоторымъ движеніямъ и поднятію головы, которую обращали къ своимъ, ожидая пособія. Послѣдовавшій по бастіону выстрѣлъ заставилъ меня поспѣшно удалиться съ опаснаго мѣста.

12 мая, т. е. на другой день, замѣтивъ въ 10 ч. перемирный флагъ на томъ же бастіонѣ, я опять поспѣшилъ туда съ трубою. Люди и носилки для тѣлъ были готовы, но непріятели не поднимали своего флага, хотя впрочемъ не стрѣляли и даже исчезли. Потому и намъ можно было смотрѣть безопасно. Отъ послѣдней ночи, въ которую мы также понесли неудачу, труповъ прибавилось. Кладбищная стѣна городской стороны, бывшая вмѣстѣ съ нашимъ ложементомъ, осталась также въ рукахъ непріятелей, которые въ эту же ночь успѣли соединить ее и съ своею траншеей, идущей по направленію горы, отдѣляющей кладбище отъ города. Такимъ образомъ кладбище теперь въ рукахъ непріятелей. Говорятъ, что кн. Горчаковъ, вслѣдствіе большой потери людей въ прошлую ночь, не разрѣшилъ на эту ночь поставить болѣе двухъ баталіоновъ, которые по необходимости уступили многочисленному непріятелю, потерявъ изъ строя 4 офицеровъ раненныхъ. Сегодня въ 1 часу послѣдовало общее согласіе на уборку тѣлъ. Французы вышли на это печальное зрѣлище очень разряженными. Впрочемъ въ полдень у нихъ были салюты съ кораблей: нѣтъ ли у нихъ торжества? Тутъ же удостовѣрились, что у нихъ мѣсто Канробера заступилъ Пелисье, потерявшій руку въ Алжирѣ. Принято тѣлъ нашихъ 500; число тѣлъ французовъ полагаютъ въ 1500; между сими послѣдними было тѣло одного полковника, надъ кото-

рымъ братъ его плакалъ, какъ женщина. Раны у нашихъ убитыхъ большею частію отъ пуль и штыковъ, тѣла непріятельскія наиболѣе изуродованы картечью и ядрами нашихъ батарей.

При этомъ случаѣ я посылаю церковнаго сторожа осмотрѣть кладбищную церковь, давъ ему въ нѣсколькихъ строкахъ, съ приложеніемъ печати, видъ, коимъ прошу, отъ кого это будетъ зависѣть, дозволить ему это. Штабъ-офицеръ нашъ не отказалъ предложить объ этомъ французскому представителю перемирія, но тотъ не согласился пропустить даже съ своимъ конвойнымъ, объявивъ, что это противно законамъ, и завѣривъ, что церковь цѣла и будетъ неприкосновенна. Правда, съ 6 бастіона она видна вся и дѣйствительно цѣла, только безъ креста, который, вѣроятно сбитъ, цѣлы даже деревянные кресты на могилахъ, а высокая трава по всему кладбищу свидѣтельствуетъ, что тамъ и стопы вражеской доселѣ не было. Послѣднею линіей непріятели овладѣли, обойдя кладбище. Ворота его и калитка заперты, впрочемъ въ верхней части стѣна снята. Но если на этой линіи, какъ и должно ожидать, непріятели поставятъ орудія, на кои намъ нужно будетъ отвѣчать, то церковь кладбищная не уцѣлѣетъ, какъ не уцѣлѣла херсонеская, сначала разоренная французами, а потомъ, когда изъ нея стали стрѣлять, нашими выстрѣлами.

Въ Херсонесѣ отъ бывшихъ строеній, кромѣ камней, ничего нѣтъ; даже ворота не существуютъ. Печка известковая разбита, безъ сомнѣнія, нашими выстрѣлами, ибо отъ ней по всему этому древнему валу или насыпи идутъ 9 амбразуръ непріятельской батареи. Еще одна мортирная батарея находится за самою насыпью. Отъ зданій карантинныхъ и слободки этого имени также однѣ груды камня видны.

По приведеніи въ надлежащую извѣстность, вся потеря нашихъ у кладбища составляетъ: нижнихъ чиновъ—700 убитыхъ, 1860 раненныхъ, всего 2560 человѣкъ, офицеровъ 11 убитыхъ и 66 раненныхъ и одного генерала убитаго.

Богъ вѣсть, чего намъ ожидать послѣ подобныхъ потерь въ дѣлѣ, повидимому незначительномъ. Ужасы штурма ближе

и ближе къ намъ. Въ спасеніи отъ нихъ одна надежда на Бога.

13 мая 1855 г., г. Севастополь

Письмо 25-е.

Послѣ дѣла у кладбища, о чемъ я уже писалъ вашему высокопр—ству, въ положеніи Севастополя ничего особеннаго по настоящее число (19 мая) не произошло. Непріятели продолжаютъ осадныя работы ночью, потому ночью только огнемъ непріятельскимъ и нашимъ нарушается теперь спокойствіе города. Дневной же жаръ значительно подѣйствовалъ на охлажденіе жара воинственнаго.

Число холерныхъ больныхъ у насъ увеличивается: уже существуютъ палаты холерныхъ. Впрочемъ, опасеній большихъ тутъ еще нѣтъ.

Вслѣдъ послѣ неудачи у кладбища, мы услышали о нашемъ отступленіи на Чоргунѣ предъ наступившимъ 12 числа непріятелемъ. Говорятъ, что это сдѣлано кн. Горчаковымъ съ намѣреніемъ: отвести непріятеля отъ укрѣпленнаго лагеря и принудить къ сраженію. Главная квартира наша поэтому перешла съ сѣверной на хуторъ Миккензія. На Дуванкѣ устраивается госпиталь на 2000 человѣкъ. Потому открытія военныхъ дѣйствій должно ожидать здѣсь гдѣ-нибудь—между Бакчисараемъ и Севастополемъ, такъ какъ и непріятели направляютъ свои силы болѣе въ обходъ Севастополя, чѣмъ на самый Севастополь. Слухъ о занятіи непріятелями Керчи произвелъ у насъ тревожное впечатлѣніе. Впрочемъ уныніе ни въ чемъ не замѣтно. Напротивъ, и это объясняютъ какимъ то особымъ соображеніемъ нашего главнокомандующаго. Говорятъ, что для насъ выгоднѣе привлечь на Крымъ всѣ силы враждующаго Запада, чѣмъ вести съ ними войну на западной нашей границѣ.

Наставленіе сестрамъ крестовоздвиженской общины, сказанное вашимъ высокопр—ствомъ въ Одессѣ и присланное для раздачи сестрамъ здѣшнимъ, я роздалъ такъ, чтобы въ каждомъ пунктѣ ихъ пребыванія было по экземпляру онаго. Оно принято ими съ непритворною искреннею благодарностію настави-

телю-архипастырю за умилительное назиданіе. Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего высокопр—ства, что эта община, примѣрно дружная въ стремленіи къ цѣли, ей указанной, подверглась искушенію несогласія въ самой себѣ. Раздѣленіе общины на отдѣленія и отдѣльное пребываніе этихъ небольшихъ отрядовъ сестеръ утвердило въ начальницахъ отдѣленій, которыя суть не болѣе, какъ помощницы главной начальницы, мысль о самостоятельности ихъ. Когда же главная начальница, по данной ей власти, стала входить въ распоряженіе самыми отдѣленіями, и, къ сожалѣнію, не умѣла скрыть преобладающаго въ ней чувства самовластія, то эти помощницы предпочли лучше сложить съ себя званіе начальницъ отдѣленій, чѣмъ видѣть распоряженія Стаховичъ надъ сестрами, ихъ смотрѣнію ввѣренными отъ в. княгини. Это было ихъ заблужденіе и открылось изъ послѣднихъ распоряженій ея высочества, но ими самое названіе отдѣленій уничтожается. Между тѣмъ и сестры бывшихъ отдѣленій 2-го и 3-го, оставаясь единомысленными съ своими начальницами, стали отказываться отъ распоряженій Стаховичъ или покоряться съ неудовольствіемъ. Три рѣшились даже оставить общину. Все это уже знаетъ вел. княгиня, но, по случаю отъѣзда Пирогова, вручая попеченіе о крестовоздвиженской общинѣ графу Сакену, надѣется, что духъ послушанія и любви, при его вліяніи, скоро опять утвердится въ ней. Туже надежду ея высочество благоволила выразить и мнѣ письмомъ гофмейстера Хрущова, коимъ дано мнѣ знать о назначеніи меня къ общинѣ духовникомъ. Представляю вашему высокопр—ству копію сего письма. Іеромонаху Веніамину предоставлено за симъ исполнять въ общинѣ только богослуженіе и требы христіанскія.

19 мая 1855 г. г., Севастополь.

Письмо 26-е.

Не смотря на занятіе непріятелями Керчи и ихъ плаваніе по Азовскому морю, у насъ существуетъ увѣренность, что дѣла наши еще не въ худомъ положеніи, и скоро пріймутъ прекрасный оборотъ.

21 мая мнѣ разсказывали о вѣстяхъ, привезенныхъ адъютантомъ генерала Лидерса; Англія будто проситъ посредничества у Пруссіи къ примиренію съ Россіею. Вслѣдствіе того Пруссія и Германскій союзъ присовѣтовали Австріи строгій нейтралитетъ, угрожая въ противномъ случаѣ вступить съ своими войсками въ предѣлы Австріи. Потому мы имѣемъ совершенную возможность отдѣлить съ западной границы и съ Дуная въ Крымъ столько войскъ, сколько нужно для перевѣса надъ врагами, которыхъ всѣ силы привлечены теперь на Крымъ. Эти войска уже спѣшатъ сюда и будутъ къ 5 или 8 іюня. Затѣмъ неотмѣнно начнутся съ нашей стороны рѣшительныя дѣйствія. Если непріятели до того времени не откроютъ третьей бомбардировки, то она будетъ открыта съ нашей стороны. Много заготовлено фашинъ, чтобы, наполняя ими траншеи, можно было вести артилерію.

Впрочемъ уже слышится неудовольствіе и на дѣйствія новаго главнокомандующаго: даже въ самомъ штабѣ его недовольны его бездѣйствіемъ, говоря: „кн. Меншиковъ хотя что-нибудь по крайней мѣрѣ дѣлалъ“.

Вчера разсказывали о кн. Меншиковѣ, что онъ назначенъ военнымъ министромъ вмѣсто кн. Далюрднова (?). Эту важную перемѣну объясняютъ слѣд. обстоятельствомъ: кн. Меншиковъ, оставляя Крымъ, сказалъ слѣд. слова: „я знаю, что прапорщики меня осудятъ, а исторія и потомство оправдаютъ“. Благодаря зною, очень впрочемъ тяжелому для раненыхъ больныхъ, днемъ мы пользуемся совершенною тишиною, но по ночамъ нѣтъ покою и безопасности нигдѣ. Въ послѣднюю ночь однимъ осколкомъ бомбы на фронтонѣ съ восточной стороны церкви разбито всевидящее око и самый фронтонъ поврежденъ; другой осколокъ пробилъ каменный сводъ въ олтарѣ, именно между престоломъ и царскими дверями, и потомъ разбилъ икону на стѣнѣ алтаря, два осколка достигли моей квартиры, но въ стѣну, хотя близко оконъ; еще два взрыхлили землю въ саду.

Всякій разъ болѣе убѣждаюсь въ храненіи Божіемъ и пока будетъ оно надъ храмомъ Божіимъ, не рѣшусь оставить его, ни квартиры своей.

Я писалъ въ Комитетъ и просилъ свѣчъ, а теперь не знаю, безопасно ли будетъ имѣть ихъ въ Севастополѣ. Не лучше бы оставить въ Симферополѣ? Собственно для моей церкви свѣчъ еще достанетъ мѣсяца на два или даже на три. Въ случаѣ большого поврежденія церкви или какого въ ней несчастія, м. б. запретятъ служить: тогда и продажа какая...

21 мая умерла одна сестра отъ холеры. Болѣзнь эта увеличивается.

24 мая 1885 г. Севастополь.

Письмо 27-е.

25 мая, въ 3 ч. по по́лудни, въ Севастополѣ непріятели открыли третью бомбардировку, впрочемъ не по всей оборонительной линіи, а только отъ Инкермана до южной бухты съ 3 бастіономъ включительно. Это обстоятельство заставляло на этотъ разъ предположить особую цѣль въ непріятелѣ. На этой мѣстности огонь и теперь ужасный, не преставшій съ 25 мая. Но цѣль непріятеля вчера открылась. Зная, что наши прикрытія увеличиваются собственно ночью, и предполагая, что при такомъ огнѣ мы не станемъ держать людей на бастіонахъ и редутахъ, они не ошиблись въ томъ, и въ 6 ч. къ вечеру, когда еще было совершенно свѣтло они бросились на редуты Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій и завладѣли ими прежде, чѣмъ поспѣли туда изъ города прикрытія. Редуты были сначала отняты, но потомъ остались, какъ утромъ сдѣлалось извѣстно, за непріятелями. Говорятъ, что они сегодня же будутъ взяты обратно. Кажется, начальство наше здѣсь непростительно виновато. По крайней мѣрѣ такъ уже говоритъ молва. Когда нужно было дѣйствовать, вдругъ недостало на нѣкоторыхъ батареяхъ пороху и снарядовъ. Отважный Нахимовъ едва не попалъ въ плѣнъ, но подробностей объ этомъ не знаю. Еще все дѣло пока темно. Дай Господи, чтобы оно просвѣтлѣло.

Церковь и домъ въ эти два дня или лучше сутки подвергаются выстрѣламъ. Пострадалъ садъ, а въ домѣ уже всѣ окна побиты. Отъ взрыва въ саду бомбы у меня въ комнатѣ растворилась дверь, бывши на замкѣ, который оторвало импетомъ;

въ церкви, впрочемъ, служимъ. Сегодня сильный юго-восточный вѣтеръ: отъ пыли свѣту не видать.

Слышалъ я одно благочестивое замѣчаніе о послѣдней бомбардировкѣ. Какъ она начата 25 мая—въ день третьяго обрѣтенія главы Іоанна Крестителя, а четвертаго обрѣтенія не было, то полагаютъ, что и третья бомбардировка непремѣнно будетъ послѣдняя. Но послѣдняя м. б. горша первыхъ по послѣдствіямъ. Милость Божія и молитвы Ваши защитятъ насъ.

24 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 28-е.

Вашему Высокопреосвященству писалъ я о дѣлѣ 26 мая, что оно пока темно, хотя печально. Таково оно и на самомъ дѣлѣ, когда пришло въ достовѣрную извѣстность въ слѣдующихъ подробностяхъ:

Непріятели отняли у насъ три редута: Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій. Когда поспѣли наши резервы изъ города, редуты были возвращены, Волынскій и Силенгинскій—генераломъ Хрулевымъ, а Камчатскій лично адмираломъ Нахимовымъ, который, по незнанію сухопутнаго дѣла, здѣсь едва не попался въ плѣнъ, но былъ выручень и вынесенъ на рукахъ матросами. Въ то время, какъ Нахимовъ и Хрулевъ на Корниловомъ бастіонѣ хвалились другъ другу (они—бывшіе друзья) о своемъ успѣхѣ, имъ дали знать, что непріятели опять бросились на редуты, которые и на этотъ разъ остались за нами. Но когда въ третій разъ уже ночью непріятели снова завладѣли ими, то велѣно было оставить ихъ пока въ рукахъ непріятелей. Утромъ въ совѣтѣ, къ которому прибылъ изъ Инкермана и кн. Горчаковъ, положено было въ 2 ч. по полудни отнять, между тѣмъ и до вечера ничего не было предпринято. Главнокомандующій, будучи тѣхъ мыслей, что непріятели послѣ такого успѣха должны пойти на штурмъ этой части города, собралъ 30.000 гарнизона въ Корабельную слободку и предпочелъ ожидать со стороны ихъ нападенія, котораго поелику не послѣдовало, то 28 мая предложено было со стороны нашей

перемиріе для уборки тѣлъ. По этому случаю бомбардировка, не умолкавшая съ 25 мая ни днемъ, ни ночью, прекратилась. Для перемирія назначено было 2 часа времени, а тѣлъ не могли убрать и въ 4 часа. Не смотря на то, что настоящія мѣста битвы остались за непріятелями, которые потому могли убрать ночью свои тѣла, мы съ нашей позиціи передали 3000 тѣлъ. Отъ нихъ приняли своихъ тѣлъ 1500, до 700 тѣлъ у себя убрали, итого нашей потери убитыми 2200, раненныхъ оказалось 2300, до 500 человѣкъ попалось въ плѣнъ и 15 офицеровъ, всю потерю можно полагать въ 5000. Судя по числу непріятельскихъ тѣлъ, поднятыхъ на нашей только позиціи, и полагая противу него количество раненныхъ, которое всегда противъ числа убитыхъ бываетъ больше, потеря непріятелей должна быть вдвое больше нашей. И потому не думаютъ, чтобы это дѣло, какъ оно, повидимому, ни блистательно должно быть для непріятелей (орудія трехъ редутовъ и снаряды остались въ ихъ рукахъ, не говоря уже о важности занятыхъ пунктовъ), могло придать имъ много мужества. Напротивъ, оно должно устрашить ихъ относительно предполагаемаго штурма. До 200 плѣнныхъ попалось и намъ.

Но каково бы ни было впечатлѣніе непріятелей, наше собственное весьма тягостно. Въ одинъ голосъ всѣ говорятъ, что одна надежда на Бога. Осуждая теперешнихъ началовождей, съ сожалѣніемъ стали вспоминать о кн. Меншиковѣ, у котораго дѣла шли сравнительно лучше. Дѣйствительно, у насъ бываютъ факты, которые весьма стоютъ коммиссіи Ребуна. Напр. въ послѣднемъ дѣлѣ: въ городѣ не прежде узнали объ угрожавшей опасности, когда сами подвергшіеся опасности дали знать о томъ: бьютъ тревогу, и долго-долго на звукъ барабановъ нѣтъ собирающихся; наконецъ собрались баталіоны и блуждаютъ по улицамъ, спрашивая у подходящихъ, куда именно требуется подкрѣпленіе; солдаты являются на мѣсто съ пустыми сумами и должны были снимать сумы съ убитыхъ и раненныхъ; на сѣверныхъ батареяхъ, которыми преимущественно могли наносить вредъ непріятелю, не оказывается вдругъ снарядовъ во

время самого дѣйствія бомбардированія города, и при томъ днемъ, когда всѣ бодрствуютъ.

Бомбардировка, прекратившаяся на 4 часа по случаю уборки тѣлъ, затѣмъ немедля возобновилась и только 30 мая утромъ затихла. Флоту почти нѣтъ мѣста теперь. Онъ расположенъ у Бона между Николаевской и Михайловской батареями.

Госпиталь и сестеръ имѣютъ перевести въ Дуванку. Въ Севастополѣ останется только перевязочный пунктъ и тотъ на Сѣверной. Кто можетъ, убирается изъ города: дилижансы вдругъ возвысились отъ 8 р. выше 20 р. только до Симферополя. Митрополитъ вчера имѣлъ отправиться туда же. Въ послѣднюю бомбардировку уже не было мѣста охраняющаго, а хранилъ видимо одинъ Богъ, на котораго и теперь вся надежда. Въ моей квартирѣ или церковномъ домѣ не уцѣлѣло ни одного окна отъ бомбъ, которыя только въ самый домъ и церковь не попадали. Цѣнныя вещи какъ своей церкви, такъ и кладбищной и Херсонеской укладываю въ ящики, чтобы отправить въ Симферополь. Тудаже вышлю и деньги, присланныя изъ консисторіи.

Обѣщаютъ наступательныхъ дѣйствій, когда прійдутъ еще три дивизіи, изъ коихъ одна только на мѣстѣ. Но если враги упредятъ? Не оставьте вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ, котораго давно не получалъ, хотя въ послѣдній часъ.

31 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 29-е.

Здравіе вамъ отъ Господа! А намъ просите у Него спасенія.

Плохо, очень плохо намъ. Въ послѣдніе дни поколебалась наша увѣренность въ неодолимость Севастополя. 25 мая непріятель открылъ третью адскую бомбардировку, 26 около 6 часовъ вечера бросился на наши редуты Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій и занялъ ихъ: ибо на редутахъ, кромѣ артилерійской прислуги, почти никого не было; прикрытія были спрятаны отъ бомбъ въ городѣ и поздно поспѣли на помощь. Потеря наша убитыми и раненными не менѣе 5000, до 100 орудій осталось у непріятелей и до 1000 зарядовъ. Въ плѣнъ

попалось 15 офицеровъ и двѣ роты солдатъ. Причиною сему, какъ говорятъ всѣ, наша крайняя оплошность и недостатокъ распорядительности. Сегодня съ утра стало тише. Но эта тишина не возвратитъ войскамъ и намъ прежняго духа. Я вижу въ нашемъ несчастіи попущеніе Божіе, которое, когда нужно наказать, отнимаетъ и умъ у начальниковъ.

Всякъ заботится теперь о безопасности своей, которой нѣтъ болѣе и на томъ кускѣ города, который доселѣ считался убѣжищемъ.

Митрополитъ сегодня выѣзжаетъ въ Симферополь.

Госпиталь и сестеръ переводятъ въ Дуванку. Въ Севастополѣ будетъ только перевязочный пунктъ на Сѣверной—въ Михайловской батареѣ. Флоту нашему почти нѣтъ мѣста. Въ домѣ у меня ни одного уже окна нѣтъ: только въ самомъ домѣ еще не было бомбы, а кругомъ его буквально все обито. Осколкомъ бомбы пробило алтарь между престоломъ и царскими дверями. Прятаться негдѣ, и каждую минуту боишься за жизнь, которую если желалъ бы сохранить, то единственно для семейства [1]) которое.... Боже мой, какая доля его ожидаетъ, при жалкихъ средствахъ духовнаго попечительства? Думаю поскорѣе исповѣдаться во грѣхахъ и, предавшись волѣ Божіей, ожидать штурма. Сегодня тише, м. б., именно Господь даетъ эти минуты на покаяніе. Простите. Если не найду вѣрной руки, то завтра по почтѣ пришлю вамъ деньги, присланныя изъ консисторіи на вспоможеніе—скитамъ и духовенству, ибо боюсь держать ихъ у себя.

Простите и помолитесь.

30 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 30-е.

Да благословитъ Господь и въ обратномъ пути входы и исходы ваши!

---

[1]) Семейство автора писемъ, состоящее изъ жены и 4-хъ малолѣтнихъ дѣтей, находилось тогда у его родныхъ въ Кіевской губерніи, куда отправлено на третій день послѣ Аямскаго сраженія, въ первыхъ числахъ сентября; съ трудомъ пробралось оно среди войскъ, слѣдовавшихъ отъ Дуная.

Сколько посѣщеніе ваше для всѣхъ въ Севастополѣ было нечаянно [1]), и потому еще болѣе радостно, столько нечаянно для меня совершилось отшествіе ваше и потому было прискорбно. Я даже не успѣлъ принять вашего благословенія при отбытіи вашемъ изъ Севастополя. Мнѣ естественно было ожидать, что ваше высокопреосвященство спросите меня о приставленіи домовнѣмъ, о которомъ мнѣ легче было бы отвѣчать теперь словесно, чѣмъ на бумагѣ. Я не видѣлъ у вашего высокопреосвященства досуга, чтобы самому было предстать вамъ съ своею службою и опущеніями по ней. Если бы даже вы не нашли здѣсь ничего, кромѣ моей вины и безотвѣтственности, то и въ такомъ случаѣ мнѣ бы легче было скорѣе услышать судъ вашъ, всегда праведный, чѣмъ остаться связанному недоумѣніемъ, опасеніемъ, томленіемъ, какъ бы долго ни ожидать сего. Не по своей волѣ, а по вашей, всегда для меня священной, я очутился въ Севастополѣ, гдѣ застигли меня обстоятельства, которыя выше моихъ силъ.

Милостивый архипастырь мой и отецъ! Явите мнѣ хотя малое знаменіе, что я могу надѣяться на продолженіе милостей вашихъ ко мнѣ.

Для сего довольно будетъ для меня одного благословенія вашего, котораго не имѣлъ я счастія получить при отъѣздѣ Вашемъ изъ Севастополя.

24 іюня 1855 г., г. Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) 25—26 іюня преосвященный Иннокентій неожиданно прибылъ, утромъ, на сѣверную сторону Севастополя, гдѣ служилъ литургію въ походной церкви сѣвернаго укрѣпленія, а вечеромъ, по приглашенію генерала Д. Ероф. Сакена, чрезъ рейдъ отправился къ нему въ Николаевскую батарею, гдѣ нынѣ приморскій бульваръ. На другой день онъ служилъ литургію въ адмиралтейской церкви, которой еще не коснулась ни одна бомба, по особенности ея мѣстности. По окончаніи литургіи преосвященный совершилъ молебствіе предъ церковью, сказалъ рѣчь къ войску и благословилъ привезенными съ собою иконами. Изъ этой церкви его увезли прямо въ главную квартиру—на Инкерманскія высоты, гдѣ онъ опять говорилъ рѣчь къ войскамъ и благословлялъ. Оттуда, не возвращаясь въ Севастополь, отправился въ Симферополь; изъ Симферополя уже прислалъ подорожную къ протоіерею А. Л-ву, не успѣвшему съ нимъ проститься, но тотъ не могъ ею воспользоваться.

МАЙСКІЯ РЕКРЕАЦІИ ВЪ БУРСѢ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

I.

Чуть не ректоръ.

Раннее весеннее утро. Училищный сторожъ, на обязанности котораго лежало большимъ звонкомъ, не уступавшимъ по размѣрамъ главному колоколу иной деревенской колокольни, оповѣщать бурсаковъ о времени сбора въ школу, еще не рѣшилъ даже вопроса о томъ, прибирать или не прибирать сегодня классы. Онъ успѣлъ только обойти классныя помѣщенія и остановился на крылечкѣ въ раздумьи, которымъ обыкновенно начиналъ онъ каждый день своей давнишней службы при училищѣ въ качествѣ швейцара, разсыльнаго, полотера, „сѣкутора“ [1]) ректорскаго лакея, дворника и проч. и проч. Не смотря на такую сложность обязанностей, раздумье о томъ, прибирать или не прибирать классы, являлось слѣдствіемъ простой привычки, съ одной стороны, и нежеланія явиться въ собственныхъ глазахъ неисполнительнымъ — съ другой. А надъ чѣмъ было, въ сущности, задумываться? Чистотой и опрятностью бурсакъ не избалованъ, а потому совершенно резонно онъ никогда не принимался въ соображеніе при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. О ревизіяхъ въ бурсѣ уѣзднаго города П—ва никто никогда и не

[1]) Отъ слова „сѣчь“.

слыхалъ, исключая архіерейскаго посѣщенія, которое не могло быть неожиданнымъ. Все дѣло, значитъ, заключалось въ исполненіи требованій ближайшей власти—ректора, человѣка вспыльчиваго и любившаго опрятность.

Не угодить отцу протоіерею—значило рисковать, если не службой,—до этого дѣло дойти не могло,—то во всякомъ случаѣ собственной физіономіей, съ которой руководитель просвѣщенія церемонился мало. Но и эту опасность легко было миновать: отецъ ректоръ, хотя и долженъ былъ по росписанію бывать ежедневно въ училищѣ на урокахъ Закона Божія, предпочиталъ задавать уроки чрезъ того же сторожа, отмѣчая по книжкѣ „до сихъ поръ“ и посвящая въ теченіе всего года лишь нѣсколько часовъ на провѣрку выученнаго. А такъ какъ провѣрка эта составляла довольно торжественное событіе, о которомъ всѣ знали за нѣсколько дней, то—понятно—къ этому времени классы и приводились въ порядокъ, при чемъ, конечно, жалобы сторожа на „каторжный“ трудъ неизмѣнно сопровождались нелестными отзывами о неряшливости бурсаковъ, нанесшихъ—молъ—столько грязи, что „хоть возомъ вывози“.

На этотъ разъ колебанія сторожа разрѣшились сами собой. Задолго до перваго звонка въ ворота монастырской ограды, гдѣ пріютились и классы бурсы, ввалила толпа бурсаковъ. Были тутъ и синтактики, будущіе семинаристы, и грамматики, была даже фара [1]). Очевидно, жившіе въ разныхъ концахъ города бурсаки и бурсачки, какъ снисходительно называли фару городскіе мѣщане, условились по какому-то дѣлу раньше прійти въ школу, пренебрегши строгими приказаніями сторожа отнюдь не являться раньше перваго звонка. Какъ рьяный исполнитель распоряженій училищнаго начальства, сторожъ не могъ не пользоваться авторитетомъ въ глазахъ бурсаковъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ единственное средство подкупа—полное послушаніе.

„Не слушаешься?“ скажетъ, бывало, сторожъ: „постой же ты!“....

И бѣдный бурсакъ уже понималъ, въ чемъ дѣло, понималъ и пуще смерти боялся всегда возможнаго наказанія, усилить или

[1]) Названіе по классамъ—высшій, средній и низшій.

ослабить которое могъ одинъ сторожъ. Послѣдній же, на несчастье бурсаковъ, обладалъ необычайной памятью именно проступковъ, которые опредѣлялись имъ лаконическимъ намекомъ на силу наказанія. „Будешь ты у меня кряхтѣть!“—значитъ, не пожалѣетъ силы, на случай провинившагося отправятъ „подъ колокольчикъ“, гдѣ висятъ „пучки березовой каши“. Или „ни крошки!“—значитъ: пропадетъ виновный съ голоду, если запрутъ его въ карцеръ... И сколько было другихъ случаевъ, когда тотъ же сторожъ могъ и спасти, и погубить, и вытащить, и утопить. Зналъ всѣ возможные случаи одинъ онъ, милостивый къ послушнымъ и жестокій по отношенію къ строптивымъ. Боялся онъ только двухъ-трехъ силачей изъ синтаксиса, лебезилъ только предъ ними, слушался только ихъ, и—къ чести сихъ силачей—въ лицѣ ихъ многіе изъ бурсаковъ, особенно бурсачковъ, находили защитниковъ; но *многіе*—не всѣ, а добрая половина школьниковъ должна была все-таки оказывать безропотную покорность „чуть не ректору“, какъ секретно острили на счетъ сторожа бурсаки.

„Васъ какой дьяволъ претъ?“—обратился сторожъ къ приближавшимся бурсакамъ, не разглядѣвъ спросонокъ, что въ числѣ пришедшихъ были и небезопасные для него синтактики: „я что говорилъ?“

Двое изъ силачей, державшихся особенно нестѣсненно въ отношеніи „чуть не ректора“, подошли ближе и однимъ поднятіемъ головы дали знать, что *они* тутъ. Этого безмолвнаго, но многозначительнаго поднятія головъ было дѣйствительно достаточно, чтобы, готовый уже разразиться филиппикой, сторожъ понизилъ тонъ и даже далъ дорогу тѣмъ изъ бурсаковъ, которые далеко не привыкли видѣть съ его стороны какую бы то ни было любезность. Читатель не долженъ удивляться тому, что эти юноши-бурсаки, прослывшіе за силачей, имѣли такое неотразимое вліяніе на сторожа: они и въ самомъ дѣлѣ были силачи. Въ доброе старое время не знали еще тѣхъ стѣснительныхъ правилъ, по которымъ ученикъ можетъ оставаться лишь извѣстное число лѣтъ въ школѣ, и въ бурсѣ, гдѣ курсъ каждаго класса и безъ того продолжался два года, на такъ называемый повтори-

тельный или „второй“ курсъ оставались по 3—4 раза. Случалось, что послѣ 3—4 такихъ „вторыхъ“ курсовъ ученикъ выходилъ, напр., изъ перваго же класса, женился и, посвященный въ дьяки, начиналъ славословить. Такіе второ-третье—и четверто-курсники пользовались всегда репутаціей отпѣтыхъ „камчадаловъ“ [1]), и способность ихъ проявлять свою физическую силу только потѣшала начальство. Бывали примѣры, что послѣднее само любовалось, какъ тотъ или другой изъ подобныхъ питомцевъ бурсы отличался въ кулачномъ бою, обычномъ тогда развлеченіи „шкурниковъ“, какъ называли и называютъ всѣхъ кожевниковъ въ П—вѣ. И такъ: не удивительно, говорю, если училищный сторожъ, всесильный относительно прочихъ, пасовалъ предъ силачами, не боявшимися ни начальства, ни розги.

На свободный пропускъ бурсаковъ въ классы до перваго звонка могло, впрочемъ, оказать вліяніе и другое еще обстоятельство. Я говорю о практическомъ соображеніи сторожа, который не могъ не догадываться, что дѣло идетъ о рекреаціи, а сія послѣдняя, помимо того, что освобождала отъ дневныхъ занятій и самого сторожа, имѣла кой-что для него еще болѣе привлекательное: хоть бурсаки и голь—кто же объ этомъ споритъ?—но въ такіе торжественные дни у каждаго голяка оказывался Богъ вѣсть откуда взявшійся грошъ; грошъ этотъ раздѣлялся, и хоть небольшая его часть, но все же попадала въ карманъ того же сторожа.

Вотъ какія соображенія мелькнули въ головѣ „чуть не ректора“. Можно ли было устоять, оставшись въ предѣлахъ безполезной и даже вредной на этотъ разъ суровости и неподкупности? И бурсаки ввалили въ большую классную комнату, гдѣ должно было произойти то, о чемъ узнаетъ читатель изъ слѣдующей главы.

---

[1]) Лѣнтяевъ, сидѣвшихъ сзади, у печки, гдѣ удобно было спать весь урокъ.

II.

Совѣщаніе.

Собравшимся бурсакамъ предстояло рѣшить не маловажный вопросъ. О томъ, просить ли начальство назначить рекреацію, не могло быть и рѣчи; нигдѣ традиція не была такою живучею, какъ въ бурсѣ, и только ужъ слишкомъ экстраординарныя обстоятельства могли повліять на лишеніе бурсаковъ того удовольствія, за которое съ охотой отдали бы они даже все лѣтнее вакаціонное время. Къ числу такихъ необычайныхъ обстоятельствъ относилась, напр., опала начальства, если послѣднее усматривало въ дѣйствіяхъ питомцевъ въ теченіе года слишкомъ ужъ рѣзкое нарушеніе правилъ дисциплины, распоряженій, постановленій и т. п. Но это было рѣдко, ибо въ разсчетѣ на возможность подобнаго взысканія бурсаки зорко слѣдили сами за собой и употребляли всѣ средства, чтобы—въ крайнемъ случаѣ—тотъ или другой проступокъ не дошелъ до свѣдѣнія начальства. Оставалось рѣшить главный, ежегодно повторявшійся вопросъ: идти ли съ просьбой къ ректору гурьбой, или же послать депутацію?—вопросъ, разрѣшеніе котораго гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза. Подойти къ квартирѣ ректора in corpore—былъ рискъ: ну, а какъ *онъ* сегодня сердитъ? Вѣдь, и слушать то не станетъ, крикнетъ: „Вонъ отсюда, ослы!“ и баста. Правда пройдетъ день—другой, ректоръ раздумаетъ, загладитъ свою вину, но рекреація все таки будетъ отсрочена, а выборъ дня много, много значитъ. Отправить нѣсколькихъ бурсаковъ... Но кто же поручится, что депутація не „срѣжется“? Прійдутъ, возьмутъ благословеніе, поцѣлуютъ въ руку, а дойдетъ до дѣла—точно нѣмые всѣ, и опять онъ посмѣется: назоветъ чурбанами, ослами, бурсачвой и прогонитъ вонъ. Можно прибѣгнуть къ посредничеству учителей и инспектора, но съ этимъ сопряжено еще больше неудобствъ: съ инспекторомъ ректоръ не въ ладахъ, а учителей—въ грошъ не ставитъ, перваго честитъ безъ церемоніи „мазницей“, а прочихъ—бурсачвой. Да и инспекторъ-то

больно не сочувствуетъ рекреаціямъ: человѣкъ онъ грузный, мало подвижный, даже въ маѣ носитъ неимовѣрно большія глубокія кожаныя калоши,—не охота ему предводительствовать цѣлой оравой, забывающей, вслѣдъ за выходомъ изъ города, все на свѣтѣ, даже щелчки въ лобъ, которыми въ другое время господинъ инспекторъ укротитъ и самаго неукротимаго. Ну, прикажетъ ректоръ, тогда что дѣлать! Натянетъ „мазница“ свою ватошную крылатую накидку, влѣзетъ въ „мокроступы“, повѣситъ на лѣвой рукѣ толстую съ крючкомъ палку и пойдетъ лежать подъ кустомъ цѣлый день и вечеръ, исполняя обязанность присутствовать на рекреаціи; а идти просить... покорно благодарю: „не мала баба хлопоту, та купыла порося!“

Долго длилось совѣщаніе бурсаковъ. Прозвонилъ уже сторожъ разъ, прозвонилъ и другой, а вопросъ все оставался открытымъ, не смотря на то, что и часы въ это утро замедлили ходъ..

„Ну, такъ какъ же, господа?“... Слышалось съ разныхъ концовъ, а дѣло все не подвигалось.

Трое или четверо отдѣлились и направились къ двери съ твердымъ, по-видимому, намѣреніемъ отправиться къ ректору и просить, но были остановлены криками: „Куда къ чорту? Кто васъ выбралъ? Побробуйте только!“—и самозванные депутаты возвратились назадъ, окинули взоромъ всѣхъ споривших, махнули рукой, о чемъ-то перешепнулись и перестали принимать участіе въ спорѣ.

Третій звонокъ. Еще минутъ 15, и прійдутъ учителя, начнутся уроки... Да что же это, наконецъ, такое? Вдругъ одинъ голосъ вбѣжавшаго грамматика покрылъ всѣ самые громкіе голоса и заставилъ смолкнуть:

— Ректоръ, ректоръ!

Невозможно описать, какое смятеніе произошло послѣ этого извѣстія. Грамматики—собраніе происходило въ ихъ классѣ—бросились занимать свои мѣста, отыскивать книги и зубрить уроки; синтактики повалили къ выходу, проталкиваясь

между фарой, которая немилосердно пищала, сдавленная точно тисками, дежурные изъ грамматиковъ поспѣшили къ столу, чтобы привести его въ приличный видъ; дежурный старшій, всегда изъ синтактиковъ, воспользовался счастливой случайностью и сталъ выговаривать одному изъ грамматиковъ, котораго вчера, при посѣщеніи квартиры, не засталъ дома; аудиторы грамматики, на обязанности которыхъ лежало выслушивать слабѣйшихъ учениковъ и заносить результаты въ особую вѣдомость (эрату), повынимали листы и углубились въ нихъ, точно въ самомъ дѣлѣ занимались чѣмъ то очень серьезнымъ... Все это совершилось такъ быстро, что когда отецъ ректоръ, пройдя дворъ, вошелъ въ длинную переднюю и открылъ дверь класса, то увидѣлъ почти небывалый порядокъ. Но отъ его зоркаго глаза не ускользнуло стоявшее въ классѣ облако пыли и то, что на его глазахъ изъ третьяго класса вышло много учениковъ другихъ классовъ. Онъ молча остановился въ дверяхъ. Всѣ притаили дыханіе.

Но въ то время, когда бѣдные ораторы уже дрожали въ ожиданіи возмездія и со страхомъ поглядывали въ окно, откуда открывался видъ и на ректорскій садикъ и на звонокъ...; когда всѣ грамматики и захваченные въ ихъ классѣ синтактики уже предвкушали сладость одного изъ обычныхъ послѣдствій вины—стоянія на колѣняхъ, ибо отецъ ректоръ легко могъ истолковать всю происшедшую сутолоку утреннимъ кулачнымъ боемъ; когда наименѣе виновные и никогда ни въ чемъ не замѣченные, и тѣ опасались за свои ладони, по которымъ, какъ самое снисходительное наказаніе, могли походить корешки пучковъ розгъ,—словомъ—въ то время, когда все трепетало и съ замираніемъ ожидало рѣшенія проклятаго вопроса: что будетъ?—въ это время ректоръ, любившій иногда поражать неожиданностью, вдругъ вызвалъ дрожавшихъ, какъ осиновый листъ, дежурныхъ, объявилъ, что завтра, сирѣчь перваго мая, *рекреація*, и велѣлъ сегодня расходиться по домамъ для приготовленія къ сему торжественному дню, съ одной стороны, и послѣ-рекреаціонному—съ другой... Бѣдные дежурные забыли даже поцѣловать руку отца протоіерея, бросившись стремглавъ въ классъ, чтобы

объявить сію радость. Что теперь уже произошло въ классѣ—отказываюсь описывать даже не подробно, ибо рѣшительно не знаю ни одного сравненія, ни одного аналогичнаго случая изъ всей исторіи, ссылкой на который можно было бы объяснить читателю происшедшее...

Не успѣлъ отецъ ректоръ выйти изъ училища, какъ въ стѣнахъ его не осталось ни одного ученика: они летѣли на квартиры, гдѣ предстояло много работы.

III

Канунъ рекреаціи.

П...ское училище не имѣло корпуса бурсы. Классы помѣщались въ длинномъ каменномъ сараѣ, въ монастырской оградѣ; сарай былъ раздѣленъ на три большія перегородки—классы, безъ печей, почему зимой всѣ сидѣли въ верхнихъ платьяхъ и на перемѣнахъ грѣли себя кулачными боями. Жили же бурсаки по частнымъ квартирамъ. Каждая хозяйка, желая содержать квартиру, обязана была, напр., при восьми своекоштныхъ ученикахъ держать двухъ казеннокоштныхъ, за которыхъ начальство платило всего только 20 руб. въ годъ. Это послѣднее обстоятельство, однако, не вліяло на жизнь бурсака, пользовавшагося чуть не даровой квартирой. По крайней мѣрѣ, хозяйки не различали ихъ отъ платныхъ квартирантовъ и всѣхъ кормили одинаково плохо.

Наканунѣ рекреаціи хозяйки, по установившемуся обычаю, заготовляли своимъ пансіонерамъ всякую всячину, преимущественно-же коржи, мало-по-малу ставшіе однимъ изъ критеріевъ для оцѣнки той или другой хозяйки въ кулинарномъ искусствѣ. Трудно сказать, откуда пошелъ этотъ обычай, но несомнѣнно одно: никогда хозяйки не были такими непримиримыми врагами, никогда конкуренція не достигала такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ это время, время коржей, пироговъ, блиновъ, маковниковъ и пр. и пр., премущественно же коржей.

И бурсаки не оставались въ долгу у хозяевъ, наперерывъ стараясь доказать превосходство издѣлій своей хозяйки.

Такимъ образомъ, хозяйки явились ближайшими, послѣ бурсаковъ, заинтересованными рекреаціей лицами. Имъ-то и принесена была прежде всего вѣсть о неожиданномъ рѣшеніи ректора.

— Я такъ и знала! рѣшила, конечно, не одна хозяйка: не даромъ панычи такъ рано сегодня собрались. Я и дрожжи приберегла, и горохъ намочила, и мачку купила.

Предупредительность рѣдкая, не знающая границъ. И бурсаки спокойны: до завтрашняго утра они не заговорятъ о коржахъ, пирогахъ и т. под., чтобы тѣмъ пріятнѣе былъ и самый сюрпризъ, и не обидѣть хозяйку, которая въ такихъ случаяхъ рѣзко отчеканивала:—Ишь ты поганецъ! [1]) Будто мнѣ въ первый разъ. Мои паничи—слава Богу—уже протоіереями и протодіаконами служатъ. Самъ ректоръ покойный—царство ему небесное—говорилъ, что такихъ коржей и его попадья не пекла.

Аргументація, во-первыхъ, слишкомъ сильная, а во-вторыхъ повторявшаяся изъ года въ годъ каждой хозяйкой, слѣдовательно—можно и не должно было возражать.

Впрочемъ дѣломъ бурсаковъ, послѣ оповѣщенія хозяекъ, было приготовленіе уроковъ на послѣ-рекреаціонный день. Дѣло очень серьезное, особенно передъ первой рекреаціей. Положимъ, каждый прекрасно понималъ, что ни одинъ изъ наставниковъ на другой день послѣ рекреаціи не прійдетъ, а если и прійдетъ, то весь часъ проговоритъ о вчерашнемъ, но... чѣмъ чортъ не шутитъ? Лукавый „Мазница“ участія въ рекреаціи не приметъ, подъ кустомъ выспится, явится на урокъ и станетъ спрашивать, хоть бы въ отместку ректору—что тогда? А человѣкъ онъ строгій, попробуй не прочесть текста изъ катихизиса или не перечислить латинскихъ словъ! Сдѣлаешь одну ошибку—скажетъ: „глупое животное!“ Сдѣлаешь другую—щелкъ въ лобъ. О, проклятые щелчки! Вѣкъ не забуду васъ... не забуду этого большого навощенаго пальца, этой ехидной улыбки

[1]) Отъ слова „поганый“—скверный.

подкравшагося инспектора, этой громадной шишки на лбу блѣднаго сосѣда, этой спокойной поступи возвращающагося къ столу тиранна, этой... но пройдемъ мимо этихъ безчеловѣчныхъ пріемовъ стараго педагога, быть можетъ еще и теперь, если только онъ живъ, сожалѣющаго о прошедшихъ дняхъ, когда сотни живыхъ душъ должны были благоговѣть предъ однимъ его щелчкомъ! Почему бы то ни было, но уроки готовились исправно. Весь почти предрекреаціонный день проходилъ въ приготовленіяхъ.

Только къ вечеру бурсаки, подучившіе уже уроки, повылѣзли изъ своихъ норъ и, садясь съ другими, обсуждали вопросы, касающіеся собственно рекреаціи.

— Братцы! Не буянить... ни-ни-ни!

— Убирайся ты къ чорту съ поученіями!

— А архіерей, небось, не пріѣдетъ!

— Пѣвчіе будутъ.

— Вотъ невидаль: своихъ горлодеровъ мало!

— Мало или не мало, да кто справится за архіерейскую октаву?

— А за баса?

— А тенора?

— Да, а пожрутъ, что ни притащи!

— Экой ты дурачина: да вѣдь преосвященный на каждую рекреацію галды [1]) присылаетъ, такъ что ужъ тебѣ?

Практически всѣ эти разговоры не могли имѣть и не имѣли, конечно, никакого значенія, ибо архіерейскій хоръ являлся всегда, какъ бы о томъ ни судили бурсаки, тѣмъ болѣе, что проводя ежегодно весь май въ г. П—вѣ, привыкшіе къ веселой жизни басы и тенора радовались рекреаціи, какъ случаю поразвлечься отъ скуки уѣзднаго города. Правъ былъ и послѣдній оппонентъ: бурсаки очень мало страдали отъ того, что къ тремстамъ прибавлялось двадцать лишнихъ желудковъ. Обидно было одно: архіерейскіе пѣвчіе непремѣнно образовывали *правый*, т. е. главный хоръ, и на другой же день въ городѣ

[1]) Галда—всякія лакомства.

начинали ходить разговоры не о томъ, что такой-то синтактикъ „великолѣпно вынесъ многая лѣта“, а о томъ, что честь сія принадлежитъ архіерейскому первому басу. А рекреація то чья? Кто рисковалъ попасть въ опалу? Кто весь день зубрилъ panis, piscis? Кто и послѣ будетъ терпѣливо выносить инспекторскіе щелчки?

Но дѣлать нечего: противъ рожна не попрешь, надо мириться, не подать и повода, что обидно.

Нѣсколько учениковъ хористовъ озабочены собираніемъ нотъ, другіе взяли на себя обязанность запастись мячами и прочими принадлежностями игръ, иные отправились къ учителямъ заручиться непремѣнно обѣщаніемъ быть на рекреаціи... Безъ учителей не будетъ полной радости: кто внесетъ столько души въ игры, если не будетъ симпатичнѣйшаго отца Ѳедора Л..? Кто безъ него такъ оживитъ пѣніе „Мужикъ каже гречка?“ Кто замѣнитъ деликатнаго учителя ариѳметики А—*, который никогда пальцемъ не ударилъ бурсака, хотя послѣ щелчковъ и розогъ бурсаки простили бы ему одинъ-другой пинокъ? Какъ бы то ни было, но всѣмъ нашлась работа, всѣ такъ дѣятельно настроены, такъ озабочены.

Уже полночь, а изъ бурсаковъ рѣдкому удалось заснуть: разговоры, предположенія, соображенія. Да и спѣшить затра нечего: сборы начнутся часовъ въ 10—11, въ классы не идти, можно побаловать себя. Нѣтъ опасности даже проспать завтракъ: въ обычный будничный день хозяйка непремѣнно накажетъ „лежебоку“ тѣмъ, что не оставитъ ни одной галушки, ни одной ложки кулишу: не спи—молъ! Но завтра, завтра она не только сытно накормитъ, еще и снабдитъ полнымъ мѣшкомъ того, надъ чѣмъ съ такой заботливостью провозилась она цѣлыя сутки и о чемъ такъ аппетитно мечтаетъ бурсакъ, далеко не привыкшій къ лакомствамъ.

— Когда же и побаловать бѣдненькихъ, какъ не на рекреаціи—говоритъ бывало хозяйка, вполнѣ понимая, что латынь, розги, щелчки, голодъ и холодъ и всѣ прочіе неизмѣнные спутники убогой жизни бурсаковъ не могутъ „побаловать бѣдненькихъ“. Къ счастію для послѣднихъ, сами они, казалось, гораз-

до менѣе мрачно смотрѣли на свою судьбу,—не первое и не послѣднее подтвержденіе того, какую силу имѣетъ привычка. Ко всему можно привыкнуть, со всѣмъ можно сжиться, даже съ ужасными щелчками инспектора, сжиться въ то время, когда посторонній наблюдатель готовъ прійти въ ужасъ отъ одного разсказа о переживаемомъ людьми...

Было только одно обстоятельство, которое не могло не смущать бурсаковъ и которое, случись оно, могло бы разрушить все.

Смущалъ вопросъ, какова будетъ погода? Что, если вдругъ пойдетъ дождь, да еще суточный, который имѣетъ скверное обыкновеніе всегда начинать съ утра, а не съ вечера? Боже сохрани и избави! Урока къ этому дню не готовили, хоть и дали слово выучить: занимались приготовленіемъ уроковъ къ дню послѣ-рекреаціонному; въ училище созовутъ непремѣнно; „Мазница“ станетъ спрашивать съ особеннымъ ехидствомъ, рекреацію на послѣ-завтра не отложатъ—убоятся сырости, на которую бы, строго говоря, наплевать... Словомъ, пойдетъ такая кутерьма, что и жизни не радъ будешь, не то рекреаціи! И бурсаки часто посматривали на усѣянное звѣздами небо, гораздо болѣе боясь увидѣть облачко, чѣмъ услышать крики и вопли хозяйки, если у нея не удадутся коржи. Заснули они съ мыслью: „что Богъ дастъ!“ и до поздняго утра не были разбужены тревожными извѣстіями безпрестанно освѣдомлявшихся о погодѣ нѣкоторыхъ товарищей, между которыми—къ стыду бурсы—всегда находилось нѣсколько, радовавшихся неудачѣ—отмѣнѣ рекреаціи. Я говорю: къ стыду..., ибо не стыдъ ли, въ самомъ дѣлѣ, если изъ за того, что первый басъ архіерейскаго хора будетъ „выносить многолѣтіе“, бурсацкіе басы готовы были радоваться несчастью? Помѣшать устройству рекреаціи они не могли, не явиться было рисковано, и оставалось имъ одно—надѣяться на особую къ нимъ милость природы. Но гдѣ же видано, чтобы природа слушалась такихъ глупцовъ? О такихъ господахъ бурсаки весьма мѣтко отзывались малорусской поговоркой: „Якъ бы свыни рога, вона бъ всихъ людей поколола.

IV

Выходъ.

Семь, восемь часовъ утра. Не слышно убійственнаго школьнаго звонка. Вотъ вамъ уже первое удовольствіе, но что значитъ оно въ сравненіи съ тѣмъ, какое еще впереди? Явилась хозяйка съ десяткомъ—другимъ небольшихъ связочекъ, по числу ея пансіонеровъ. Настроеніе ея, всегда почти сурово-серьезной и недовольной, теперь рѣдко благодушное, ласково-снисходительное. Не трудно догадаться о причинѣ: пусть-ка ея заклятая сосѣдка, пичкающая своихъ квартирантовъ разной гадостью, поспоритъ съ ней! Почитай, каждому дала по пирогу, набитому фасолей, и рада-радешенька, что сегодня ей не кормить всей оравы... И куда же смотрятъ батюшки да матушки? За чѣмъ слѣдитъ начальство? Вѣдь тамъ, у этой самой хозяйки, что ни годъ, то число квартирантовъ все больше и больше. А бывало ли когда, чтобы у нея каждую субботу давались блины? чтобы по воскресеньямъ готовились такія пампушки? чтобы по средамъ и пятницамъ ѣли кулишъ съ такимъ масломъ? чтобы... Но бурсаки получали свою порцію и забыли про всѣхъ и вся.

Около 10 часовъ утра. Большой и порядкомъ таки запущенный дворъ бурсы наполненъ учениками. Подойдите къ старому забору, отдѣляющему этотъ дворъ отъ двора собственно монастырскаго, прислонитесь въ сторонѣ къ щелочкѣ и полюбуйтесь на эту, если не изящную, то во всякомъ случаѣ оригинальную картину. Веселый шумъ и говоръ. Всѣ отъ мала до велика, съ „клунками“ [1]) подъ мышкой. Иной, не дождавшись гулянья и забывъ про то, что утромъ все же онъ позавтракалъ, а впереди еще длинный день, но прельщенный заманчивымъ запахомъ печеній, уже приступилъ къ уничтоженію части дневного пропитанія. Въ кучкѣ собравшихся въ сторонѣ одноклассниковъ происходитъ обмѣнъ продуктами, сопровождающійся неизбѣжными дебатами, направленными на доказательство превосходства одного предмета дѣлежа предъ другимъ.

---

[1]) Связками, мѣшками.

— Да ты посравни: у тебя что? подошва казеннаго сапога, а не коржъ.

— Скажите, пожалуйста: подошва! А присыпанъ то чѣмъ—не видишь?

— Ну ладно: вотъ тебѣ въ придачу половина маковника... Больше даже половины... Хочешь?

— Давай цѣлый!

— Дудки!

— Дудки и мѣняться!

Синтактики—тѣ поважнѣе: и связки у нихъ больше, и въ связкахъ поразнообразнѣе угощеніе, и связокъ съ собой почти не носятъ, возложивъ сію обязанность на подначальныхъ фаръ, для которыхъ, съ одной стороны, подобное довѣріе старшихъ лестно, а съ другой—исполненіе обязанностей мѣхоноши въ нѣкоторомъ смыслѣ есть долгъ: вѣдь завтра же этотъ синтактикъ будетъ дежурнымъ, посѣтитъ квартиру, застанетъ тебя ходящимъ на головѣ... что тогда? Запишетъ, конечно, въ журналъ: „съ 8 часовъ вчерашняго утра и до 8 часовъ сегодняшняго дня (почему *вчера* въ 8 часовъ начиналось утро, а *сегодня* день—и по сію пору не знаютъ, вѣроятно, и сами авторы сей формы записи) въ квартирѣ все было исправно, кромѣ такой-то ходилъ на головѣ. „Мазница“ въ графѣ „замѣчанія начальства“ пропишетъ мѣру взысканія, и бѣдный гимнастъ поплатится гораздо дороже, чѣмъ сегодня, если продержитъ лишній часъ харчи старшаго. Разсчетъ, кажется, простой и положительно дышащій благоразуміемъ.

Иные вооружены тщательно отдѣланными палками и длинными снурками: гулянье не обойдется безъ игры въ мячъ, хороненіе кольца, мышку и кошку, джгута... Притащили даже корзину: разсчетъ на „жакъ“, одинъ изъ послѣднихъ и желательнѣйшихъ номеровъ гулянья. Нѣкоторые до невозможности обременены ношей: извольте-ка потащить нѣсколько связокъ, громаднѣшихъ размѣровъ гилку [1]), нѣсколько толстыхъ въ старыхъ переплетахъ тетрадей нотъ... И тѣмъ не менѣе, напрасно ста-

[1]) Палка для игры въ мячъ.

нете искать хоть тѣни недовольства. Только басы ходятъ по двору какъ-то слишкомъ уже серьезно, насупились, ни съ кѣмъ ни слова, держатся даже въ сторонѣ другъ отъ друга, не смотря на то, что, казалось бы, несчастіе должно сблизить ихъ. Ни одинъ изъ нихъ даже связки съ „галдой“ не имѣетъ. Положимъ, хитритъ каждый, и хитритъ очень неумѣло, все понапихивалъ въ карманы, это видно; но суть то не въ томъ: гармонія нарушена, и *онъ* выдѣлился, выдѣлился хоть на время, до гулянья, ну а тамъ... станутъ просить, убѣждать, выражать неудовольствіе, и каждый басъ не только станетъ пѣть, но къ общему удовольствію, даже „вынесетъ многолѣтіе“ первому басу архіерейскаго хора.

— Господа! Инспекторъ! Тише... Чш... ш... Да не шумите. Сюда! Шапки долой!

Инспекторъ неизмѣнно-медленной поступью прошелъ мимо, зашелъ на одну секунду (бурсаки ехидно замѣтили: „уже пообѣдалъ!“ они отлично знали дружбу начальниковъ) въ квартиру ректора, возвратился и, обратившись къ смолкнувшей и обступившей его толпѣ бурсаковъ, произнесъ напутствіе.

„По улицамъ идти смирно. Собакъ не дразнить. Жидовъ не трогать. Пѣсенъ не пѣть до выхода за городъ. Держаться кучи. Не сквернословить. Въ лѣсу не драться. Кулачекъ [1]) чтобы не было. У перекупокъ [2]) ничего не брать. Ты слышишь“? Тутъ никогда не церемонившійся съ второ, третье-и четвертокурсниками инспекторъ назвалъ фамилію бурсака, который въ прошломъ году, не дождавшись „жака“ отъ учителей, выхватилъ у мѣщанки корзинку съ конфектами и устроилъ жакъ отъ имени инспектора; послѣдній, конечно, заплатилъ и мѣщанкѣ, и лакомкѣ-бурсаку, хотя, само-собою разумѣется,—заплатилъ совершенно различно. Верзила выступилъ изъ толпы и хотѣлъ было уже начать свое единственное оправданіе, что-де ему такъ тогда послышалось и проч., но господинъ инспекторъ продолжалъ: „Когда скажутъ—мигомъ домой. На возвратномъ пути не отставать. Въ городѣ—не разговаривать... Всѣ собрались?

[1]) Кулачные бои.

[2]) Мелкія торговки.

— Всѣ! всѣ! всѣ! заорали сотни голосовъ.

— Маршъ!—скомандовалъ инспекторъ, и самъ далъ дорогу, разсчитывая сперва осмотрѣть свое ополченіе, а потомъ шествовать сзади, чтобы лучше видѣть, если кто нарушитъ его приказанія. Но бурсаки прекрасно понимали, что большая половина этихъ приказаній будетъ нарушена безнаказанно и потому не сочли нужнымъ даже говорить объ этой выученной въ теченіе многихъ лѣтъ рѣчи инспектора. Всѣ быстро повернулись къ выходу и бодро и весело зашагали.

Мѣсто, избранное для рекреаціи, находилось въ 5—7 верстахъ отъ города, въ лѣсу, гдѣ раскинулась громадная поляна, касавшаяся однимъ изъ своихъ краевъ озера съ прекрасной чистой водой. Дорога къ этому мѣсту изъ города также отличалась чуднымъ разнообразіемъ. Едва успѣвали вы выбраться изъ грязныхъ улицъ города и его бѣднаго предмѣстья, какъ выходили въ поле. Узкая дорога, обсаженная по обѣимъ сторонамъ большими деревьями, скоро поворачивала въ сторону. Здѣсь растительность съ каждымъ шагомъ становилась все гуще и гуще, лѣсной здоровый воздухъ явственно заявлялъ о себѣ. Мало-по малу эта дорожная аллея превращалась въ такую густую что шедшая толпа должна была растягиваться вдоль. Позаботилась природа и о полянѣ, удобной для отдыха, и о ручьяхъ, способныхъ утолить жажду. Еще верста · другая—и дорога входитъ въ лѣсъ: приходится идти по узкой тропинкѣ, составляющей кратчайшій путь къ цѣли: тропинка вьется между вѣковыхъ деревьевъ и кустарниковъ, переваливается черезъ горку и теряется на обширной полянѣ, гдѣ собственно должно начаться гулянье, а такъ какъ поляна эта густо окаймлена лѣсомъ, то въ распоряженіи гуляющихъ все—и лѣсъ, и поляна, и даже недалеко поле.

Говорить-ли о томъ, что путешествіе совершалось безъ печальныхъ послѣдствій нарушенія наставленій инспектора? Правда, чуть не въ воротахъ ограды бурсакъ, несшій гилку, попотчивалъ ею здоровенную собаку; не прошли и нѣсколькихъ шаговъ, какъ кто-то ловко „поддѣпилъ“ еврея, который растянулся на тротуарѣ; далеко не вошли еще въ предмѣстье города,

какъ послышался звонкій запѣвъ, сразу же остановленный, впрочемъ, другими; кучи не держались уже потому, что это было физически невозможно, басы не могли не сквернословить... но, во-первыхъ, за общимъ шумомъ, говоромъ и смѣхомъ трудно было услышать визгъ несчастной собаки или брань еврея, а тѣмъ болѣе сквернословіе остроумныхъ басовъ; во вторыхъ, даже каменное сердце вожатаго могло смягчиться при одномъ видѣ этого рѣдко-праздничнаго настроенія. Оно и смягчилось. По крайней мѣрѣ, когда нѣсколько бурсаковъ, отдѣлившись отъ толпы товарищей, остановили молодого шкурника и стали „зарывать“, т. е. подзадоривать его начать кулачный бой, инспекторъ лишь для виду попытался отправить буяновъ домой. Буяны кротко выслушали приказаніе, пошли какъ будто назадъ, но, обойдя ускореннымъ шагомъ толпу, скоро опять очутились на своемъ мѣстѣ. Инспекторъ замѣтилъ это и только пригрозилъ своимъ историческомъ пальцемъ. Бурсаки замѣтили, что палецъ не навощенъ, и конечно порадовались въ душѣ за ненарушимость рекреаціоннаго покоя.

Послѣ часовой ходьбы съ небольшимъ роздыхомъ, бурсаки вздохнули, наконецъ, воздухомъ завѣтнаго лѣса и поляны, съ жадностью припали къ холодной водѣ, не думая ни о какихъ простудахъ и воспаленіяхъ, порожденіяхъ того изнѣженнаго поколѣнія, которому до слезъ смѣшно слушать разсказы про бурсу и ея питомцевъ.

V

День веселья.

Задолго до прихода бурсаковъ, на полянѣ уже собралось много народа. Первыми очутились здѣсь, какъ и всегда, перекупки-мѣщанки съ корзинами, наполненными конфектами, пряниками на сахарѣ и на меду, бубликами, сѣмячками, орѣхами, маковниками и всѣмъ, что сколько-нибудь привлекало вниманіе бурсаковъ, за вкусомъ которыхъ никто и никогда не слѣдилъ лучше этихъ торговокъ. Онѣ навѣрное уже знали о рекреаціи

еще наканунѣ, но для большей гарантіи спрашивали у каждаго проходившаго бурсака, дѣйствительно ли завтра рекреація. Въ день гулянья мѣщанки поспѣшили въ лѣсъ, боясь упустить выгодное мѣстечко, каковымъ, безъ сомнѣнія, должно было считаться ближайшее къ дубамъ, гдѣ днемъ располагались учителя, щедрые на гостинцы, а вечеромъ собирались и всѣ бурсаки. Не обошлось, разумѣется, безъ ссоръ и дракъ за обладаніе тѣмъ или другимъ мѣстомъ, но все это совершалось до прихода героевъ дня, быть можетъ, даже тогда, когда половина героевъ спала еще непробуднымъ сномъ. На мѣстахъ подалѣе расположились квасники, мороженщики, булочники, пирожники, каждый съ непочатымъ продуктомъ своего или чужого производства. Число всѣхъ этихъ торговокъ и торговцевъ, очевидно, мало соотвѣтствовало и числу бурсаковъ, и ихъ средствамъ, но дѣло въ томъ, что среди учителей были такіе щедрые, которымъ ничего не значило потратить и десятокъ рублей на угощеніе учениковъ, при томъ же въ лѣсъ обыкновенно являлось много и совершенно постороннихъ, проводившихъ тамъ цѣлый день. Не зная, гдѣ и какъ убить время, уѣздныя франтихи были рады случаю поразвлечься—посмѣяться и послушать пѣніе, а для сопровождавшихъ ихъ кавалеровъ являлась чрезвычайно удобная минута, что называется, шикнуть и предъ бурсаками, неуклюже острившими надъ ними, называя ихъ „франтами сальнаго ряда“, и предъ дамами, большими любительницами мороженаго и прочихъ угощеній. Все это прекрасно знали торговцы, и ни одному изъ нихъ не приходилось нести назадъ свой товаръ. Подъ самыми дубами уже былъ разостланъ огромной величины коверъ, ветхій-ветхій деньми, видѣвшій, по всей вѣроятности, еще первыя давнія рекреаціи, которыя—увы!—были не чета нынѣшнимъ. Что подѣлаешь? Такъ уже созданы люди: все то лучше, что прошло. Вотъ и теперь. Ужъ на что, казалось, раскутились бурсаки: не дождавшись вечера, не устроивъ еще ни одной игры, они обступили мѣщанокъ и принялись перебирать конфекты съ неизбѣжными стишками, а мѣщанки все жалуются да хвалятъ прошлое: „То ли было прежде! однихъ конфектовъ, бывало, на пять цѣлковыхъ принесешь, и

все мало. Преосвященный, бывало, пріѣдетъ, корзинокъ пять закупитъ. А теперь что?“ Бурсаки пытаются смягчить рѣзкій приговоръ нынѣшнему поколѣнію основательной ссылкой на то, что прежде въ П—вѣ была семинарія, много училось, больше было учителей... Такъ куда? Занозистая баба стоитъ твердо на своемъ! Нѣтъ, что ни говорите, а въ старину было не то!

То же самое говоритъ и сторожъ. Онъ суетится около дубовъ, устанавливая на коврѣ чайную посуду, разводя огонь для самовара, присланнаго монастырской братіей, которой тоже стыдно было не имѣть хоть депутата своего на рекреаціи, нося воду и отбиваясь отъ бурсаковъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ каждую вещицу, назначенную для сервировки волшебной скатерти. Но жалобы сторожа касаются другихъ сторонъ дѣла и вытекаютъ изъ иныхъ побужденій.

— Ну, что это за кутежъ? спрашиваетъ онъ, таща корзину съ нѣсколькими дюжинами пива: нешто такъ было прежде? Прежде наплевать на пиво. Да „прохвесоръ“ С... (тутъ онъ называлъ фамилію отставного профессора семинаріи, извѣстнаго своею слабостью къ спиртнымъ напиткамъ) плюнулъ бы на всю эту чайную утварь... Вотъ что! А на водку теперь получишь, какъ прежде?

И сторожъ затягивалъ предлинный разсказъ о томъ, какъ однажды на рекреаціи получилъ онъ цѣлый рубль за то, что въ лѣсу досталъ водки, которою онъ запасся, припрятавъ боченокъ подъ кустами и сказавъ, будто за полчаса успѣлъ сбѣгать въ городъ.

Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ начались игры. И сколько въ этихъ незатѣйливыхъ играхъ разнообразія, сколько неподдѣльной веселости, сколько рѣдкой и ни мало не преступной свободы и отсутствія стѣсненія!

Вотъ нѣсколько десятковъ бурсаковъ образовали большой кругъ, взялись за руки, впустили въ средину мышку, за кругомъ оставили кота. Громкій веселый смѣхъ сопровождаетъ каждую попытку кота пробраться въ защищенный десятками переплетенныхъ рукъ кругъ. Но котъ все-таки пробрался, схватилъ

мышку, и громкій смѣхъ смѣшался съ одобреніемъ ловкости кота, удачно обманувшаго защищавшихъ мышку.

Тамъ давно уже идетъ игра въ мячъ. Господи! что за искусникъ иной! Дай только ему хорошую гилку, да хорошо поддай мячъ. Диву дивятся всѣ, до какого совершенства дошелъ онъ. Мячъ послѣ его удара летитъ такъ высоко, что не увидишь даже, и—посмотрите—какъ всегда правильно, точно по заказу! Не легко и поймать на воздухѣ мячъ. Тутъ тоже нужна сноровка, и многіе положительно артисты въ этомъ отношеніи. Не успѣешь оглянуться, онъ уже подпрыгнулъ выше всѣхъ, хватилъ одной рукой мячъ, летѣвшій съ неимовѣрной быстротой и готовый, казалось, попасть въ руки совсѣмъ другого счастливца, и нѣсколькими прыжками очутился „въ городѣ“ (откуда бьютъ), успѣвъ на пути ловко хватить мячомъ того, кто билъ и кто теперь за свою неловкость и неувертливость долженъ идти исполнять пренепріятную обязанность подавать мячъ. И убѣжать вѣдь нужно умѣло: главное—быстро, не боясь споткнуться, увѣренно, смѣло. Вотъ какъ иной изъ фаръ: даромъ что маленькій, а попробуйте-ка попасть въ него мячомъ! Да это такая юла, что гораздо благоразумнѣе поступитъ тотъ, кто вовсе не станетъ бросать въ него мячомъ: мячъ все равно пролетитъ мимо, къ общему смѣху, и тебѣ же прійдется идти отыскивать. Нѣсколько часовъ продолжается эта игра, нѣтъ минуты, въ которую не было бы слышно и смѣха, и шума, и одобреній, и поощреній, словомъ—всего, что неразлучно съ играми и что собственно и дѣлаетъ ихъ привлекательными.

Не смотря на строгое приказаніе инспектора не играть въ „высокую лозу“, и эта игра, нелюбимая Мазницей безъ всякой причины, въ полномъ ходу. Инспекторъ подошелъ, попалъ перваго же, стоявшаго наклонившись и упершись руками въ колѣни, въ ожиданіи, пока добѣжитъ товарищъ и перепрыгнетъ чрезъ него,—строго напомнилъ о своемъ приказаніи, но игры все таки не нарушилъ: „чортъ съ вами, сегодня вашъ праздникъ“.

Джгутъ, жмурки, кольцо, свайка, раскъ и прочія игры, сохранившіяся и забытыя теперь, смѣнялись одна другой, разно-

образя день и давая каждому полную возможность выказать и свою силу, и ловкость, и быстроту ногъ, и зоркость зрѣнія, и гибкость тѣла. Въ одномъ мѣстѣ игра сопровождается пѣніемъ. Заранѣе условившись, въ игрѣ этой приняли участіе всѣ хористы и умѣвшіе пѣть. Посторонніе наиболѣе заинтересовались этой игрой и плотной стѣной окружили пѣвцовъ. Даже мороженщики и квасники, торговля которыхъ не можетъ начаться раньше, чѣмъ окончатся нѣкоторыя игры и бурсаки почувствуютъ потребность прохладить себя мороженымъ и квасомъ, и тѣ далеко оставили свои кадки и подошли поближе къ играющимъ. Но запасъ пѣсенъ, относящихся собственно къ игрѣ, мало-по-малу истощается, и пѣвцы, бросивъ игру и сбившись въ кучку, перешли просто къ своему обычному репертуару. Какихъ только пѣсенъ не вспомнили они! „Ахъ, ты Днѣпръ“ смѣняется веселой „Ой за гаемъ, гаемъ“; „Въ старину живали дѣды“, можетъ быть по контрасту, переходитъ въ солдатскую „Вотъ житье, вотъ бытье“, при чемъ, хоть не совсѣмъ удачно, опредѣленіе „солдацкое“ замѣняется болѣе подходящимъ „бурсацкое“; „Не ходы Грыцю“, по предложенію одного изъ поющихъ, замѣняется какой-то русской, но оставляется совсѣмъ. Стоитъ кому нибудь назвать пѣсню, не говоря уже о просьбѣ, какъ одинъ, безъ очереди и права, начинаетъ, прочіе подхватываютъ, и пѣсня допѣвается до конца, какъ бы ни была она длинна. Сначала управлялъ регентъ, горделиво прислушиваясь къ звукамъ камертона, потомъ—управленіе, уже безъ камертона, какъ драгоцѣнности, которую нельзя же всякому довѣрить, было передано субъ-регенту, но скоро перешло оно во владѣніе всѣхъ и каждаго: кто начиналъ свою излюбленную пѣсню, тотъ и управлялъ, т. е. махалъ руками, не думая о томъ, смотритъ кто на него или нѣтъ. И сказать правду—послѣдняго рода пѣніе было наилучшее, по крайней мѣрѣ, не стѣсненное остановками и распеканіями регента, и тутъ не забывавшаго злиться, пылить и ругаться.

Бурсаковъ тревожило одно обстоятельство: долго не являлись учителя. Что за причина—неизвѣстно, но не явись они

совсѣмъ, это не только огорчило бы всѣхъ, но и испортило бы гулянье: иные изъ учителей давали своеобразный тонъ гулянью, какъ-то особенно бодрили, оживляли всѣхъ. И бурсаки собирались уже послать въ городъ выборныхъ товарищей, совершенно не подозрѣвая, какой готовился имъ учителями сюрпризъ. Точно чувствуя свою вину, учителя пріѣхали съ двумя или тремя корзинками конфектовъ. Ясно: будетъ „жакъ". Какъ почувствовали себя торговки, узнавъ, что учителя привезли гостинцы изъ города, а не взяли у нихъ, не знаю; но бурсаки были въ восхищеніи и уже заранѣе подбирались къ тому дубу, съ котораго, по всей вѣроятности, посыплется дождь лакомствъ. Дубъ этотъ дѣйствительно представлялъ большое удобство: стоитъ онъ особнякомъ, значитъ—вокругъ него могутъ расположиться всѣ бурсаки, такой вѣтвистый, что даже неискусный лазить легко можетъ взобраться на самую вершину. Но это заключительный номеръ, пока же есть другое дѣло: надо повторить всѣ игры съ учителями.

Кто былъ свидѣтелемъ того, какъ бурсаки провели пять-шесть часовъ до пріѣзда учителей, тотъ положительно долженъ былъ недоумѣвать: гдѣ у нихъ находилось столько бодрости и силы, чтобы съ такой удвоенной энергіей вновь начать и это пѣніе, и эту бѣготню, и эти крики. Точно всѣ они только что проснулись, точно впервые очутились на свѣжемъ воздухѣ, среди этой прекрасной поляны, въ виду этой заповѣдной рощи.

Игры потворялись. Учителя, свѣтскіе и духовные, играли и пѣли, какъ дѣти, ободряя однихъ, соревнуя другимъ.

Только слишкомъ ужъ накричавшіеся и набѣгавшіеся, ногъ подъ собой, какъ говорятъ, не чуявшіе ученики разбрелись на отдыхъ, куда-нибудь подъ дерево, гдѣ аппетитно уничтожали весь принесенный провіантъ, угощая другъ друга и дѣлая сравнительную оцѣнку способностей или щедрости той или другой хозяйки; но стоитъ только назвать того или другого изъ отдыхавшихъ, отсутствіе котораго чувствовалось въ игрѣ или хорѣ, сразу же забывалось все—и аппетитъ, и хозяйка, и усталость. Не исполнить желанія учителя—значитъ обидѣть го-

стя, нарушивъ въ самой основѣ долгъ гостепріимства: не даромъ же учителя называютъ сегодня учениковъ хозяевами...

Наступаетъ вечеръ. Учителя усѣлись на коврѣ, бурсаки разбрелись, кто куда хотѣлъ... Пріѣхалъ и ректоръ. Онъ обошелъ поляну, ласково отвѣчалъ на привѣтствія учениковъ, спрашивалъ, довольны-ли рекреаціей, поласкалъ нѣсколькихъ мальчугановъ и, освѣдомившись, сколько у нихъ было денегъ, купилъ имъ гостинцевъ, недорогихъ, правда, но кто же и думалъ объ этомъ? Ректоръ—человѣкъ больной, слабый; явился онъ единственно потому, что зналъ, какъ важно его вниманіе къ своимъ питомцамъ, которые и не претендовали на большее. Боялся онъ явиться раньше, можетъ быть, и потому, что присутствіе его все же могло бы стѣснить дѣтей и взрослыхъ: пришлось бы, можетъ быть, отказаться отъ какой-нибудь игры, и это въ значительной степени лишило бы гуляющихъ той нестѣсненности, которая должна была быть и была сущностью рекреаціи.

Начинаетъ темнѣть. Учителя за чаепитіемъ. Нѣтъ между ними одного только инспектора, но никто даже не интересуется имъ: знаютъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Всѣ знали, что въ 10 часовъ онъ явится, скомандуетъ свое безповоротное „домой“ и поплетется вслѣдъ за бурсаками въ городъ, поплетется, если бы даже самъ ректоръ ѣхалъ вслѣдъ. Знали его мѣстопребываніе одни бурсаки, отмѣтившіе незамѣтно для инспектора бумажнымъ флагомъ кустъ, гдѣ онъ скрывался. Подобная предосторожность могла спасти многихъ отъ непріятной встрѣчи.—Вмѣстѣ съ учителями явились и большіе архіерейскіе пѣвчіе, не водившіе дружбы съ уѣздными бурсаками уже потому, что иные изъ нихъ уже прошли нѣсколько классовъ семинаріи и, слѣдовательно, должны были свысока смотрѣть на тѣхъ, для кого семинарія еще одно прекрасное далекое. Зато мальчуганы—дисканты и альты—въ этотъ день окончательно сливались съ учениками, и въ теченіе всего гулянья, до самаго вечера, когда они становились въ свой хоръ, никто изъ постороннихъ не подозрѣвалъ ихъ присутствія. Даже въ хорѣ днемъ они почти

не участвовали, имѣя на то запретъ регента, пуще своей жизни берегшаго голоса солистовъ, которымъ завтра или послѣзавтра предстоитъ исполненіе многихъ номеровъ на торжественномъ служеніи владыки.

По всей полянѣ разнесся давно и нетерпѣливо жданный крикъ: Жакъ! жакъ! жакъ!

Мигомъ уединенный дубъ былъ окруженъ бурсаками, направившими все еще голодныя очи на самую верхушку дерева, гдѣ уже примостились двое изъ почтенныхъ синтактиковъ съ двумя корзинами. Еще минута—и изъ этой густой зелени, теперь такъ потемнѣвшей, посыпались во всѣ стороны лакомства: конфекты всевозможныхъ сортовъ—съ картинками, стишками, чубиками, круглые, плоскіе, продолговатые, квадратные,—пряники, сахарные бублики, волошскіе орѣхи, яблоки.... И чего, чего тамъ не было! Толпа бросилась ловить, кто что можетъ, и кто какъ можетъ. Крикъ, шумъ, смѣхъ, давка... Мѣщанки, у которыхъ еще осталось товару, отодвинулись подальше, боясь быть смятыми; квасники и мороженщики, къ вечеру распродавшіе уже все, хохотали во все горло; франты и франтихи, стоя поодаль, принужденно смѣялись, какъ люди, которымъ не диво лакомство, достающееся столь дорогой цѣной; учителя зорко слѣдили за устроенной ими потѣхой; даже ректоръ, рѣдко веселый, расхохотался и только высказалъ опасеніе, какъ бы не придавили какого-нибудь малюка.... Опасеніе было совершенно напрасное: бросавшіе съумѣли захватить такое широкое пространство вокругъ, что никоимъ образомъ не могло произойти опасной давки.

Вся эта кутерьма длилась не болѣе пяти минутъ, послѣ которыхъ началось такое же энергичное отыскиваніе гостинцевъ въ травѣ, хотя и порядкомъ вытоптанной, но все же скрывавшей въ себѣ не мало сокровищъ.

Никто, конечно, не назоветъ разумнымъ такого способа угощенія. Когда утомленные жакомъ больше, нежели всѣми играми дня, бурсаки стали сходиться, то въ числѣ ихъ можно

было видѣть и счастливцевъ, наполнившихъ до-верху карманы, и обиженныхъ, вынужденныхъ довольствоваться однимъ орѣхомъ или золотой головкой коня изъ медоваго тѣста. Но до чего предусмотрительны угощающіе! Они приберегли для этихъ обиженныхъ цѣлую корзинку, прикупили еще у мѣщанокъ, и въ концѣ концовъ—распредѣленіе вышло если не вполнѣ равномѣрнымъ, то и не обиднымъ. Обогатившіеся добычей товарищи также послѣдовали совѣту учителей и охотно дѣлились съ другими.... Словомъ: ясно было, что дѣло не въ томъ, чтобы одинъ съѣлъ больше другого.

— А кто наловилъ больше всѣхъ? спрашиваетъ учитель...

Изъ толпы выдвигаютъ, точно провинившагося, юркаго грамматика, такъ удачно ловившаго, что не только карманы его пиджака едва выносятъ тяжесть, но даже шапка вся наполнена.

— Молодецъ! Только ты не объѣдайся...

— „Да я уже роздалъ половину, и эти роздамъ у кого мало!“...

— Правда! Ну, братъ, *герой* же ты!...

А нужно сказать, что слово „герой“ имѣло особенное значеніе у бурсаковъ, и назвать такъ—значило чрезвычайно и польстить самолюбію, и поднять этого героя въ глазахъ другихъ. Въ чемъ бурсакъ именно выказываетъ геройство? Во многомъ... Возьмите хоть бы розгу. Думаете, мало нужно самообладанія героя, чтобы сдержать слово и не пикнуть подъ ударами какого-нибудь здоровилы, для котораго налагать сильные удары было какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ, и который этимъ путемъ также хотѣлъ попасть въ герои? Или: мало-ли нужно было терпѣнія Сцеволы, чтобы въ теченіе пяти-десяти минутъ выдерживать жестокіе удары корешкомъ розги по ладонямъ, имѣвшимъ несчастіе прогуляться по щекамъ товарища, который осмѣлился пригрозить выдать инспектору какую-нибудь продѣлку? Да, если хотите, не мало нужно было геройства и для того уже, чтобы съ тощимъ желудкомъ, въ подбитомъ вѣтеркомъ пальтишкѣ, при 28 градусномъ морозѣ, просидѣть 6 часовъ въ нетопленномъ сараѣ-классѣ, просидѣть да еще и

получить хорошіе баллы за прекрасное знаніе и катехизиса, и латинскихъ склоненій, и мало ли чего? Нѣтъ, для всего этого нужна особая, нечеловѣческая подчасъ сила. Бурсаки, конечно, не сознавали этого и терпѣли, мужественно перенося удары... даже не судьбы, а просто Мазницы...

Разбрасываніемъ лакомствъ окончилось, можно сказать, гулянье, окончился день. Наступилъ лѣтній вечеръ. На коврѣ зажгли свѣчи. Всѣ столпились вокругъ: часъ-другой будутъ пѣть, чтобы потомъ подъ звуки послѣдней пѣсни направиться домой.

Прежде всего установились хоры: направо, какъ и слѣдовало, архіерейскій, налѣво—училищный. Послѣдній былъ, разумѣется, усиленъ, при чемъ и всѣмъ дано было право подтягивать, соблюдая обязательное требованіе „не рѣзать“ и отстать по первому намеку одного изъ компетентныхъ пѣвцовъ. Архіерейскій хоръ открылъ музыкальный отдѣлъ вечера, чудно пропѣвъ концертъ, которымъ недѣлю тому назадъ восхищался „весь городъ“. Слѣдовало уступить мѣсто хору училищному, и послѣдній, ободренный ли соревнованіемъ, отъ избытка ли чувствъ, которыя не могли не быть торжественно-радостными, грянулъ, буквально грянулъ одну изъ своихъ излюбленныхъ малорусскихъ пѣсенъ. И въ пѣніи этомъ столько было кипучей жизни, столько молодой силы, бившей неудержимымъ ключемъ, столько неподдѣльной веселости! Такъ могли пѣть только счастливые, а пѣвцы эти именно были счастливцами въ этотъ памятный для нихъ вечеръ. Хоры архіерейскій и ученическій еще не одинъ разъ смѣняли другъ друга. Между прочими, былъ спѣтъ традиціонно исполняемый въ такихъ случаяхъ и всегда доставлявшій удовольствіе начальству старинный кантъ:

Мы тебя любимъ сердечно;
Будь намъ начальникомъ вѣчно;
Наши зажегъ ты сердца:
Мы въ тебѣ видимъ отца...

Неожиданно порядокъ пѣнія долженъ былъ нарушиться: ректоръ не могъ дольше оставаться и собирался уѣхать; онъ простился съ учениками и выразилъ желаніе, чтобы они сво-

имъ поведеніемъ и успѣхами заслужили вторую рекреацію. Ученики отвѣчали громкимъ „ура“, какъ сигналомъ къ цѣлому ряду овацій. Первый басъ архіерейскаго хора началъ „выносить многолѣтіе“ отцу ректору. Боже! Какъ онъ его вынесъ! Поклонники его дивнаго баса, восхищенные потрясающими высокими нотами, говорили, будто собственными глазами видѣли, какъ съ дуба падали листья, и будто они страшно боялись, чтобы съ басомъ не случилось удара. Но басъ находилъ обратное: сегодня онъ былъ не въ ударѣ и не дотянулъ нѣсколькихъ нотъ... Что же это было бы, если бы онъ дотянулъ ихъ!

Въ отвѣтъ на возгласъ послѣдовало громкое троекратное „Многая лѣта“; въ этомъ пѣніи участвовали всѣ, не исключая даже сторожа, который считалъ себя и большимъ знатокомъ пѣнія и о голосѣ своемъ былъ преувеличеннаго мнѣнія съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ бытность свою сельскимъ пономаремъ, по болѣзни дьячка, самъ пропѣлъ многолѣтіе благочинному, за что и удостоился отъ послѣдняго похвалы.

Ректоръ снова благодарилъ всѣхъ, послѣ чего усѣлся въ казенную бриченку и, раскланиваясь на всѣ стороны, велѣлъ кучеру ѣхать. Бурсаки отдѣлившейся толпой направились провожать: не смотря на настойчивыя совѣты ректора остаться и воспользоваться послѣднимъ часомъ, они все же проводили его до дороги, громко распѣвая пѣсни, начинавшіяся и кончавшіяся неизмѣннымъ „ура“. Только тамъ, гдѣ оканчивается лѣсъ и начинается дорога, они простились съ ректоромъ, который, отъѣзжая, долго еще слышалъ громкое „ура“, „спасибо“ и пѣніе, пѣніе безъ конца.

Возвратившись къ дубамъ, гдѣ оставались всѣ прочіе, провожавшіе присоединились снова къ компаніи. Завершеніе гулянья пошло размѣреннымъ ходомъ: тотъ или другой хоръ пѣлъ пѣсню, было провозглашено многолѣтіе, начали снова пѣсни... Самый подозрительный наблюдатель не могъ бы видѣть не только вражды между басами двухъ хоровъ, но напротивъ: какъ и слѣдовало ожидать, училищные басы, даже безъ всякихъ просьбъ, мало по малу вошли въ роль и немилосердно

драли свои здоровыя глотки. Особенно не щадились послѣднія, когда запѣваломъ являлся какой-нибудь учитель. Тогда училищный хоръ, къ которому дѣйствительно примкнули уже всѣ, просто неистовствовалъ.

Такъ прошло около двухъ часовъ. Наступилъ часъ окончанія гулянья въ лѣсу... только въ лѣсу, ибо огромное путешествіе никоимъ образомъ не должно было быть исключено изъ веселыхъ номеровъ этого гулянья. Быстро собравшись, предводительствуемые инспекторомъ, пошедшимъ теперь впереди, съ пѣсней всѣ направились въ ту сторону, куда вела тропинка изъ лѣсу.

Какъ ни весело было возвращаться, однако усталость давала себя чувствовать, и многіе предпочитали идти въ сторонкѣ, отставая отъ толпы и предаваясь невиннымъ бесѣдамъ. Естественно было вспомнить о такихъ слухахъ, какіе начали проникать уже и въ самыя глухія мѣста.

„Да... не сдобровать и рекреаціямъ: реформа все поставитъ вверхъ дномъ!“

— Ну, это еще вопросъ! Отецъ Ѳедоръ (симпатичнѣйшій учитель!) сказалъ: „не думаю!“

— „А *Вы*“, братцы, это вѣрно. Честное слово!

— Да кто же споритъ?

Тутъ затянулся разговоръ о томъ, что дѣйствительно вышло распоряженіе, въ силу котораго и ректоръ, и инспекторъ, и учителя не должны называть учениковъ „ты“, а непремѣнно „вы“. Спорить объ этомъ было трудно, такъ какъ и теперь, особенно послѣ ссоры съ ректоромъ, инспекторъ нерѣдко „ошибался“ и называлъ „вы“ даже фаръ.

„Эй, ты... вы! Ступай сюда!“

Странно это было для бурсаковъ, не привыкшихъ даже отъ сторожа слышать такую любезность, и каждый изъ нихъ съ большимъ удовольствіемъ выслушивалъ бы „ты“, нежели принималъ щелчки въ лобъ...

— Охъ, несчастный Мазница: то-то трудно ему будетъ умѣрить свой пылъ по части щелканія въ лобъ!...

„Привыкнетъ, чортъ его не возьметъ!“

— Въ отставку выйдетъ!

— Какъ же!

— „Ей-Богу!“

— Кто тебѣ сказалъ?

— „Я тебѣ говорю.

— Говорила бабушка до смерти...

— „Посмотришь“.

Въ сущности, это оправдалось. Прошло нѣсколько лѣтъ, новые порядки вошли въ силу, и щедрый на щелчки инспекторъ очутился въ отставкѣ. Не знаю, торжествовали ли бурсаки, но бѣдный Мазница, говорятъ, неохотно разставался съ своимъ излюбленнымъ постомъ и только одно нашелъ утѣшеніе въ своемъ горѣ: я—молъ—не могу служить тамъ, гдѣ заводятъ порядки, которые не приведутъ къ добру!

„А ревизоръ таки на носу!“

— Охъ!

— „Чего? Мы тутъ при чемъ?“

— А съ кого же спросятъ?

— „Конечно съ начальства“.

— Знаемъ мы это *конечно*: начальство же насъ и перепоретъ...

— „Ну, нѣтъ... розгѣ капутъ!

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ да въ пѣніи тянулось время, пока дошли до города. Тутъ все притихло. Бурсаки стали раздѣляться на кучки, и каждая кучка повернула на свою дорогу. Еще 10—15 минутъ, и бурсаки уже приготовились отдохнуть послѣ весело проведеннаго дня, заснуть богатырскимъ сномъ. Кстати, ректоръ разрѣшилъ завтра явиться въ классъ прямо ко второму уроку....

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и не могу я забыть этихъ рекреацій... И жаль мнѣ становится добраго стараго времени, умѣвшаго многимъ искупить свои вольныя и невольныя прегрѣшенія. Реформа все перевернула „вверхъ дномъ“. Почему? Зачѣмъ? Что могла найти „реформа“ въ этомъ невин-

номъ развлеченіи разъ въ годъ? А вѣдь въ обиходномъ лексиконѣ бурсаковъ нѣтъ уже и слова „рекреаціи“, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ томъ заманчивомъ смыслѣ, какъ прежде.... Право же жаль! И только памятные щелчки „Мазницы“ не позволяютъ чувству сожалѣнія долго оставаться въ душѣ....

П. Борзаковскій.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ [1].

II

На предыдущихъ страницахъ мнѣ неоднократно приходилось упоминать имя Ивана Степановича Штурбы. Это былъ человѣкъ высокихъ дарованій, какими вообще отличаются наши самородки. При оригинальномъ складѣ своего характера, выдвигавшемъ его въ разрядъ типичнѣйшихъ слободскихъ украинцевъ, при обширности своихъ торговыхъ сношеній, онъ составилъ себѣ огромную популярность въ районѣ своей дѣятельности. Въ родной его слободѣ Алексѣевкѣ память о немъ долго жила, какъ о человѣкѣ во всѣхъ отношеніяхъ выдающемся. Съ цѣлью сохраненія нашей малороссійской старины, позволяю себѣ разсказать то, что я слышалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Алексѣевкѣ отъ тогдашнихъ старыхъ священниковъ и лучшихъ крестьянъ-малороссовъ о старомъ Штурбѣ.

Отецъ его умеръ въ концѣ прошлаго столѣтія, не оставивъ сыну ничего, кромѣ хаты, огорода, сада и левады, но за то И. С. Штурба былъ прекрасно, по тому времени, обученъ грамотѣ, письму и счетоводству. Уже въ 1812 году молодой Штурба, сдѣлавшись купцомъ, выписывалъ „Московскія Вѣдомости“, былъ друженъ съ мѣстными попами, особенно съ ученѣйшимъ изъ нихъ отцомъ Федоромъ Рудинскимъ и отцомъ Петріемъ, такъ прекрасно выставленнымъ въ дневникѣ Алексѣевскаго уроженца А. В. Никитенка [2]. Кстати сказать, что отецъ Пет-

[1] См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г. № 4.

[2] Русс. Стар., 1888, мѣс. августъ.

рій былъ зять „житного попа“. Послѣдній получилъ свое странное названіе по такому поводу. Въ житѣ на полѣ былъ найденъ младенецъ мужескаго пола. Алексѣевцы воспитали его на свой счетъ и обучили грамотѣ. Такъ какъ онъ прекрасно читалъ и пѣлъ на клиросѣ, то выборные отъ громады отвезли его къ архіерею и просили „высвятить его на попа“. Этотъ житный попъ далеко въ окружности былъ извѣстенъ своей добродѣтельной жизнью и долго оставался въ народной памяти. Что касается отца Федора Рудинскаго [1]), то онъ, очевидно, былъ ученый человѣкъ. Гдѣ онъ пріобрѣлъ свою ученость—неизвѣстно. Но послѣ него осталась библія, изданная Синодомъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Поля этой библіи были испещрены рукою отца Федора; находящіяся здѣсь замѣтки заключали въ себѣ различныя ссылки на параллельныя мѣста, съ приведеніемъ греческаго и еврейскаго текста многихъ мѣстъ Писанія.—Была у И. С. Штурбы и кое-какая библіотека. Любимымъ чтеніемъ его была Исторія Малороссіи Бантыша-Каменскаго, сочиненія Георгія Конискаго, Сковороды, Котляревскаго и Основьяненка.

Знавалъ Штурба и покойнаго Никитенка, котораго не разъ принималъ потомъ у себя въ гостяхъ, относясь къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, какъ къ человѣку энергичному, составившему собственными силами высокое для себя положеніе; но отца Александра Васильевича Штурба не уважалъ [2]) за его

---

[1]) Одинъ изъ членовъ этой самой фамиліи, Орестъ Ивановичъ Рудинскій, еще очень недавно былъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ въ Россіи. Онъ былъ товарищъ по воронежской семинаріи бывшему московскому митрополиту Леонтію, въ мірѣ Лебединскому, тоже украинцу, изъ слободы Калиновы Острожскаго уѣзда. Очевидно, заднѣпровцы переселялись на московскія степи вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ; на это указываютъ долго державшіяся въ Слободской Украинѣ фамиліи духовенства: Прокоповичи, Леонтовичи, Хелодовичи, Стонкевскіе, Мѣшковскіе, Григоревскіе и т. д.

[2]) Вообще сельскіе богачи не любятъ независимыхъ бѣдняковъ: „на рубль-де амбиціи—на грошъ амуниціи“. Но, какъ видно, и Никитенко-отецъ позволялъ себѣ заниматься доносами въ главную контору Шереметевыхъ. Про его похожденія въ Алексѣевкѣ сочинили сатирическую пѣсню; но по весьма понятной скромности А. В—чъ приводитъ въ своемъ дневникѣ только два стиха этой пѣсни (Русск. Стар 1888 г., августъ). Алексѣевка въ то время была богата народнымъ творчествомъ

бѣдность и малодушіе, особенно за то, что онъ на цѣлый вѣкъ остался учителемъ. По мнѣнію Штурбы, учительское званіе недостойно серьезнаго человѣка; оно приличествуетъ старому дьячку, черничкѣ—монахинѣ, хромому солдату, раненному на войнѣ, и т. д,, но серьезному и здоровому человѣку ни въ какомъ случаѣ не подходитъ возиться съ ребятишками.

— „Учителышко сельскій!“ съ ироніей говорилъ Штурба объ отцѣ Никитенка: „бѣднякъ, покупалъ въ лавкѣ полъ-фунта дроби и четверть фунта пороху для охоты!“ Штурба, какъ увидимъ, любилъ помогать человѣку бѣдному, безпомощному; но по его мнѣнію, человѣкъ умный и здоровый непремѣнно долженъ бороться съ бѣдностью, а не обрекать себя на всегда на званіе сельскаго учителя, и значитъ—на вѣчную и неисходную бѣдность и недостатки.

По преданію, И. С. Штурба былъ истинный малороссъ-козакъ, со всѣми хохлацкими особенностями и причудами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень богатъ. Его торговля желѣзными товарами, солью, а особенно скотомъ, пріобрѣтаемымъ въ калмыцкихъ степяхъ, давала ему огромныя деньги. Знавшіе торговыя дѣла Штурбы говорили, что были такія времена, когда онъ зарабатывалъ по 200 тысячъ рублей къ годъ. Вотъ этотъ-то богачъ и позволялъ себѣ въ Алексѣевкѣ всякія причуды, которыя принимались остальнымъ людомъ, какъ законъ. Онъ любилъ, чтобы съ христосованьемъ и съ крещенской водой къ нему шло все духовенство разомъ со всѣхъ церквей слободы Алексѣевки и ея окрестностей; а въ самой Алексѣевкѣ было до 10 тысячъ народонаселенія. Въ такихъ случаяхъ въ домѣ Штурбы собиралось духовенства нѣсколько десятковъ человѣкъ. Онъ тре-

---

и всякое происшествіе, сильно интересовавшее, находило своего пѣвца. По любви къ молодому, бравому вахмистру ушла за полкомъ дивчина Татьяна, изъ хорошаго даже дому; было воспѣто и это происшествіе; я помню, лишь заключительные стихи:

Ой ты дуро, Тытяно!
Де твій розумъ дився?
У собачому хвостови
Въ ковтунъ завертився.

бовалъ пѣнія чиннаго, простого и стройнаго. „Ни якихъ выкрутасивъ“ въ пѣніи не дозволялось. На такіе выкрутасы Штурба смотрѣлъ, какъ на весьма неудачное нововведеніе въ церковное дѣло. Послѣ пѣнія и молитвословія, въ залѣ Штурбы усаживались всѣ попы, дьяконы, дьяки и пономари. Подавалось обильное угощеніе. Штурба, будучи привѣтливымъ хозяиномъ, позволялъ себѣ дѣлать при этомъ духовному чину внушенія и замѣчанія. Одному батюшкѣ говорилъ, что онъ очень рано начинаетъ обѣдню, почему хозяйки не въ силахъ до обѣдни справиться съ своимъ дѣломъ; другому—что онъ долго тянетъ службу, а это нехорошо въ томъ отношеніи, что дѣти не выдерживаютъ и наѣдаются до обѣдни; нѣкоторыхъ дьячковъ за четкое и внятное чтеніе и пѣніе хвалилъ, а другимъ дѣлалъ строгія внушенія, что они, при чтеніи даже словъ: „Господи помилуй“, гдѣ по уставу это требуется повторить сорокъ разъ, произносятъ такъ, что къ соблазну прихожанъ изъ этого выходитъ что-нибудь вовсе не молитвенное.—Родной дядя Штурбы по матери, по фамиліи Слюсарь[1]), былъ дьякономъ въ базарной церкви. По обычаю того времени, старикъ сильно нюхалъ табакъ. При чтеніи на эктеніи Александра, Константина и Николая Павловичей, выходили лишь звуки—палича—палича—палича (вмѣсто Павловича). Штурба не оставлялъ и дядька безъ замѣчанія: „тебе, дядьку, треба-бъ добре выбыты паличьямъ, щобъ ты поменьше табаки нюхавъ.“ Духовенство сносило все это терпѣливо, зная, что изъ этого ничего плохого не выйдетъ и что Штурбѣ надо дать покуражиться.—Затѣмъ выносилось большое блюдо, до-верху переполненное серебряною монетою. Штурба изъ этого блюда давалъ каждому члену причта, сколько вздумается: пономарь иногда получалъ рублей 5—10, а священникъ 20 коп. Такой пріемъ духовенства обходился Штурбѣ въ одинъ разъ до 200 рублей.

Но выходки Штурбы по отношенію къ духовенству простирались и дальше. Онъ часто посѣщалъ всѣми уважаемаго

---

[1]) Его потомки носятъ уже передѣланную фамилію Снѣсаревыхъ.

отца Петрія [1]). Когда Штурба собирался въ гости къ этому священнику, то онъ бралъ съ собой приказчика, заходилъ въ винный погребъ и бакалейную лавку, бралъ вино, ромъ, закуски; приглашалъ съ собою кого-нибудь изъ почетныхъ людей. Однажды Штурба засталъ о. Петрія за хозяйственными занятіями: онъ рубилъ дрова, имѣя на головѣ старую, помятую поповскую шляпу. Штурба попросилъ у о. Петрія топоръ, снялъ съ его головы шляпу и порубилъ ее на дровитнѣ. О. Петрій зналъ, что это ему будетъ не въ убытокъ, и умиленно улыбался. Штурба досталъ изъ кармана и вручилъ о. Петрію нѣсколько рублей, на которые онъ могъ купить нѣсколько новыхъ шляпъ.

Тогдашнее духовенство вполнѣ снисходительно смотрѣло на выходки Штурбы, а эти выходки бывали иногда очень рѣзки. Однажды священникъ говорилъ въ церкви проповѣдь на тему: „птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ“. Штурба былъ въ первыхъ рядахъ слушателей. Послѣ заключительнаго слова: аминь, Штурба, обращаясь къ священнику, громко на всю церковь сказалъ: „то-вѣрно, что птицы не сѣютъ, не жнутъ; но за то зимою по дорогѣ всякую нечисть клюютъ!“ Очевидно, батюшка очень много говорилъ объ одной лишь надеждѣ на благость Божію, безъ всякаго труда, заботъ и попеченій. А это вполнѣ было противно взгляду Штурбы на жизнь—трудовую, разумную и энергичную, да несогласно и съ Свящ. Писаніемъ.

Штурба благотворилъ не одному духовенству. Нерѣдко онъ ходилъ на громаду, особенно когда происходила раскладка или сборъ податей. За вдовъ, сиротъ или людей, обнищавшихъ отъ старости, болѣзней или другихъ несчастій, Штурба былъ всегдашнимъ заступникомъ. Обращаясь къ зажиточнымъ людямъ, Штурба говорилъ: „бачите, не тягнуть; такъ мы за ихъ потягнемъ: Усатенко, Папуша, Дидухъ, Безмогорычный..... тягнить помаленьку!“ Когда разберутъ богачи за бѣдныхъ лю-

---

[1]) Это тотъ самый священникъ, о которомъ говоритъ также Никитенко въ своихъ запискахъ. Изъ особаго уваженія къ этому священнику прихожане звали его вмѣсто Петръ—Петрій, думая, что Петрій—какъ-то будетъ благопристойнѣе.

дей—кто тягло, кто полъ-тягла, Штурба выкрикиваетъ: ащо панъ писарь (или панъ отаманъ), ще скилки треба тягнуть? Оказывается неразобранныхъ пять или десять тяголъ.—„Ну, оце усе я потягну“, отзывался Штурба и уплачивалъ за 5—10 и болѣе семействъ всѣ годовые подати.

Вообще бѣдныя семьи имѣли отъ него всегдашнюю помощь. Предъ большими праздниками развозились бѣднякамъ цѣлые возы хлѣба, мяса, муки, крупы, и проч. Множество денегъ затратилъ Штурба въ 1830 году, во время всероссійскаго голода, на покупку хлѣба для бѣдныхъ, и эта затрата главнымъ образомъ поколебала его благосостояніе. Кромѣ раздачи хлѣба зерномъ для пріѣзжихъ, у Штурбы ежедневно выпекалась масса хлѣба въ нарочито устроенныхъ на левадѣ большихъ печахъ. Печеный хлѣбъ разрѣзался на порціи и раздавался безчисленнымъ бѣднякамъ. За нѣсколько лѣтъ до голода въ Алексѣевкѣ, былъ большой неурожай въ одной изъ ближайшихъ мѣстностей, населенныхъ великоруссами. На нѣсколькихъ фурахъ они прибыли въ Алексѣевку, чтобы поработать, прокормиться и прокормить лошадокъ. Они были страшны на видъ: зеленые, исхудалые, съ жадностью посматривали на малороссійскія паляницы.—„Берить, добры люды, ижьте!“ говорили имъ добродушные хохлы.

И они ѣли, какъ волки. „А наши дѣтушки-то голодаютъ“, говорили великоруссы.—„Берите и везите своимъ дѣткамъ“, говорили хохлы, наполняя возы голодныхъ людей хлѣбомъ, мукой, пшеномъ, саломъ и другимъ добромъ. Но когда былъ голодъ въ Алексѣевкѣ и хохлики поѣхали за побором къ великороссамъ, то имъ тамъ сказали: „тѣ, что у васъ были за хлѣбомъ, живутъ подальше“.

Ни Штурбѣ, ни его семьѣ никогда не приходило въ голову, что за свою благотворительность онъ могъ бы получить какую-либо награду. Свое благосостояніе онъ считалъ великимъ благомъ Божіимъ и глубоко былъ убѣжденъ, что это посылается не для него одного. Семья Штурбы не смѣла претендовать на его богатство, какъ на свою собственность. Къ Штурбѣ нерѣдко обращались за пособіями его довольно многочисленные

родственники, обучавшіеся въ духовныхъ училищахъ. Мальчуганы изъ училищъ просили прислать имъ сколько-нибудь на бублики, но семинаристы изъ философіи и богословія писали ему витіеватыя письма, напримѣръ: „Любезный братецъ. Вся природа, облекшись нынѣ (весною) въ свою праздничную одежду, торжествуетъ; одинъ я, не имѣя никакой одежды, нахожусь въ скорби и печали...“ Штурба посылалъ рублей пять (смотря по степени родства и положенію учащагося), всегда съ строгимъ внушеніемъ беречь деньги, учиться и знать, что людей „по одеждѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ“. Въ то время симинаристъ на 5 руб. устраивалъ себѣ пару платья изъ хорошей нанковой матеріи и фуражку. Даже могъ нарядиться франтомъ. Штурба разсказывалъ, что въ его время семинаристы о каникулахъ, одѣтые въ длинные халаты изъ крашеннаго холста, ходили по дворамъ и пѣли канты въ такомъ родѣ: „Миръ [1]) Христовъ водворяется въ домахъ вашихъ за молитвами святыхъ отець нашихъ. Аллилуя, аллилуя, аллилуя...“

У Штурбы былъ открытый домъ для всѣхъ пріѣзжающихъ: духовенство, помѣщики, купцы, чиновники—находили у него пріютъ, угощеніе, кормъ для лошадей. Высшіе чиновники сосѣднихъ городовъ Бирюча и Острогожска старались дружиться съ Штурбой, брали у него взаймы деньги безъ отдачи, приглашали въ крестные отцы къ своимъ новорожденнымъ или просто пріѣзжали какъ-нибудь „поживиться“. Говорили, что Штурба имѣетъ милліоны. Да, онъ дѣйствительно имѣлъ бы ихъ, еслибы жилъ сдержаннѣе. Старуха-мать Штурбы, воспитавшая его буквально трудами рукъ своихъ, ужасалась широкому розмаху жизни Штурбы.—„Ой Иване, чимъ ты будешь, стару матирь годуваты, якъ пропьешь и происы усю худобу?“ Отъ дѣтей Штурбы приходилось слышать, что они имѣли бы милліонное состояніе, еслибы отецъ ихъ, тѣша свое хохлацкое самолюбіе не бросалъ денегъ даромъ. Надо сказать, что дѣти Штурбы цивилизовались на особый ладъ: надѣли сюртуки и пиджаки, а

[1]) Народъ этимъ пѣвцамъ далъ названіе „миркунниви“.

дочери вышли замужъ—старшія за священниковъ, а младшія, когда цивилизація двинулась еще болѣе впередъ,—за офицеровъ, уже въ Крыму, куда Штурба переселился со всей своей семьей, выкупившись изъ крѣпостной зависимости отъ графа Шереметева.

Откуда же это необычайное богатство Штурбы?—Какъ чрезвычайно умный, энергичный и неутомимый человѣкъ, Штурба хорошо воспользовался экономическими и торговыми условіями даннаго времени и данной мѣстности. Еще молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ, онъ, по смерти своего отца, началъ торговать въ базарные дни на рогожкѣ гвоздями, винтиками, ножами, замками и другимъ желѣзнымъ товаромъ. Торговля шла бойко, такъ что Штурба вскорѣ открылъ лавку и сталъ ѣздить за подѣлочнымъ товаромъ въ Тулу, а за желѣзомъ не въ дѣлѣ и за солью—въ Царицынъ. Въ приволжскихъ степяхъ онъ познакомился съ условіями степной торговли. Скотъ въ то время покупался у кочевниковъ-калмыковъ очень дешево; пастбища ничего почти не стоили, а между тѣмъ сало, шерсть, овчина и кожи имѣли хорошую даже въ то время цѣну въ Острогожскѣ, Воронежѣ и Москвѣ. Къ тому-жъ и конкуренція была очень слаба.

Интересна была у Штурбы торговля молодыми бычками. Къ Штурбѣ пригоняли ихъ огромными стадами изъ калмыцкихъ степей. На весеннихъ ярмаркахъ: никольской, вознесенской, троицкой и др. прикащики Штурбы раздавали этихъ бычковъ крестьянамъ, съ обязанностью уплатить за нихъ осенью, по уборбѣ хлѣба. Кому и сколько было дано бычковъ—записей никогда не велось. Но не было примѣра, чтобы кто-нибудь, взявши весною бычковъ, не принесъ за нихъ осенью денегъ. Затѣмъ нравы нѣсколько измѣнились: отъ уплаты за бычковъ стали уклоняться. Тогда приказчики стали записывать, кому сколько выдано бычковъ и сколько за нихъ причитается денегъ. Это сначала сдерживало людей легкомысленныхъ, и они, боясь записи, приносили за бычковъ осенью деньги. А затѣмъ и записей перестали бояться. Штурба вынужденъ былъ прекратить эту торговлю. Но красная порода калмыцкаго скота долго дер-

жалась въ той мѣстности, называясь „штурбинской“.—Есть много данныхъ заключать, что переселившіеся изъ-за Днѣпра малороссы были люди высокой честности, строго дисциплинированы и чрезвычайно религіозны. Но съ теченіемъ времени, деморализуясь болѣе и болѣе, потомки этихъ малороссовъ ни въ чемъ не уступаютъ великороссійскимъ кулакамъ и шибаямъ, даже превосходятъ ихъ.

Еще въ началѣ настоящаго столѣтія ѣздить въ калмыцкія степи было не безопасно. Калмыки и сосѣдніе ногайцы сильно пошаливали; но тѣмъ не менѣе, послѣ покоренія Крыма и Предкавказья, они уже не могли собираться большими партіями; шайки же въ 5—6 человѣкъ нерѣдко рыскали по степи. Съ такими шайками отправляемыя Штурбою въ степь для покупки и выпаса скота партіи легко могли справляться: Штурба всегда набиралъ для этого дѣла добрыхъ хлопцевъ, у которыхъ еще несовсѣмъ испарилась козацкая удаль. Обыкновенно снаряжалось нѣсколько повозокъ, запряженныхъ каждая парою лошадей. При каждой повозкѣ былъ такой штатъ: чабанъ (главный руководитель стада), два гайдаря (пастухи), подпасокъ (меньшій пастухъ), кошеваръ, онъ же кучеръ, и приказчикъ. При каждой же повозкѣ шло нѣсколько собакъ—овчарокъ. Люди были вооружены винтовками; въ повозкѣ находились, на всякій случай, копья, а при боку у каждаго хлопца—длинные ножи, отточенные настолько, что ими брили бороды и, по малороссійскому обычаю, подбривалы головы, „щобъ кузька не заводылась“.—„Дюже хорошъ ты человѣкъ, Иванъ Степановичъ! говорили, бывало, Штурбѣ царицынскіе купцы, да твои молодцы, кажись, плохіе-то люди. Какой они у тебя вѣры [1])? Не токмя что бороду, да и голову-то брѣютъ“.

Штурба отправлялъ въ орду нѣсколько десятковъ повозокъ; имъ назначены были въ извѣстныхъ улусахъ стоянки, а самъ Штурба съ нѣсколькими приказчиками выбиралъ центральную мѣстность. Всѣ знали, гдѣ стоитъ самъ Штурба съ своимъ та-

[1]) Подъ словомъ „вѣра“ простой народъ и донынѣ разумѣетъ весь нравственный и физическій обликъ индивидуума. У одного разсказчика спросили: какой вѣры татары?—„Плохая ихъ вѣра, отвѣчалъ онъ, лошаденину (т. е. конину) ѣдятъ.

боромъ, отдѣльные приказчики отправлялись къ Штурбѣ за приказаніями, за деньгами и со всякими рапортами. Если случалось при какой-либо повозкѣ несчастіе, Штурба немедленно узнавалъ объ этомъ и принималъ мѣры. Во время похожденій или скорѣе походовъ Штурбы въ орду нерѣдко происходили довольно характерные для тогдашняго времени эпизоды, которые я постараюсь разсказать въ томъ видѣ, какъ ихъ мнѣ приходилось слышать.

Свои отряды Штурба отправлялъ раннею весной, въ первой половинѣ марта, направляя ихъ къ Царицыну. Противъ Царицына они переправлялись черезъ рѣку Донъ и шли къ этому городу. Здѣсь они ожидали, пока степныя рѣчки войдутъ въ свои берега, такъ какъ въ то время въ степи не полагалось ни переправъ, ни перевозовъ. Таборы останавливались на берегу р. Волги, а тѣмъ временемъ Штурба покупалъ нужное желѣзо для своей лавки и отправлялъ его на чумакахъ. Горожане-великороссы приходили смотрѣть на чудныхъ для нихъ людей изъ табора Штурбы. Еслибы не благоразумный Штурба и его предусмотрительность, то не обошлось бы безъ дракъ. Какъ только появлялся на лугахъ кислый щавель и другая съѣдобная трава, хлопцы собирали ее и варили борщъ. Для великороссовъ и это было странно: „о проклятые хохлищи! зелень-то жрутъ; а у насъ капустка-то въ погребахъ двухгодовала, трехгодовала, какъ жолтокъ.

Предъ какими-то весенними праздниками Штурба для продовольства своихъ хлопцевъ купилъ молодого степного быка; собрались его рѣзать. Но никакъ не повалять сильную степную скотину. Слова „бисъ и чортяка“ сыпались градомъ. Для великороссовъ показалось страннымъ, что предназначенную на пищу скотину бранятъ бѣсомъ, чертякой и другими недобрыми словами. „О проклятые хохлищи, да вы бы съ молитовкой!“ Въ обозѣ Штурбы нерѣдко находился извѣстный даже изъ записокъ А. В. Никитенка [1]) силачъ Журба. Полагая, что кацапы бранятъ хлопцевъ за неумѣнье справиться съ быкомъ, Жур-

[1]) Русск. Стар. за 1888 г.

ба взялъ его за рога: „о, мы ще й не такихъ чортивъ крутылы!“ и съ этими словами такъ повернулъ быка за рога, что онъ упалъ на землю.—„Во, хохлище-то проклятой!“ завопили горожане и стали ходить смотрѣть на Журбу.

Остановимся нѣсколько на Журбѣ. Говорятъ, что это былъ человѣкъ необыкновеннаго роста, силы и красоты. Впослѣдствіи отъ пьянства Журба обрюзгъ. Въ молодости онъ сдѣлался извѣстенъ графу Шереметеву и былъ взятъ къ его двору. Когда къ графу собирались знакомые, Журба потѣшалъ ихъ своею силою, напр.—вытягивалъ горизонтально руки; на нихъ садились верхомъ молодые офицеры-шалуны, человѣка по два-три на каждой, и Журба носилъ ихъ свободно, не згибая рукъ. Журбу засыпали деньгами, а онъ неудержимо сталъ пить, за что его отослали на родину, и здѣсь Журба для пропитанія нанимался въ рабочіе. О необычной силѣ и здоровьѣ Журбы передавали слѣдующіе факты. Въ погребѣ Штурбы стояли бочки съ наливкой; одна изъ нихъ потекла, и вотъ хозяева, чтобы спасти напитокъ, подставили большой мѣдный тазъ, въ который, чуть не до краевъ наполненный наливкой, упала лягушка. Чистоплотные малороссы хотѣли-было вылить на землю оскверненную по ихъ мнѣнію наливку. Но Журба выбросилъ лягушку и въ два пріема выпилъ чуть не полведра наливки. Журба, чтобы показать свою силу, бралъ пустую сорокаведерную бочку за воронку (отверстіе среди бочки, въ которое вливаютъ жидкость), и, на глазахъ толпы изумленныхъ зрителей, перебрасывалъ бочку черезъ сарай, какъ мячикъ. Вотъ такими-то и подобными молодцами окружалъ себя Штурба, отправляясь въ орду.

Въ степи нерѣдко бывали съ таборами Штурбы случаи весьма серьезные. Одинъ разъ, когда таборъ Штурбы спалъ крѣпкимъ сномъ, за исключеніемъ сторожевыхъ, не вдалекѣ раздались выстрѣлы. Всѣ проснулись, взялись за винтовки и приготовили для обороны ручное оружіе; затѣмъ, не далѣе какъ въ верстѣ, кто-то сталъ разводить огонь, и послышались ужасные вопли истязуемаго человѣка. Штурба съ хлопцами отправился на крикъ и увидѣлъ страшную сцену: человѣкъ пять русскихъ, повидимому купцовъ, развели близъ своей повозки костеръ и,

имѣя трехъ связанныхъ калмыковъ, одного изъ нихъ поджаривали на медленномъ огнѣ, а остальные два томились въ ожиданіи своей очереди. Оказалось, что калмыки давно слѣдили за этими, по ихъ мнѣнію, купцами, и когда тѣ остановились на ночлегъ, калмыки сдѣлали на нихъ нападеніе. Но купцы видѣли намѣреніе калмыковъ и, подпустивъ ихъ на приличную дистанцію, встрѣтили залпомъ изъ ружей. На мѣстѣ осталось три калмыка: у двухъ были убиты лошади, а третій былъ самъ раненъ и свалился съ коня. Купцы рѣшили порядочно поджарить своихъ плѣнниковъ, для остраски другимъ калмыкамъ. Штурба освободилъ калмыковъ. А купцы оказались бѣглыми солдатами, грабившими въ степи неосторожныхъ.

Въ таборѣ Штурбы была большая дисциплина. Никто изъ хлопцевъ не смѣлъ обижать калмыковъ, особенно калмычекъ. Калмыки—по религіи буддисты—неодобрительно относились къ убиванію всякихъ животныхъ, за исключеніемъ хищныхъ, и къ разоренію птичьихъ гнѣздъ. И это было воспрещено хлопцамъ, большимъ охотникамъ заправлять степную кашу яйцами куликовъ, степныхъ чаекъ и дикихъ утокъ, стрепетовъ и дрохвъ. Много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть въ калмыцкой степи. Онѣ и тогда еще изобиловали всякой дичью, особенно пернатой; и тогда еще калмыки охраняли обитателей степей отъ разоренія ихъ пришельцами. Если какой нибудь бродячій кулакъ, вымѣнивающій у калмыка цѣлую телячью шкуру на грошовую пачку табаку, начнетъ рыскать по низменнымъ мѣстамъ, съ цѣлію собиранія яицъ, всѣ безчисленные пернатые обитатели той мѣстности поднимали оглушительный крикъ: степной куликъ на далекое пространство оглашалъ степь своимъ жалобнымъ, берущимъ за душу стономъ; чайки, извиваясь надъ головою хищника, неистовымъ крикомъ какъ бы призывали кого-то на помощь. Дѣйствительно, съ какой-либо стороны во весь карьеръ скакалъ такой же сынъ степи, какъ и остальные ея обитатели, калмыкъ и, сердито потрясая нагайкой, кричалъ: „Урусъ, не можно такъ, видишъ, матка плачетъ; Богъ бить будетъ“. Такой же птичій крикъ подымался обыкновенно при появленіи волка или лисицы; калмыкамъ этотъ крикъ хорошо извѣстенъ;

между ними были всегда лихіе наѣздники, догоняющіе волка или лисицу и убивавшіе ихъ своими тяжелыми нагайками.

Случалось, что хлопцы Штурбы оказывали калмыкамъ услуги и притомъ весьма существенныя. У калмыковъ было развито своего рода наѣздничество—угонъ лошадей цѣлыми табунами. Нѣсколько удальцовъ, высмотрѣвъ хорошенько облюбованный ими табунъ, ночью засядутъ гдѣ-нибудь въ балкахъ, а къ утру, предъ разсвѣтомъ, совершаютъ свой отчаянный подвигъ. Послѣ полуночи, къ утру, бываетъ такой моментъ, когда все живое засыпаетъ. Спятъ въ это время и лошади, но сонъ ихъ такъ чутокъ и тревоженъ, что достаточно какого-нибудь малѣйшаго шелеста, чтобы табунъ вздрогнулъ и побѣжалъ туда, куда бѣжитъ передняя лошадь. Наѣздники выжидаютъ именно такого момента и тогда окружаютъ табунъ; задній неистово гикнетъ, иногда даетъ выстрѣлъ; табунъ вздрагиваетъ и несется за переднимъ воромъ, который собственно и ведетъ табунъ, куда ему нужно. Остальные управляются съ табунщиками, которые въ такихъ случаяхъ скрывались въ виду неравной силы и внезапнаго нападенія. Не разъ проносились такіе табуны мимо таборовъ Штурбы; но старикъ не рекомендовалъ своимъ хлопцамъ вмѣшиваться въ такого рода дѣла, изъ нежеланія мести воровъ. Но бывали случаи, что хлопцы, увлекаемые козацкою удалью, отбивали у воровъ табуны, а Штурба торжественно возвращалъ ихъ хозяевамъ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи одинъ изъ сыновей Штурбы. Хорошо стрѣляя изъ винтовки, онъ старался ранить лошадь передняго вожака; дѣло въ такихъ случаяхъ совершенно разстраивалось: табунъ путался, воры робѣли и старались только вырѣзать тавро подстрѣленной лошади, чтобы по немъ нельзя было дослѣдить, какого племени и улуса воры. Это еще подымало престижъ Штурбы въ глазахъ всего калмыцкаго племени.

По разсказамъ Штурбы и участниковъ его экспедицій, между калмыками были очень богатые люди. При обширныхъ, казавшихся безконечными въ то время, степяхъ болѣе сметливые и энергичные калмыки заводили огромныя стада. Нѣкоторые калмыки имѣли около десяти тысячъ головъ лошадей и де-

сяти тысячъ скота рогатаго и овецъ. Не смотря на дешевизну въ то время всякаго скота, калмыки наживали огромныя деньги. Хранили они свои сокровища довольно искусно, хотя никакихъ сундуковъ, несгораемыхъ кассъ и т. д. у нихъ не было. Содравъ цѣликомъ шкуру съ ноги палой лошади, калмыкъ набивалъ ее золотомъ или серебромъ и закапывалъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Но русскія власти, въ роли попечителей калмыцкаго народа, хорошо знали, кто изъ калмыковъ имѣетъ деньги, и умѣли заставить калмыка раскошелиться.—Часто попадались въ степи тѣла убитыхъ бродягъ, а иногда и честныхъ людей. Ничего не стоило посадить въ тюрьму того или другого калмыка по подозрѣнію въ убійствѣ. Если такія выходки и теперь случаются, то что-же было въ то время, когда слѣдствіе, судъ и расправа были въ лицѣ одного человѣка? Разсказывали, что одинъ почтеннѣйшій калмыкъ, по подозрѣнію въ какомъ-то убійствѣ, просидѣлъ въ тюрьмѣ два года. Человѣкъ этотъ по своимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть убійцей; это всѣ знали, но знали также, что у него много денегъ. Заплатилъ ли этотъ калмыкъ хорошо, или не было достаточно уликъ,—но его выпустили на свободу изъ тюрьмы. Онъ всегда съ особенной любовью поджидалъ Штурбу. Вмѣстѣ они выпивали. Старый, богатый и почтенный калмыкъ рыдалъ, вспоминая свою неволю и свой позоръ въ тюрьмѣ. Очевидно, что въ тюрьмѣ надъ нимъ глумились и заставляли даже изъ другихъ камеръ таскать такъ называемыя параши. Калмыкъ сочинилъ на этотъ счетъ пѣсню, пѣлъ ее со слезами и особенно рыдалъ, когда произносилъ заключительныя слова своей пѣсни; въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ самимъ авторомъ пѣсни, слова эти были: „руска с...тъ, моя г...о тащи".—Говорятъ, что теперь калмыки стѣснены въ пользованіи степями и сильно обѣднѣли.

Въ общемъ строѣ торгово-промышленныхъ предпріятій Штурбы и въ успѣшномъ осуществленіи его замысловъ весьма важное значеніе принадлежало охранителямъ стадъ, и потому рѣшаюсь сказать еще нѣсколько словъ о малороссахъ-чабанахъ и гайдарахъ.

Слободскіе украинцы очень любили степь; они любили поселяться на хуторахъ, на пасѣкахъ, любили ухаживать за стадами скота въ степи, любили, наконецъ, чумачество, лишь бы только любимое ими лѣто (святе литечко) провести въ степи. За то они были большіе знатоки природы. Какое, повидимому, простое дѣло—хорошо выпасти въ теченіе лѣта купеческое стадо и, взявъ его весною, привести осенью къ хозяину безъ утраты, сытое, здоровое! А между тѣмъ для этого надо много опытныхъ знаній, энергіи, любви къ природѣ и къ животному. Опытный чабанъ не допуститъ волка къ стаду; онъ не дастъ развиться болѣзни въ стадѣ, сумѣетъ подобрать пастбища такъ, чтобы ко времени полуденнаго жара овцы были уже накормлены и напоены, спокойно, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, выжидая прохлады; не всякую воду онъ дастъ пить овцамъ и не на всякое пастбище онъ погонитъ ихъ. Бываютъ такія мѣста и такія времена, когда чабанъ не пуститъ свое стадо на пастьбу до тѣхъ поръ, пока не спадетъ роса; бываетъ роса, настолько вредная, что у овецъ сейчасъ-же пойдутъ нарывы на копытахъ; а всякая болѣзнь сильно задерживаетъ нагулъ скота. Съ рогатымъ скотомъ еще хуже; на него нападаютъ болѣзни и отъ недостатка воды, и отъ дурнаго ея качества. Въ степи, въ жаркое время года, скотъ негдѣ напоить въ теченіе иногда нѣсколькихъ дней. Но вотъ безводное пространство кончается; вдали виднѣется рѣка. Это самый опасный моментъ: рогатый скотъ, не слушая своего пастуха, со всѣхъ ногъ бросается и летитъ къ водѣ. Неопытный чабанъ никогда не удержитъ въ такихъ случаяхъ стада; скотъ напивается воды больше, чѣмъ нужно, и множество его въ такихъ случаяхъ гибнетъ тамъ-же на мѣстѣ. Иногда во время ночной стоянки находитъ сильная туча съ грозой. Рогатый скотъ этого боится и разбѣгается въ стороны, такъ что на утро не досчитаются доброй половины быковъ, разбѣжавшихся по степи. Хорошій чабанъ во время ночной грозы идетъ къ стаду быковъ; громкимъ голосомъ даетъ знать, что онъ съ ними; ободряетъ ихъ, говоритъ съ ними... скотъ трясется отъ испуга, но, покорный голосу своего чабана, стоитъ на одномъ мѣстѣ. При переправѣ черезъ рѣку

у неопытнаго вожака скотъ можетъ заволноваться на самой срединѣ рѣки: одни будутъ плыть впередъ, другіе назадъ; третьи будутъ кружиться на одномъ мѣстѣ, начнутъ топить другъ друга... и можетъ погибнуть все стадо. Но ничто не страшно для опытнаго вожака. Хорошій чабанъ пріучаетъ къ себѣ скотъ въ теченіе лѣта, онъ говоритъ со скотомъ, командуетъ имъ... и скотъ его слушаетъ лучше, чѣмъ солдаты командира. Когда жаждущее стадо увидитъ вдали воду, хорошій чабанъ крикомъ своимъ и командой удержитъ его въ порядкѣ. Былъ въ Слободской-Украйнѣ извѣстный чабанъ Маркъ Антоновичъ Лобко. Онъ шелъ къ водѣ всегда впереди своего стада и командой удерживалъ скотъ въ порядкѣ. Пригнавъ скотъ къ рѣкѣ, Лобко предварительно напьется воды самъ, помочитъ голову и лицо, дастъ немного хлебнуть скоту и отгоняетъ его назадъ; чрезъ нѣсколько времени опять и опять продѣлываетъ тоже самое. Такъ что онъ выпоитъ свой скотъ постепенно. Но это можетъ сдѣлать только тотъ, кто любитъ скотъ, кто говоритъ съ нимъ, кто имъ командуетъ, кто знаетъ хорошо натуру каждаго животнаго, находящагося въ его стадѣ. Въ каждомъ стадѣ есть вожаки, которые всегда идутъ впереди стада и особенно послушны голосу своего пастуха. При прогонѣ скота вплавь черезъ рѣки, Лобко всегда впереди своего скота на лодкѣ; вожаки идутъ за нимъ; онъ зоветъ ихъ громкимъ голосомъ; за вожаками стройно плыветъ стадо и благополучно переплываетъ такія рѣки, какъ Донъ, Хоперъ, Медвѣдца... У такихъ чабановъ, какъ Марко Лобко, скотъ всегда жирнѣе, даетъ болѣе мяса и сала; наконецъ и кожи такого скота лучше и цѣннѣе. Такими чабанами купцы-скотопромышленники сильно дорожили. Въ Слободскую Украйну пріѣзжали за ними купцы даже изъ отдаленныхъ губерній—Тамбовской, Тульской и Московской; овцеводы Херсонской и Таврической губ. имѣли чабановъ изъ Украйны... Удивительно, что великороссъ не годился для такого дѣла; его живой и общительный характеръ не выдержитъ въ теченіе цѣлаго лѣта скуки одиночества въ степи съ овцами или рогатымъ скотомъ.

Осенью на салотопенномъ заводѣ Штурбы давали окончательную оцѣнку чабанамъ, и они получали награду или порицаніе. Завѣдующій заводомъ докладывалъ, что стадо такого-то чабана дало хорошій нагулъ сала и мяса, такой-то чабанъ далъ вполовину менѣе. Добрый пастырь сіялъ отъ восторга. Его угощали водкой, дарили ему для жены большую красную шаль, которою перевязывали его съ праваго плеча на лѣвое и подпоясывали его краснымъ поясомъ. Въ такомъ видѣ чабанъ гулялъ по слободѣ цѣлый день, и восторгамъ не было конца. Нерадивый чабанъ подвергался ужаснымъ насмѣшкамъ; вмѣсто шали, его перевяжутъ кишками тощихъ овецъ его стада, подпояшутъ тѣми-же кишками и вышлютъ на улицу.

Таковъ въ краткихъ чертахъ былъ ходъ торговой дѣятельности Штурбы. Здѣсь я лишь бѣгло намѣтилъ обстоятельства; сопровождавшія эту дѣятельность. Ну уже изъ краткаго изложенія вырисовываются тѣ особенныя экономическія условія, которыя представляли обильный источникъ обогащенія. Какъ сказано выше, Штурба ежегодно отправлялъ въ орду нѣсколько десятковъ повозокъ. Каждая повозка собирала около 2,000 овецъ, которыхъ затѣмъ, выпасши хорошенько на вольныхъ пастбищахъ, отправляли по направленію къ дому. Въ первыхъ числахъ сентября отары (стада) уже поступали на салотопенный заводъ въ Алексѣевкѣ. Барыши отъ такихъ операцій были огромные. Въ то время калмыцкая крупная овца, на теперешнія деньги, стоила около . . . . . 75 коп.
Расходъ на все лѣто за овцу не превышалъ . . 25 коп.

Итого . 1 руб.

Изъ калмыцкой овцы выручалось:

овчина . . . 75 коп.
мясо . . . 60 „
сала около . 2 р.

Итого 3 р. 35 к.

Значитъ, одна овца давала чистаго дохода болѣе 2-хъ руб. А такъ какъ овецъ убивалось ежегодно около 50,000 шт., то значитъ на однихъ овцахъ Штурба получалъ не менѣе 100,000

руб. въ годъ чистаго барыша. Кромѣ того, на заводѣ Штурбы убивалось до десяти тысячъ рогатаго скота, да желѣзная и соляная торговля... такъ что знающіе люди вѣрно опредѣляли ежегодную прибыль Штурбы около 200,000 руб. въ годъ. Приблизительно такую же торговлю вели Острогожскіе купцы Нечаи (впослѣдствіи Нечаевы); они нажили милліоны, дѣтей вывели въ дворяне и во второмъ и въ третьемъ поколѣніи владѣли большими населенными имѣніями.—Догадывались и другіе купцы о выгодности такой торговли, но они не могли организовать дѣла такъ, какъ его организовалъ Штурба. Иногда приходилось отражать нападенія кочевниковъ перестрѣлкой. Случалось находить въ степи зарѣзанныхъ купцовъ, рискнувшихъ вдвоемъ-втроемъ безъ исправнаго вооруженія углубиться въ степь... Но вскорѣ правительство уняло калмыковъ и ногайцевъ; степь сдѣлалась болѣе безопасною; туда пустилось множество купцовъ царицынскихъ, астраханскихъ и другихъ. Конкуренція сдѣлала свое дѣло; торговля калмыцкимъ скотомъ вскорѣ потеряла свою прежнюю прибыльность.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія сыновья Штурбы начали настаивать, чтобы онъ выкупился изъ крѣпостной зависимости отъ графа Шереметева. А это дѣло было не легкое; про милліоны Штурбы молва прошла далеко; въ дѣйствительности же милліоновъ этихъ уже не было. Кое-какъ, съ превеликими хлопотами и затрудненіями добились увольненія отъ крѣпостной зависимости. Переѣхали въ Крымъ, выстроили домъ; купили мореходныя суда, завели виноградные сады, такъ что отъ капитала уже ничего не осталось, и молодежь занялась въ разныхъ мѣстахъ Крыма и Кавказа хлѣбной торговлей при помощи уже кредита, который широко былъ открытъ имъ, какъ солиднымъ и честнымъ людямъ, заграничными хлѣбными конторами. А затѣмъ всѣ они превратились въ почетныхъ потомственныхъ гражданъ и стали писаться Штурбинъ, а не Штурба. Сохранилъ свою родовую фамилію безъ всякихъ добавокъ и осложненій лишь старый Штурба. Еще и теперь въ Алексѣевкѣ глубокіе старики разсказываютъ о баснословныхъ богатствахъ Штурбы и объ его широкой благотворительности. Но сами Алек-

сѣвцы, подъ вліяніемъ времени и нивеллирующей всѣ этнографическія особенности цивилизаціи, давно уже потеряли свой малороссійско-козачій обликъ.

Теперь всему этому дѣлу конецъ! Степи распаханы, скотъ отправляютъ по желѣзнымъ дорогамъ. Чумачество уничтожено; пасѣки погибли; на хуторахъ нечего дѣлать. Отошла въ вѣчность милая старина. Напрасно ищетъ малороссъ для себя другой Украины. Онъ не найдетъ ея ни въ Заволжскихъ сухихъ степяхъ, ни въ Семирѣчьи, ни въ Сибири, ни даже на Кавказѣ. Приходится измѣнить свои нравы, обычаи и привычки согласно настоящимъ экономическимъ и культурнымъ условіямъ и передѣлать свой обликъ. Да онъ уже и передѣлался.... Но, тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ намъ любить нашу родную старину.

СКИТАЛЬЧЕСКАЯ СУДЬБА ВОЛЫНСКОЙ СЕМИНАРІИ.

(1796—1896 г.г.)

Въ настоящемъ году одному изъ заброшенныхъ городовъ Волыни—Кременцу—выпадаетъ на долю отпраздновать рѣдкій юбилей: столѣтіе Волынской духовной семинаріи. Предлагаемый очеркъ имѣетъ задачей отмѣтить главные моменты не совсѣмъ заурядной жизни этой школы.

I.

Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, русское правительство приступило къ систематической работѣ для упорядоченія дѣлъ въ западно-русскихъ областяхъ. Дѣла церковныя вызвали особую заботливость правительства, и это вполнѣ понятно, если вспомнить печальныя судьбы православной западно-русской церкви въ эпоху Рѣчи Посполитой. Въ первую же очередь былъ поставленъ вопросъ о средствахъ образованія для западно-русскаго духовенства. Это былъ вопросъ первостепенной важности, потому что, напр., духовенству Волыни приходилось доселѣ учиться, гдѣ попало: то въ свѣтскихъ новѣтовыхъ школахъ, то въ базиліанскихъ монастырскихъ, то въ уніатскихъ семинаріяхъ (Жидичинской, Почаевской или Жировицкой), а это было не удобно, да и для многихъ недоступно. Поэтому, одновременно съ учрежденіемъ епископской каѳедры на Волыни (собственно—волынскаго викаріатства при минской архіепископіи),

Св. Синодомъ изданъ былъ указъ (12 іюля 1795 г.) объ учрежденіи въ г. Острогѣ епаршеской семинаріи. Цѣлый годъ, однако, указъ пролежалъ безъ исполненія, вѣроятно, по трудности набора воспитанниковъ. Самое открытіе семинаріи произошло какъ-то незамѣтно, втихомолку. Въ августѣ 1796 г. въ Житомірѣ еще не имѣли никакихъ свѣдѣній о новооткрытой семинаріи, и вице-губернаторъ волынскій приказалъ житомірскому городничему забрать точныя справки—„существуетъ ли Острогское училище, и гдѣ именно, какому числу учащихся преподаются науки". Городничій отвѣтилъ, что семинарія въ Острогѣ открыта 14 мая 1796, и классовъ въ ней четыре: риторическій, піитическій и два грамматическихъ [1]). Новооткрытая семинарія помѣщена была въ величественныхъ зданіяхъ Острожскаго Преображенскаго монастыря, построенныхъ еще въ 1-й половинѣ XVII ст. Анной Алоизой княжной Острожской для іезуитскаго коллегіума, потомъ перешедшихъ въ руки уніатовъ и, наконецъ, переданныхъ православнымъ. Зданія эти были настолько обширны (іезуиты, какъ извѣстно, умѣли основательно строиться и обзаводиться), что, кромѣ семинаріи, могли вмѣщать духовную консисторію и резиденцію архіерея съ его штатомъ. Семинаріи осталась въ наслѣдство отъ іезуитовъ также богатая библіотека.

Открытіе семинаріи встрѣчено было духовенствомъ Волыни безъ особаго сочувствія, скорѣе—съ затаеннымъ недоброжелательствомъ. Яснымъ становилось, что для полученія прихода теперь придется предварительно совершить тернистый и не такъ короткій („ars longa"...) путь ученія. Учениковъ приходилось набирать съ трудомъ. Благочиннымъ предписанно было представить дѣтей духовнаго званія въ г. Острогъ, при чемъ предусмотрительное начальство заблаговременно распорядилось подвергать наказаніямъ и даже лишать приходовъ тѣхъ священниковъ и причетниковъ, которые отказались бы добровольно доставить своихъ дѣтей для вкушенія науки. Но и это не помо-

[1]) Любопытно, что это отношеніе городничаго остается теперь единственнымъ документомъ, гдѣ сохранена точная дата открытія семинаріи. Семинарскій архивъ потерпѣлъ значительный и трудно-вознаградимый ущербъ во время послѣдующихъ злоключеній семинаріи.

гало. Была изобрѣтена даже особаго рода уловка, посредствомъ которой иные пытались избѣжать этой повинности: такъ, великовозрастныя „дѣти“ спасались отъ поступленія въ семинарію женитьбой, что̀ давало нѣкоторое право просить о приходѣ и безъ образованія. Для полноты картины необходимо прибавить, что духовное начальство принуждено было прибѣгнуть къ содѣйствію даже земской полиціи, и бывали случаи, что дѣтей доставляли насильно въ школу (словно преступниковъ въ тюрьму).

Кое-какъ, съ грѣхомъ и бѣдой пополамъ, удалось собрать 119 челов. разнаго возраста (отъ 8 до 21 года). Конечно, ни о какой системѣ на первыхъ порахъ нельзя было и думать, имѣя предъ собой до такой степени разношерстный составъ чающихъ науки. Прошло не мало времени, пока семинарія получила хотя нѣсколько благоустроенный видъ. Учились по году по два и даже по три въ одномъ классѣ—смотря, кто какъ успѣвалъ. Учителей сперва было только три. Полный комплектъ классовъ выработался только къ 1798 г. Семинарія совмѣщала въ себѣ и духовное училище, такъ какъ только въ 1817 г. низшія отдѣленія были выдѣлены изъ ея состава. Преподаваніе шло на обычномъ въ тоглашнихъ духовныхъ школахъ языкѣ—латинскомъ. Любопытно, что въ число предметовъ преподаванія входило „рисовальное искусство“ (при чемъ ему обучалъ діаконъ) и „врачебная наука“, учителемъ которой былъ штабъ-лѣкарь. Особенность семинаріи состояла въ томъ, что при ней была такъ назыв. „Русская школа“ (т. е. съ преподаваніемъ на русскомъ, а не латинскомъ языкѣ), учрежденіе которой вызвано было насущными нуждами епархіи. Дѣло въ томъ, что съ обращеніемъ уніатовъ въ православіе открылось много приходовъ, для замѣщенія которыхъ еще не откуда было взять подходящихъ кандидатовъ. И вотъ, чтобы хоть сколько-нибудь подготовить дѣтей духовенства къ пастырству, епархіальное начальство открыло въ 1798 г. при семинаріи Русскую школу, гдѣ бы въ скорѣйшее время приготовлялись кандидаты священства. Случались (и очень нерѣдко) такіе курьезы: учится-учится малый въ семинаріи, дойдетъ уже до риторики, но, на-

скучивъ тяжелымъ путемъ науки, которой и конца не предвидится, возвращается съ Божьяго соизволенія вспять: поступаетъ въ Русскую школу и черезъ годикъ-другой получаетъ вожделѣнный приходъ.

Бытъ питомцевъ семинаріи скудно былъ обезпеченъ и представлялъ собой сплошную цѣпь невзгодъ и лишеній. Тогдашней бурсѣ жилось тяжело: голодъ, холодъ и бѣдность были неразлучными спутниками жизни учениковъ отъ вступленія на порогъ школы до того момента, когда, по выходѣ изъ нея, они группами отправлялись въ поиски приходовъ и невѣстъ. На провизію для казеннокоштныхъ учениковъ отпускалась ничтожная сумма—650 р. въ годъ, на одежду—430 р., а между тѣмъ казеннымъ коштомъ пользовалось до полутораста человѣкъ. Спрашивается, какъ можно было прокормить такую массу молодыхъ желудковъ на эти крохи! Удивительнѣе всего, какъ и при этомъ ничтожномъ бюджетѣ семинарскіе комиссары ухитрялись набивать себѣ карманы на счетъ воспитанниковъ; а между тѣмъ это практиковалось и даже открыто, такъ что архіерей выгналъ одного комиссара за то, что тотъ присвоилъ себѣ 10 возовъ казенныхъ дровъ и кормилъ бурсацкимъ хлѣбомъ своихъ свиней. Семинарское начальство всякими мѣрами пыталось ослабить хроническую голодовку, на которую обречено было столько молодыхъ силъ: то требовало отъ болѣе достаточныхъ (лучше сказать менѣе бѣдныхъ) родителей доставлять кое-какую провизію, хоть мѣшокъ муки, полкорца крупъ и сколько можно сала; то пробовало привлечь монастырь къ пожертвованіямъ; то само, тронувшись несчастнымъ видомъ полуголодной молодежи, отпускало изъ запасовъ архіерейскаго дома „безвозвратно навсегда“ разной муки, крупъ, сала, или лакомство вродѣ „кабановъ убитыхъ два и корову убитую съ кожею и потрухами одну“.

Одинъ разъ тогдашній епископъ Варлаамъ пробовалъ убить зло, такъ сказать, въ корнѣ: думая, что родители семинаристовъ несутъ большія издержки на перевозъ дѣтей во время рождественскихъ и пасхальныхъ каникулъ, онъ распорядился отпускать учениковъ только разъ въ годъ—лѣтомъ; такимъ

образомъ онъ думалъ сберечь въ карманахъ родителей нѣсколько грошей, надѣясь, что они дадутъ возможность отцамъ улучшить бытъ своихъ дѣтей. И что же? Эта мѣра раскрыла только во всей своей наготѣ то зло, которое тяготѣло надъ нашей духовной школой даже до недавняго прошлаго въ видѣ какого-то рока. Оказалось, что требованіе епископа постоянно нарушалось, и въ объясненіи префектъ семинаріи доносилъ, что „многіе священники не присылаютъ дѣтямъ своимъ харчей, и потому дѣти, не имѣя чѣмъ кормиться, убѣгаютъ тайно". Здѣсь невольно вспоминается нарисованный Помяловскимъ типъ бурсака—голоднаго, жаднаго и вслѣдствіе этого озлобленнаго; и сколько правды въ разсказѣ Гоголя объ общихъ походахъ бурсы подъ предводительствомъ отважнаго философа для истребленія чужихъ огородовъ, послѣ чего въ столовой неожиданно появлялась каша изъ тыквъ!

Одѣвали учениковъ такъ-же бѣдно, какъ и кормили. Казеннокоштному ученику давали два сюртука—лѣтній и зимній (почему-то съ мѣдными пуговицами), холстяной халатъ для ношенія въ внѣклассное время, по три штуки бѣлья и шубу нагольную овчинную. При этомъ руководились правиломъ порѣже выдавать одежу, такъ что при новой выдачѣ одежа казеннокоштнаго воспитанника представляла чуть ли не лохмотья. Вообще печальна была обстановка, среди которой проходили лучшіе годы будущихъ пастырей народа. Лишь съ 1817 г., когда стали отпускать по 7 тыс. рубл. на продовольствіе казенныхъ учениковъ, получилась возможность сдѣлать школьную жизнь болѣе сносною.

II.

Самымъ выдающимся событіемъ въ острожскій періодъ жизни Волынской семинаріи было путешествіе ея въ 1812 г. въ полтавскую губ. Наполеоново нашествіе особенно тяжело отразилось на Волынской губ. въ силу пограничнаго положенія. Для русскаго населенія Волыни тягости военнаго времени увеличились еще и потому, что сильно дала себя почувствовать

тогда вражда польскихъ помѣщиковъ къ духовенству и народу. Сочувствіе поляковъ явно было на сторонѣ французской арміи и ея великаго предводителя. Произошло не мало кровавыхъ домашнихъ стычекъ между русскими и поляками. Въ скоромъ времени для русскихъ выяснилась печальная необходимость—бѣжать, куда глаза глядятъ, и это дѣлали не единицы только, а и цѣлыя корпораціи, напр.—братія Корецкаго монастыря, исчезнувшая вдругъ изъ Волыни и скрывавшаяся въ предѣлахъ Молдавіи, пока гроза не утихла.

При такихъ обстоятельствахъ не мало заботы доставилъ епархіальному начальству вопросъ, куда дѣвать семинарію въ трудную годину бѣдствій. Въ первое время, пока приносились лишь отдаленные раскаты надвигавшейся грозы, тогдашній епископъ Даніилъ всячески старался успокоить мятущееся словесное стадо, издавая одно за другимъ распоряженія, имѣвшія цѣлью утишить общую панику. Но въ августѣ 1812 г. стала извѣстной воля императора Александра I объ удаленіи семинаріи на время въ какой-нибудь безопасный городъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ (медлить нельзя было) избрали для этой цѣли городъ Полтаву, куда и рѣшено было перевезти семинарію со всѣмъ скарбомъ.

Нужно замѣтить, что когда созрѣло это рѣшеніе, каникулы еще не окончились, и семинаристовъ въ Острогѣ не было. Поэтому картина передвиженія семинаріи теряетъ часть той внушительности, которая представляется при первой мысли объ этомъ грандіозномъ путешествіи. Отъ Острога до Полтавы 700 верстъ—путь не малый. Путникамъ вручено было предписаніе, по которому они имѣли право требовать 50 подводъ въ назначенныхъ по маршруту мѣстахъ. 22 августа обозъ изъ 62 подводъ, нагруженныхъ семинарскимъ и консисторскимъ архивомъ, библіотекой и всѣмъ скарбомъ, а также семействами и имуществомъ учащихъ, тронулся въ путь. Отправилось всего 21 чел. начальствующихъ и учащихъ. Что-же касается воспитанниковъ, то епархіальное начальство дало распоряженіе духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ всѣхъ студентовъ и учениковъ „*выслать* въ г. Полтаву заразъ (сейчасъ) при паспортахъ

изъ духовныхъ правленій".. Некогда было вникнуть предварительно, какъ это сдѣлать (пѣшихъ, что ли, выслать?), не до того было.

Въ настоящее время можно лишь пожалѣть о томъ, что ни одинъ изъ путешествовавшихъ учителей не велъ дневника, не оставилъ своихъ записокъ, въ которыхъ изображалась бы картина этого любопытнаго переселенія корпораціи „въ страну далече". А что это путешествіе изобиловало эпизодами, въ которыхъ отъ смѣшнаго до великаго—только одинъ шагъ,—объ этомъ можно судить по оффиціальнымъ рапортамъ; въ нихъ сквозь дѣловую сухость языка то и дѣло проскальзываютъ картинныя фразы, рисуются сцены, показывающія, что это путешествіе было непрерывною цѣпью приключеній, иногда курьезныхъ, иногда траги-комическихъ, а иногда печальныхъ и тяжелыхъ (въ числѣ ѣхавшихъ были женщины и дѣти—семьи учителей). Человѣку съ пылкимъ воображеніемъ естественно съ восторгомъ отнестись къ такому путешествію, въ которомъ, пожалуй, есть и заманчивыя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, хорошее время года, роскошная степь малороссійская, по которой не спѣша тянется громадный, какъ бы чумацкій обозъ; украинская „божественная, очаровательная" ночь, во время которой обозъ дѣлаетъ привалъ, казанокъ съ кулишемъ весело кипитъ у большого костра, волы пасутся на просторѣ, путешествующая компанія ведетъ оживленную бесѣду, расположившись на сочной и душистой травѣ, небесный сводъ смотритъ милліонами своихъ очей—да это поэзія, это очаравательная прогулка!—воскликнетъ восторженный мечтатель. Нѣтъ, поэзіи тутъ было мало, а все сѣренькая проза, и это вовсе не увеселительная прогулка, а тяжелый, утомительный подвигъ. Нужно представить и обратную сторону медали. Начать съ того, что перевозка семинаріи была тяжелою натуральною повинностью для всей мѣстности, чрезъ которую пролегалъ путь изъ Острога въ Полтаву. Какъ снѣгъ на голову для мирнаго обывателя какой-нибудь Диканьки сваливалась обязанность выставить подводу для какой-то невѣдомой и вовсе ненужной ему семинаріи. И если рука его лѣзла въ затылокъ

гдѣ нашъ простолюдинъ привыкъ всегда искать выхода изъ затруднительнаго положенія, то также естественно предположить, что съ устъ срывался нелестный эпитетъ или недоброе пожеланіе по адресу непрошенныхъ гостей. На комъ же проще всего было сорвать свою досаду, какъ не на ни въ чемъ неповинныхъ спутникахъ? Равнымъ образомъ и для полиціи не доставляло особаго удовольствія къ своимъ и безъ того суетливымъ обязанностямъ присоединять еще одну—заботу о пріисканіи въ своемъ районѣ извѣстнаго числа подводъ. Во всякомъ случаѣ эту обязанность чины полиціи „не съ радостью творили, а воздыхающе".

Цѣлый мѣсяцъ путешествовала семинарія къ мѣсту своего назначенія, и все таки не достигла его. 23 сентября обозъ прибылъ въ Кобеляки, уѣздн. гор. полт. г., въ 60 верст. отъ Полтавы. Здѣсь путешественниковъ ожидалъ не особенно пріятный сюрпризъ. Подводъ дальше не давали, а объявили распоряженіе полтавскаго губернатора, что семинарія должна остановиться здѣсь. Пришлось покориться; архивъ консисторскій и семинарскій свалили въ свободныхъ залахъ повѣтоваго суда, учителей съ семействами размѣстили на частныхъ квартирахъ. Предстояло теперь рѣшить вопросъ, гдѣ и какъ вести учебныя занятія, когда съѣдутся семинаристы. И велико же было недоумѣніе кобелякскаго городничаго, когда правленіе семинаріи поставило ему этотъ вопросъ; городничій далъ чистосердечный отвѣтъ, что „способнѣйшихъ для сего домовъ въ Кобелякахъ вовсе не имѣется". Обратились тогда къ малороссійскому генералъ-губернатору, но тотъ отдѣлался философской тирадой: „Экстренность обстоятельствъ предписываетъ всякому довольствоваться тѣмъ, что обрѣсти случится", а такъ какъ всѣ видѣли, что въ Кобелякахъ обрѣсти и даже изобрѣсти ничего не возможно, то „слѣдовательно—дабавлялъ генералъ-губернаторъ,—семинаристовъ и всѣхъ прочихъ, за помѣщеніемъ по мѣрѣ возможности, въ городѣ, должно остальныхъ *размѣстить постоемъ* въ мѣстечкахъ повѣта и селеніяхъ".

Практическое осуществленіе мѣры, проектированной генералъ-губернаторомъ съ веселой беззаботностью, было просто

унизительно для семинаріи, да и ни къ чему бы не привело. Какое ужъ тутъ было бы въ самомъ дѣлѣ ученіе, когда семинарія, словно полкъ солдатъ, была бы раскинута по деревнямъ на десятки верстъ въ окружности! Къ счастью, эта мудрая мѣра такъ и осталась проектомъ. Всеизвиняющая „экстренность обстоятельствъ“, помогшая генералъ-губернатору легко отвязаться отъ настойчивыхъ требованій семинарскаго правленія, была такимъ же прекраснымъ поводомъ для семинаристовъ отдохнуть нѣкоторе время отъ бремени науки. Не смотря на строгія предписанія епископа Даніила, семинаристы не являлись въ Кобеляки: нашелся лишь одинъ любитель науки, который рѣшился предпринять нелегкое путешествіе въ Полтавщину! Впрочемъ, еписк. Даніилъ нашелъ средство не пріостанавливать ученія даже и въ 1812 г. 26 октября имъ было открыто въ г. Острогѣ на сторомъ пепелищѣ отдѣленіе семинаріи; строгими предписаніями онъ собралъ молодежь, поставилъ неоффиціальныхъ учителей изъ окончившихъ лучшихъ студентовъ семинаріи, собралъ кое-какія крохи для оплаты ихъ труда (правительственное жалованье получали кобелякскіе скитальцы), словомъ—устроилъ семинарію.

Когда на Волыни опасность отъ непріятеля миновала, сейчасъ же стали думать о возвращеніи семинаріи, такъ неудачно отправленной въ полтавскую губ. 29 янв. 1813 г. еп. Даніилъ выхлопоталъ Высочайшее повеленіе о возвращеніи семинаріи обратно въ г. Острогъ; на этотъ разъ предоставлено было право требовать 120 обывательскихъ подводъ подъ архивы и скарбъ.

Нерадостно было возвращеніе нашихъ странниковъ. Прежде всего разныя обстоятельства помѣшали сразу же воспользоваться столь желаннымъ разрѣшеніемъ покинуть негостепріимные Кобеляки, гдѣ пришлось натерпѣться разныхъ непріятностей. Едва 20 апрѣля состоялся этотъ „исходъ“ изъ Кобелякъ въ обѣтованную родину. Съ мѣста перепряжки обыкновенно одинъ учитель отправлялся впередъ, чтобы приготовить лошадей на слѣдующей стоянкѣ; но и при этомъ все таки приходилось иногда ожидать по два, по три, а то и по пяти дней, томиться и изнывать въ тоскѣ. Бывали и происшествія: во

время переправы чрезъ р. Псіолъ (въ Бѣлоцерковкѣ) чуть не утонуло цѣлыхъ пять возовъ съ архивными дѣлами, такъ какъ теченіемъ и вѣтромъ оторвало одинъ паромъ. Случалось, что префекту только съ большимъ трудомъ удавалось „достигнуть до начальниковъ", во власти которыхъ была выдача подводъ; иногда требовали съ путешественниковъ прогоновъ. А кіевскій полиціймейстеръ просто съ какимъ-то озлобленіемъ накинулся на почтенныхъ іереевъ (префекта и учителя философіи) и ни съ сего—ни съ того наговорилъ имъ кучу непріятностей: „Я тебя свяжу!—кричалъ онъ—я тебя въ тюрьму посажу, на Сибирь пошлю, связаннаго къ Государю представлю, бороду острижу! ты мужикъ, ты мужикъ изъ мужика; ты попъ, а это все одно, что мужикъ! ты хотя бы былъ еще сто кратъ больше, чѣмъ протопопъ, и тогда мужикъ больше бы у меня значилъ, чѣмъ ты" [1]).

1-го іюня транспортъ прибылъ въ Острогъ; трудности далекаго путешествія окончены; путники радовались „яко исполинъ тещи путь". Характерно, что тогдашнее начальство оцѣнило—нѣсколько своеобразно—это необычное для педагоговъ странствованіе: о немъ, какъ объ особомъ подвигѣ, было занесено въ формуляръ всѣхъ участниковъ.

И доселѣ еще отъ стариковъ-священниковъ на Волыни вы можете услышать разсказы, по наслѣдству предаваемые изъ рода въ родъ, объ этомъ далекомъ событіи; подробности путешествія и участники его, на долю которыхъ выпала тяжелая обязанность на своихъ плечахъ вынести столько невзгодъ, послужили предметомъ многихъ легендарныхъ сказаній.

III.

Послѣ кобелякскаго путешествія семинарская жизнь мало по малу вошла въ обычную колею, и мирное теченіе ея не нарушалось до 1821 г. Въ этомъ году на семинарію обрушилось новое несчастіе, вслѣдствіе котораго ей пришлось нѣсколько лѣтъ прожить при условіяхъ невозможныхъ и затѣмъ перекочевывать

[1]) Вол. еп. вѣд. 1894 г. № 26—27.

съ мѣста на мѣсто, не находя себѣ твердаго пристанища. 18 апрѣля 1821 г. страшный пожаръ истребилъ цѣлую улицу въ г. Острогѣ. Пострадала и семинарія; о степени поврежденій можно судить по тому, что все зданіе было объято пламенемъ, крыша сгорѣла до тла, остался только каменный остовъ; и нужно удивляться геройству библіотекаря, успѣвшаго спасти книги. Послѣ пожара зданіе представляло собою обгорѣлый скелетъ. Теперь покажется невѣроятнымъ, какимъ образомъ можно было хоть мѣсяцъ жить и учиться въ этихъ развалинахъ. А между тѣмъ не мѣсяцъ и не годъ, а цѣлыхъ три года оставалась семинарія въ обгорѣлыхъ зданіяхъ; о ремонтѣ какъ то не столковались, хоть и поднимали рѣчь. По-неволѣ втупикъ станешь предъ этой удивительной покорностью судьбѣ. Уже непосредственно послѣ пожара 1821 г. семинарское правленіе доносило по начальству: „нѣсколько кратъ испытано, что и при самомъ посредственномъ дождѣ заниматься ученикамъ ради сильной течи не можно, да и пребывать въ ономъ тогда крайне опасно—входъ къ (нѣкоторымъ) комнатамъ, чрезъ великую течь, бывающую во время дождей, пресѣкается, а полы въ корридорахъ занимаются водою“ [1]). Казеннокоштныхъ учениковъ оказалось невозможнымъ оставить на жительство въ зданіи безъ крыши, и ихъ размѣстили, какъ могли, въ мѣщанскихъ семействахъ съ платой по 50 к. въ недѣлю съ человѣка. Библіотекарь былъ настойчивѣе всѣхъ: онъ то и дѣло докучалъ начальству своими безотрадными реляціями, что стѣны угрожаютъ опасностью, а „большинство книгъ затекло и поелику негдѣ просушивать, начало гнить, такъ что со временемъ можетъ совершенно истлѣть“.

Къ концу 1823 г. въ конецъ истощилось терпѣніе семинарской корпораціи. Вотъ общая картина, которую даетъ осматривавшая тогда зданіе семинаріи коммиссія: члены ея „нашли теперь совершенно невозможнымъ начать въ ономъ (зданіи) ученіе: ибо кромѣ того, что убійственная сырость и близкіе уже къ разрушенію своды онаго ежечасно угрожаютъ очевидною опасностью жизни, а во время дождей облитіе учащихъ и уча-

[1]) Вол. Еп. Вѣд. 1880 г.

щихся можетъ затруднять занятія ихъ, какъ уже и прежде сіе замѣчено,—холодный вѣтеръ, сильно дующій сквозь разбитыя окошка и проломанныя подъ ними стѣны, какъ въ классахъ, такъ и на корридорѣ, и теперь уже очень ощутителенъ и даже не стерпимъ, а тѣмъ болѣе во время зимы, когда онъ, какъ сіе очевидно, будетъ засыпать и классы и корридоръ снѣгомъ“ [1]).

Кое-какъ дотянули до конца учебнаго года. Наступилъ іюнь; пора бы подумать объ экзаменахъ, а проливные дожди не даютъ возможности и заглянуть въ классъ, гдѣ стоятъ лужи. Въ отчаяніи семинарское правленіе обратилось въ Городническое Правленіе съ просьбой назначить одинъ изъ свободныхъ домовъ для производства экзаменовъ. Квартирная коммиссія указала „редутный домъ“, но тутъ ужъ правленіе возмутилось духомъ и сочло „въ трактирѣ редутную залу для произведенія духовнымъ питомцамъ испытанія неприличною“. И вотъ семинарское правленіе, не долго думая, устроило 9 іюня 1823 года торжественный экзаменъ въ монастырскомъ саду подъ открытымъ небомъ.

Такъ печально закончился для волынской семинаріи 1822—23-й учебный годъ.

Между тѣмъ епархіальное начальство оставалось глухо къ донесеніямъ правленія о тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена школа. Наступалъ новый учебный годъ, и семинарія въ совершенномъ отчаяніи возопила къ коммиссіи духовныхъ училищъ и къ кіевской духовной академіи—какъ быть, что дѣлать? Отъ коммиссіи отвѣта не послѣдовало. А епископъ волынскій Стефанъ далъ распоряженіе продолжать ученіе въ прежнемъ помѣщеніи. Это уже было похоже прямо на насмѣшку, и взволнованные члены правленія въ обширномъ репортѣ обращаются къ человѣколюбію начальства: „нынѣ благодѣтельное начальство—писали они—печется объ улучшеніи содержанія для самихъ даже законопреступниковъ“. Это „моленіе“ имѣло два результата. Епископъ Стефанъ сдѣлалъ выговоръ членамъ правленія за грубость и дерзкія выраженія въ

[1]) Волын. Епарх. Вѣд. 1896 г. № 3.

своихъ протоколахъ и пригласилъ ихъ на будущее время, вмѣсто всякихъ умствованій, получше усердствовать къ своимъ прямымъ обязанностямъ, а кіевская духовная академія предписала продолжать ученіе въ тѣхъ же зданіяхъ, сдѣлавъ лишь необходимыя починки, хотя политично умолчала о средствахъ, на которыя бы можно это сдѣлать. Принявъ эти совѣты и выговоръ къ свѣдѣнію, правленіе пока покрыло соломой библіотечное помѣщеніе.

А помощь была уже близка, хотя пришла не съ той стороны, откуда ее ждали. Въ бѣдствіяхъ семинаріи приняло участіе совсѣмъ постороннее вѣдомство, именно: по предписанію волынскаго губернатора, острожская квартирная коммиссія занялась вопросомъ о пріисканіи помѣщенія подъ семинарію. Коммиссія вошла въ соглашеніе съ владѣльцемъ г. Острога кн. Яблоновскимъ, и тотъ изъ своихъ домовъ согласился уступить два лучшихъ въ распоряженіе семинаріи. Тутъ кое-какъ и размѣстилась семинарія. Главный домъ—изъ 11 комнатъ, и вотъ здѣсь ухитрились размѣстить классы и отвести квартиры для начальствующихъ и для правленія. Приходилось мириться съ массой неудобствъ; такъ, для классовъ можно было удѣлить только три комнаты, да и то небольшихъ, а въ каждой комнатѣ сидѣло по сотнѣ и болѣе учащихся; духота была невозможная; все же это было лучше, чѣмъ сидѣть въ зданіи безъ крыши! Библіотека была помѣщена въ двухъ комнатахъ въ другомъ помѣщеніи; книги были свалены въ безпорядкѣ. Вслѣдствіе сырости помѣщенія, ихъ приходилось время отъ времени просушивать. Ученики продолжали въ полномъ составѣ жить на частныхъ квартирахъ. Такъ какъ ближайшіе къ семинарскому зданію дома были населены евреями, то ученики жили на окраинахъ города въ мѣщанскихъ семействахъ. Потѣснившись съ своей семьей, елико возможно, мѣщанинъ-ремесленникъ могъ очистить небольшой уголъ, который и занимали два—три человѣка; конечно, тутъ и рѣчи не могло быть хоть о какихъ-нибудь удобствахъ. Семинаристы на нѣкоторое время становились какъ бы членами мѣщанскихъ семействъ, раздѣляя ихъ невзгоды и радости. Часто отъ грубаго и своенравнаго хозяина терпѣла

не только жена его съ дѣтьми, но и семинаристъ-постоялецъ. А когда послѣднимъ былъ дюжій богословъ или вообще человѣкъ не робкаго десятка, привыкшій за оскорбленія давать сдачи, то нерѣдко случалось побоище, служившее предметомъ разбирательства въ семинарскомъ правленіи. Вотъ какъ объяснялъ одинъ ученикъ, почему онъ „далъ хозяину два раза по мордѣ“.— „Я и прочіе со мною квартиру имѣвшіе семинаристы отъ хозяина нашего претерпѣвали разныя поношенія и ругательства, какъ то: онъ, ежедневно почти приходя пьяный на квартиру, чеплялся (придирался) не только ко мнѣ, но и всѣмъ со мною квартиру имѣвшимъ безъ всякой ему обиды, говоря: „а ѣдятъ, чтобъ они трасцю съѣли! понавозили, чорти-бъ вашу ма!“ Тоже не только называлъ гицлями (палачами), разбойниками, каналіями, ... (слѣдуетъ еще одно не совсѣмъ удобное ругательство), бестіями, но и отца моего протоіерея поносилъ, сказывая: „такими протопопами грубу запираютъ“ и прочими ругалъ его скверными и срамными словами“. Однажды ночью, пришедши въ нетрезвомъ видѣ, хозяинъ „началъ насъ обоихъ таскать за боки и бранился, называя насъ разбойниками и прочими ругательными, по обыкновенію его, словами. Я, проснувшись, сказалъ ему здѣсь: хозяинъ! за что ты насъ терзаешь? мы тебя не занимаемъ; то хозяинъ меня схватилъ за груди и началъ болѣе терзать и ударилъ спиною объ стѣну“ [1]). Тутъ ужъ и терзаемый не стерпѣлъ.—Весною и осенью приходилось ученикамъ путешествовать по невылазной грязи, въ которую превращались тогда немощеныя улицы города. Такъ какъ своей церкви не было, то каждому предоставлено было право ходить въ ближайшую отъ своей квартиры.

Въ этомъ переходномъ положеніи семинарія просуществовала безъ малаго два года. Въ концѣ 1824—25 учебнаго года епископъ Стефанъ вошелъ въ переговоры съ княз. Яблоновскимъ объ уступкѣ подъ семинарію и епархіальныя учрежденія помѣщеній въ м. Аннополѣ (въ 36 вер. отъ г. Острога), гдѣ князю принадлежало около 50 домовъ. Благодаря дружескимъ

[1]) Волын. Еп. Вѣд. 1881, № 35.

отношеніямъ между княземъ и еп. Стефаномъ, дѣло было улажено скоро, безъ обычныхъ проволочекъ; польскій аристократъ простеръ свою любезность даже до того, что на свой счетъ принялъ расходы по приспособленію зданій. Къ сентябрю 1825 г. семинарія уже переведена была въ м. Аннополь и начала свой учебный годъ въ новыхъ условіяхъ жизни. Лучшія помѣщенія изъ уступленныхъ княземъ были отведены подъ архіерейскій домъ и консисторію. Что касается семинаріи, то она была помѣщена въ бывшихъ конюшняхъ. Здѣсь были даже печи, въ которыхъ, впрочемъ, топили только до тѣхъ поръ, пока здѣсь были княжескія лошади. Было и еще одно неудобство: въ этомъ помѣщеніи были снизу кое-гдѣ отверстія, чрезъ которыя зимою въ обиліи навѣвало снѣгу, и со всего мѣстечка собирались зимой странствующія собаки—послушать семинарской премудрости, да кстати и обогрѣться.

Бытъ воспитанниковъ носилъ нѣкоторыя черты, свойственныя временамъ патріархальнымъ. Еще живы среди волынскаго духовенства разсказы о томъ, какъ въ свободное отъ классныхъ занятій время ученикамъ приходилось принимать участіе въ домашнихъ и полевыхъ работахъ своихъ квартирохозяевъ, иногда—пасти мелкій домашній скотъ и т. д. Напитавшись духовной пищей въ классѣ, молодой риторъ вооружался предлинной хворостиной и гналъ гусей въ поле, философъ съ неменьшимъ усердіемъ проявлялъ заботливость о волахъ и лошадяхъ, богословъ вооружался топоромъ и кололъ дрова.

Неизвѣстно, какъ долго просуществовала бы семинарія въ Аннополѣ, сжалилось ли бы и какъ скоро начальство надъ ея злоключеніями; по всей вѣроятности, всю до-реформенную эпоху прожила бы она въ глухомъ мѣстечкѣ, если бы не помогъ случай. Волынской семинаріи пришлось еще разъ перекочевать и въ новомъ мѣстожительствѣ просуществовать большую половину своей жизни при условіяхъ, если и не совсѣмъ благопріятныхъ, то все же лучшихъ, чѣмъ было доселѣ.

IV.

Въ глубокомъ ущельи Авратынскихъ горъ, въ 24 вер. отъ австрійской границы, живописно раскинутъ городъ Кременецъ, со всѣхъ сторонъ окруженный цѣпью горъ. Будучи однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній (XI—XII вв.). Волыни, городъ этотъ дѣлилъ бурную участь своей области. Долгое время онъ былъ сильною, неприступною крѣпостью, неоднократно лилась подъ его стѣнами кровь русская, польская, литовская и татарская, горѣлъ онъ до тла и снова обстраивался, то онъ поднимался на степень центра области, то снова хирѣлъ и нисходилъ въ ряды „нѣкогда славныхъ, но нынѣ захудалыхъ“ городовъ. Въ 1731 г. на пожертвованія князей Вишневецкихъ здѣсь начали воздвигать величественный костелъ съ громаднымъ корпусомъ для общины іезуитовъ и ихъ коллегіума. Въ 1743 г. костелъ былъ конченъ и освященъ во имя свв. Игнатія Лойолы и Станислава Костки. Но недолго суждено было членамъ общества Іисуса раскидывать свои сѣти въ Кременцѣ: послѣ 1773 г. костелъ былъ обращенъ въ приходскій, а въ зданіяхъ помѣщены аптека и повѣтовая канцелярія съ архивомъ.

Со вступленіемъ на престолъ Александра I польская партія, опираясь на могущество кн. Адама Чарторижскаго, широко развила просвѣтительную дѣятельность въ юго-западномъ краѣ. Во главѣ этого движенія на Волыни сталъ извѣстный Ѳаддей Чацкій, собравшій на дѣло просвѣщенія громадныя суммы отъ польскихъ магнатовъ и давшій имъ разумное примѣненіе. Волынь покрылась цѣлой сѣтью низкихъ и среднихъ школъ. Чацкій между прочимъ прибралъ для своихъ цѣлей и кременецкія ноіезуитскія зданія: здѣсь въ 1805 г. была открыта гимназія, которая постепенно чрезъ расширеніе преподаванія и чрезъ прибавленіе предметовъ была преобразована въ лицей. Этотъ лицей вполнѣ оправдалъ надежды своего патрона: изъ его воспитанниковъ вышли лучшіе представители польской науки и литературы 40-хъ—60-хъ годовъ. Но такъ какъ этотъ лицей далъ также немало дѣятелей, выступившихъ въ 1831 г. съ оружіемъ въ рукахъ противъ Россіи, то это обстоятельство рѣшило его

судьбу: онъ былъ закрытъ, а научныя богатства его были переданы новооткрытому университету св. Владиміра. Въ числѣ ихъ заслуживаетъ упоминанія прекрасный ботаническій садъ, славившійся въ свое время даже въ зап. Европѣ; въ немъ насчитывалось до 14 тыс. видовъ растеній, и онъ снабжалъ лекарствами даже заграничныя аптеки.

Послѣ закрытія лицея остались превосходныя зданія безъ опредѣленнаго назначенія. И вотъ здѣсь-то, въ этихъ „полицеальныхъ“ (какъ ихъ называютъ) зданіяхъ и суждено было утвердиться (хоть и не навсегда) волынской семинаріи. Духовное вѣдомство купило эти зданія за 200 т. р. асс. еще въ 1832 г., но передача ихъ тянулась цѣлыхъ пять лѣтъ. 6 апр. 1836 г. семинарія была наконецъ переведена въ Кременецъ, гдѣ и суждено ей отпраздновать свой столѣтній юбилей чуть не наканунѣ новой и—будемъ надѣяться—послѣдней перемѣны мѣстожительства.

Второе пятидесятилѣтіе своей жизни—въ Кременцѣ—семинарія провела болѣе спокойно, безъ тѣхъ глубокихъ потрясеній, какія доставилъ ей 1812 годъ и пожаръ 1821 года. Въ громадныхъ зданіяхъ было гдѣ размѣститься, если не съ роскошью, то съ давно невиданными удобствами, которыя на первыхъ порахъ могли казаться комфортомъ (хотя до этого и далеко было). Тутъ же подъ рукой свой громадный садъ (около 8 морговъ земли), гдѣ въ свободную минуту можно подышать чистымъ воздухомъ, а въ дни экзаменовъ—найти укромный и тѣнистый уголокъ для усиленныхъ занятій. Правда, до 1846 г. начальство сохранило старую экономную привычку не топить зимой въ классахъ, предоставляя ученикамъ согрѣвать ихъ своимъ дыханіемъ и теплотой своего тѣла; нужно и того не забывать, что помѣщеніе семинаріи состоитъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ, такъ что воспитанникамъ нужно совершать небольшія прогулки изъ классовъ въ столовую и изъ церкви въ спальни; но что значили всѣ эти неудобства въ сравненіи съ тою каторгой, которую безропотно отбывала семинарія послѣ 1821 года! Итакъ, можно думать, что всѣ на первыхъ порахъ просто сибаритствовали, не могли въ себя придти отъ восхищенія при ви-

дѣ той роскоши, которую создали чуждыя руки іезуитовъ. Но это очарованіе скоро стало таять.

Какъ это такъ случилось, теперь трудно понять, но всѣ забыли ту простую истину, что постройка можетъ хорошо сохраняться только при томъ условіи, если о ней заботиться и время отъ времени ее ремонтировать. Принятыя послѣ лицея въ томъ превосходномъ видѣ, въ какой дали возможность привести ихъ громадныя средства Чацкаго, семинарскія зданія, оставленныя безъ починки, начали понемногу приходить въ упадокъ. Штукатурка осыпалась, покраска на крышѣ потускнѣла, карнизы поотвалились, контрафорсы грозили рухнуть, деревянныя части зданія прогнивали. Отцы, привозившіе своихъ дѣтей къ тому же источнику науки, отъ котораго нѣкогда сами вкушали, съ грустью и укоромъ качали головами при видѣ величественныхъ зданій, которыя ветшали и какъ-то мрачнѣли все болѣе и болѣе. Только каменный остовъ какъ-то затвердѣвалъ и казался литымъ изъ металла, всѣ же менѣе прочныя части своимъ изломаннымъ и расшатаннымъ видомъ громко заявляли требованія о ремонтѣ.

Не лучше было и внутри зданія. Полы дырявились, окна и двери отставали отъ косяковъ, образуя порядочныя щели. Вслѣдствіе этого на всѣхъ корридорахъ (холодныхъ—безъ печекъ) зимою свободно гулялъ вѣтеръ, заставляя проходящихъ придерживать шляпы на головѣ и запахивать пальто; въ классахъ въ оконныя щели навѣвало снѣжку, который мягко ложился небольшими сугробами и медленно таялъ, температура спускалась всегда до 6°, такъ что ученики оставались въ пальто и колошахъ, а преподаватель, въ теплой одеждѣ прогуливался по классу. Получалась совсѣмъ иллюзія Аннопольскихъ временъ; развѣ только собакъ не было. И это даже въ 80-хъ годахъ.

Какъ бы то ни было, когда съ введеніемъ новыхъ семинарскихъ уставовъ (въ 1870-хъ годахъ) въ бурсу пахнуло новою жизнью, то корпорація волынской семинаріи стала возвышать свой голосъ противъ неудобствъ помѣщенія и требовать хотя бы немногосложныхъ передѣлокъ. А когда семинарію посѣтилъ первый ревизоръ учебнаго комитета, то онъ просто ужаснулся

тому зрѣлищу, которое представилось его глазамъ; справедливо одинъ ревизоръ въ своемъ отчетѣ окрестилъ семинарію казармой, а не благоустроеннымъ заведеніемъ. Отмѣтимъ такой, напр., фактъ. Около спальныхъ помѣщеній до 1875 г. не было не то что внутренняго, но даже наружнаго клозета, и воспитанники отправляли естественныя потребности просто на вольномъ воздухѣ, около склада дровъ. И всѣ къ этому присмотрѣлись, ничьихъ глазъ это безобразіе не рѣзало, съ нимъ какъ-будто мирились, такъ что потребовался пріѣздъ изъ Петербурга свѣжаго человѣка, и при томъ съ властью ревизора, чтобы выстроенъ былъ хоть небольшой деревянный сарайчикъ. Кстати сказать: и въ настоящее время ученику ночью, въ случаѣ надобности приходится одѣваться потеплѣе, спускаться внизъ съ третьяго этажа и, пробѣжавши шаговъ 50 по двору, достигать онаго сарайчика—и это хотя бы въ 15° зимній морозъ. Антигигіеническія условія, среди которыхъ живутъ учащіеся въ Кременцѣ, прекрасно иллюстрируются громаднымъ процентомъ смертности; въ этомъ отношеніи волынская семинарія едва ли можетъ найти соперницу, хотя бы пересчитать всѣ семинаріи.

Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, ревизорскихъ отчетовъ, а съ другой—усиленныхъ ходатайствъ нѣкоторыхъ изъ волынскихъ епископовъ, еще въ 70-хъ гг. былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ семинаріи изъ грязнаго, вонючаго Кременца въ губ. г. Житоміръ. Этотъ вопросъ слѣдовало бы взять за характерный образецъ того, какую волокиту приходится испытать у насъ проекту, даже такому, съ которымъ въ принципѣ всѣ согласны. Казалось бы, чего проще: и центральное духовное управленіе не скупилось на отпускъ довольно крупныхъ суммъ для постройки новыхъ зданій семинаріи, если нужно было; и владыки волынскіе немало хлопотали о скорѣйшемъ осуществленіи проекта, желало перевода и духовенство, и корпорація, наконецъ, бывали и прецеденты. Полтавская семинарія была переведена изъ г. Переяславля въ г. Полтаву, Курская — въ г. Курскъ изъ г. Бѣлгорода. Волынской семинаріи въ этомъ вопросѣ долго не счастливилось, такъ что еще въ прошломъ году едвали кто могъ съ полною рѣшимостью отвѣтить „да“ на во-

просъ: будетъ ли наконецъ семинарія переведена изъ Кременца въ Житоміръ? И вотъ, лишь въ годъ столѣтняго юбилея семинаріи поднесенъ дорогой и пріятный сюрпризъ. 19 янв. наст. года послѣдовалъ указъ св. Синода на имя волынскаго архіепископа Модеста, которымъ дальнѣйшая судьба семинаріи рѣшается въ такомъ смыслѣ. Семинарія переводится въ губ. г. Житоміръ, гдѣ для нея будутъ выстроены зданія. Землю жертвуютъ каѳедральный соборъ и городская дума по небольшому участку. На постройку новыхъ зданій св. Синодъ ассигнуетъ 356½ тыс. руб. Независимо отъ этой суммы, по распоряженію епархіальнаго начальства, на постройку общежитія при семинаріи будетъ обращена значительная часть (80 тыс. руб.) капитала, скопленнаго духовенствомъ Волыни путемъ взносовъ на постройку зданія для кременецкаго женскаго епархіальнаго училища. Что же касается зданій семинаріи теперешнихъ, то они обращаются подъ помѣщеніе кременецкаго мужскаго училища, а зданія послѣдняго передаются женскому духовному училищу, не имѣющему собственныхъ помѣщеній и ютящемуся въ наемныхъ неудобныхъ квартирахъ.

V.

Въ своемъ очеркѣ мы мало касались внутренней жизни питомцевъ семинаріи, ея склада и характера, отношеній между начальствующими и учащимися, постановки преподаванія и т. д. Но дѣло въ томъ, что волынская семинарія не представляла какихъ-либо рѣзкихъ особенностей по сравненію съ общимъ складомъ порядковъ, общей физіономіей нашей духовной школы. Такъ же, какъ и во всѣхъ семинаріяхъ, въ преподаваніи царила сухость и мертвечина, и лишь изрѣдка на каѳедрѣ появлялся живой человѣкъ, привлекавшій глубокія симпатіи молодого люда сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу; такъ-же, какъ и во всѣхъ семинаріяхъ, были начальники суровые, вносившіе даже виртуозность въ систему наказаній, а бывали люди добрые и умные, имя которыхъ съ благоговѣніемъ переносится изъ ро-

да въ родъ; ученикамъ такъ-же, какъ и вездѣ, приходилось терпѣть истязанія, переносить и „біенія и заушенія и всякія другія тѣлесныя озлобленія", пока эпоха порки не миновала, жить среди безцѣльныхъ лишеній, всегда не доѣдать и одѣваться чуть не въ тряпье. Словомъ, почти все было такъ, какъ вездѣ. Была, впрочемъ, одна мѣстная особенность.

Почти чрезъ весь столѣтній періодъ жизни, волынской семинаріи приходилось бороться со зломъ, которое въ значительной степени вызвано мѣстными условіями жизни и которое еще и доселѣ не искоренено. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ распоряженіе, изданное семинаріей еще въ 1803 г.: „есть ли кто либо дастъ студенту подъ ручной залогъ деньги съ процентами и безъ оныхъ, то залогъ долженъ быть возвращенъ, не ожидая уплаты, а заимодавецъ будетъ сверхъ того принужденъ его начальствомъ къ денежной пенѣ въ пользу бѣдныхъ". А дѣло въ томъ, что среди семинаристовъ невѣдомыми путями развилась вредная привычка брать у мѣстныхъ ростовщиковъ евреевъ деньги подъ высокіе проценты съ обязательствомъ уплаты по окончаніи курса. Изъ Острога это зло было перенесено въ Кременецъ и здѣсь развилось до ужасающихъ размѣровъ. Правленіе нѣсколько разъ принималось за борьбу съ этой язвой, сносилось съ полиціей и указывало имена ростовщиковъ, но все это были палліативы, не приносившіе результатовъ. Одинъ изъ ревизоровъ обратилъ на это зло особенное вниманіе и въ своемъ отчетѣ по ревизіи указалъ, что изъ выпуска 1877 г. (41 чел.) только трое вышли свободными отъ долга мѣстнымъ ростовщикамъ. Домашнее зло семинаріи получило, такимъ образомъ, оффиціальную огласку, и тогда-то правленіе семинаріи съ особенной энергіей принялось за искорененіе его. Ученикамъ предложено было откровенно сознаться, сколько кто изъ нихъ задолжалъ мѣстнымъ ростовщикамъ и какими обязательствами связалъ себя. Оказалось, что въ трехъ только высшихъ классахъ набралось съ полсотни, причемъ многіе еще не сознались—и совершенно напрасно, потому что кредиторы сознавшихся должны были, во избѣжаніе отвѣтственности, смягчить свою кровожадность и довольствоваться дѣйстви-

тельной суммой долга. При этомъ выяснилось, что въ векселяхъ сумма долга увеличивается въ 5—6 разъ, и подпись помѣчается будущимъ временемъ. Въ 1881 г. было открыто при семинаріи попечительство о бѣдныхъ воспитанникахъ въ видѣ мѣры для борьбы со зломъ, происхожденіе котораго отчасти вызывается самою бѣдностью духовенства. Впрочемъ, язва эта гноится еще и доселѣ: описаніе процедуры сдѣлокъ было помѣщено въ газетѣ „Волынь“ въ январѣ 1889 г. Хорошо было бы, еслибы семинарія оставила въ Кременцѣ этотъ порокъ и не повторяла въ Житомірѣ старой ошибки, съ послѣдствіями которой питомцамъ приходится расплачиваться крупной монетой, какъ въ переносномъ, такъ и въ буквальномъ смыслѣ.

Для всякаго корпоративнаго учрежденія, какъ и для отдѣльнаго человѣка, въ знаменательные дни юбилеевъ вполнѣ естественно сдѣлать короткую передышку, оглянуться назадъ и подсчитать итоги своей дѣятельности. Волынская семинарія заслужила неоспоримое право съ чувствомъ отрады и нравственнаго удовлеворенія смотрѣть на пройденный періодъ жизни. Правда, не мало горя и бѣдствій пришлось перенести предшествующимъ поколѣніямъ; не въ роскоши здѣсь проводятъ свои годы ученія и теперь. Но когда трудный путь конченъ, невзгоды и лишенія его какъ-то забываются, и на общемъ фонѣ съ наибольшею чуткостью выступаютъ свѣтлыя, положительныя стороны жизни. Взять хотя бы внѣшнюю обстановку: куда какъ неприглядна она была, а попробуйте-ка, припомните курьезы, въ свое время стоившіе, быть можетъ, слезъ—и они все-таки не вызываютъ злости или ненависти къ школѣ, въ которой прошли лучшіе годы жизни. Напомните почтенному, сѣдовласому волынскому іерею, какія нѣкогда предпринимались экскурсіи по кременецкимъ горамъ, сколько молока и простокваши съѣдалось у хуторянина, какъ хорошо бесѣдовалось въ дружескомъ товарищескомъ кружкѣ, расположившемся какъ попало на скошенной травѣ, назовите ему „тарпейскую скалу“ или „швейцарскую долину“ (такъ семинаристы называли каменный утесъ и лужайку)—онъ расцвѣтетъ улыбкой, глаза засвѣтятся молодымъ блескомъ. А попробуйте напомнить іерею послѣдующаго поко-

лѣнія шумныя рекреаціи недавнихъ временъ, когда вся семинарія, съ оркестромъ во главѣ, восходила на одну изъ кременецкихъ горъ и располагалась здѣсь временнымъ лагеремъ: воздухъ оглашался чудными мелодіями украинскихъ пѣсенъ, подъ звуки собственнаго оркестра затѣвались даже танцы, уничтожалась или сглаживилась рѣзкая обособленность преподавательской корпораціи отъ ученической среды—въ какой восторгъ придетъ вашъ собесѣдникъ при этихъ воспоминаніяхъ.

Несомнѣнно, что неблагопріятная внѣшняя обстановка не помѣшала семинаріи съ честью выполнить свою воспитательную и образовательную задачу. Можно заранѣе предсказать, что въ хорѣ юбилейныхъ привѣтствій основнымъ мотивомъ будетъ слѣдующій: семинарія была передовымъ оплотомъ православія въ окатоличенной окраинѣ, была пріютомъ и разсадникомъ православной науки и просвѣщенія среди католическихъ вліяній, дала борцовъ противъ инославной пропаганды. Не отрицая важныхъ заслугъ семинаріи въ указанномъ отношеніи, мы хотѣли бы поставить на одинаково-почтенное мѣсто еще одну важную заслугу семинаріи; жаль будетъ, если объ этой заслугѣ не вспомнятъ, если ее пройдутъ молчаніемъ. Въ чемъ же эта заслуга.

Школа, какъ извѣстно, кладетъ неизгладимый отпечатокъ на духовную физіономію своихъ питомцевъ; въ школѣ вырабатываются первыя и главныя основанія той программы, которую впослѣдствіи ея питомецъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, проводитъ въ жизнь. Поэтому о заслугахъ волынской семинаріи лучше всегда судить по основному характеру дѣятельности мѣстнаго духовенства.

На Волыни до самаго послѣдняго времени даетъ себя чувствовать аристократическій складъ общественной жизни, перешедшій по наслѣдству изъ Польши, гдѣ отечество было раемъ только для магната и адомъ для холопа. Заносчивый шляхтичъ и доселѣ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относится къ полякукмету и малороссу-простолюдину. Западно-русское православное духовенство въ эпоху Рѣчи Посполитой тоже принадлежало къ тѣснимой сторонѣ. Когда Волынь перешла подъ власть Россіи—государства православнаго, духовенство вышло изъ под-

невольнаго положенія. Старая рознь между шляхтичемъ и холопомъ осталась; являлся вопросъ, къ какой же партіи пристанетъ духовенство? Не примкнетъ ли оно къ шляхтѣ, не сдѣлается ли однимъ изъ слоевъ его? Нѣтъ, духовенство не сдѣлало этого, не порвало своей кровной связи съ простымъ народомъ, а стало въ первыхъ рядахъ его твердо и безповоротно— за нѣкоторыми печальными исключеніями (къ сожалѣнію, теперь все болѣе увеличивающимися). Мы считаемъ одной изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ дѣятельности волынскаго духовенства именно его связь съ сермягой, съ простолюдиномъ. А между тѣмъ было столько заманчивыхъ поводовъ войти въ дружбу, хотя бы путемъ сдѣлокъ съ совѣстью и цѣною униженій, съ вельможнымъ паномъ, особенно въ эпоху крѣпостного права. Отъ пана зависѣло дать или не дать попу рабочихъ въ горячее лѣтнее время, панъ могъ подарить и лѣску, и сѣна, и хлѣба. При всѣхъ этихъ искушеніяхъ волынскій священникъ остался на высотѣ пастырскаго призванія. Если панъ притѣснялъ крестьянъ, священникъ нерѣдко начиналъ съ нимъ безкорыстную борьбу и отстаивалъ интересы слабой паствы до послѣдней возможности, навлекая на себя много непріятностей. Это въ особенности приходится сказать о 50-хъ гг., когда помѣщики отлынивали отъ точнаго соблюденія инвентарныхъ правилъ. Однимъ словомъ, духовенство на доброе дѣло истрачивало то значеніе, которое принадлежало ему въ силу его положенія. Вообще въ общественной жизни волынскаго края за истекающее столѣтіе на долю духовенства выпала почетная роль: оно стояло за слабыхъ и худородныхъ, защищало и печаловалось за нихъ. И громадную хвалу слѣдуетъ отдать той школѣ, въ которой былъ заложенъ фундаментъ такой высокой христіанской дѣятельности.

Константинъ Храневичъ.

ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ.

ОЧЕРКЪ КОЛОНИЗАЦІИ [1]).

Въ исходѣ первой четверти XVII ст. кіевское Заднѣпровье, несмотря на значительное развитіе свое въ теченіе болѣе 50 лѣтъ, по прежнему составляло часть обширнаго повѣта, оффиціально называемаго „кіевскимъ", и обнимало до 1250 кв. миль. Это огромное пространство, представлявшее значительныя отличія уже въ топографическомъ отношеніи, фактически разбивалось на нѣсколько меньшихъ областей. По возстановленіи разрушеннаго Переяслава и присоединеніи къ его замковому округу участковъ, тянувшихъ въ литовское время къ округамъ кіевскому, каневскому и черкасскому, возникла новая область, дѣлившаяся въ свою очередь на два округа: переяславско-лубенскій на сѣверо-западѣ и миргородско-полтавскій на юго-востокѣ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени въ кіевскомъ Заднѣпровьи образовалось восемь фактически существовавшихъ, неоффиціальныхъ округовъ, изъ которыхъ четыре находились въ сѣверной, лѣсной сторонѣ и четыре—въ южной, степной. Теченіе Трубежа отошло отъ кіевскаго замка къ Переяславу. Заднѣпровскій округъ любецкаго староства обнималъ около 40 кв. миль; узкая полоса по Днѣпру, отошедшая послѣ 1566 г. отъ чернобыльскаго замка и принадлежавшая главнымъ образомъ кіево-печерскому монастырю—до 40 кв. миль; тянувшая собственно къ Кіеву полоса—до 60 кв. миль, а весь округъ, со-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 4.

ставлявшій нѣкогда остерскую волость, съ уменьшающимся постоянно старостомъ—235 кв. миль. Южнѣе, къ Каневу тянула полоса на лѣвомъ берегу площадью не болѣе 10 кв. миль; къ Черкасамъ — широкое побережье Днѣпра отъ Супоя до Орели (около 200 кв. миль) и теченіе Орели (слишкомъ 180 кв. миль). Теченіе Самары уже не зависѣло отъ Черкасъ и принадлежало запорожскому козачеству. Изъ упомянутыхъ выше округовъ, отошедшихъ отъ Кіева къ Переяславу, переяславско-лубенскій, пространствомъ до 330 кв. миль, обнималъ теченія Трубежа, Супоя и среднее и верхнее теченіе Сулы, а миргородско-полтавскій (225 кв. миль)—часть теченія Псла и Ворсклы.

Географическо-статистическое обозрѣніе кіевскаго Заднѣпровья въ концѣ первой четверти XVII в. можетъ быть основано лишь на данныхъ, которыя должны быть признаны минимальными, такъ какъ данныя эти относятся къ эпохѣ оживленной колонизаціи, когда въ оффиціальныхъ спискахъ часто не показывались не только дымы, но даже цѣлые поселки, сидѣвшіе на „волѣ“. Начнемъ нашъ обзоръ съ сѣвера.

Староство любецкое обнимало двѣ волости: лоевскую (лоевогорскую) съ сѣвера и собственно любецкую съ юга. На лѣвомъ берегу къ старосту принадлежало до 60 кв. миль. Центромъ области былъ замокъ и городъ Любечъ. Инвентарь 1606 г. (рук. изъ скарб. книгъ подъ № 669) уже даетъ о немъ подробныя свѣдѣнія. „Замокъ и мѣстечко Любечъ отъ Днѣпра въ 4 или пяти гонахъ на горѣ, а озеро въ 100 гонахъ отъ Днѣпра; предмѣстье подъ самой замковой горой отъ Брагина“. Двое воротъ, главная улица длиною малымъ большѣ, чѣмъ на стрѣльбу изъ лука, рынокъ очень малъ, къ нему три малыя улицы. По обѣимъ сторонамъ 15 лавокъ, отъ нихъ дорога къ замку черезъ мостъ, на которомъ взводъ о двухъ цѣпяхъ. Въ замкѣ ворота и не малая вежа (башня) въ два этажа, выстроенная въ двѣ стѣны. Вправо отъ вежи двѣ городни съ палисадами въ двѣ стѣны, на низу срубъ и другая вежа. Слѣва также двѣ городни отъ рѣки и озера и при нихъ жилыя постройки. Далѣе новыя двѣ городни съ палисадами до другой двухъ-этажной башни и около этихъ городенъ 5 городскихъ коморъ внизу.

Гора отъ замка раздѣляетъ городъ; видно, она скопана, такъ какъ кругла со всѣхъ сторонъ. При замкѣ на той же горѣ мѣщанскихъ домовъ 28, двѣ церкви и 60 домовъ шляхетскихъ, боярскихъ, поповскихъ и замковыхъ слугъ. Валъ идетъ отъ кіевскихъ воротъ и острогъ на немъ до брагинскихъ воротъ, что внизу у конца замковой горы, далѣе острогъ поднимается по горѣ къ замку, далѣе внизъ къ городу и затѣмъ валъ съ острогомъ доходитъ до кіевскихъ воротъ. Въ предмѣстьяхъ, за воротами кіевскими и брагинскими, мѣщанскихъ домовъ 202, боярскихъ 8. Бояръ съ черемисами всего 35 службъ.—Въ концѣ первой четверти XVII ст., встрѣчаемъ болѣе точныя данныя о самомъ староствѣ любецкомъ и его округѣ (люстраціи 1616 и 1622 г. въ V т. Źr. dz., тарифы 1628 г. тамъ-же, т. XX и Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I). Въ 1628 г. въ самомъ Любечѣ отмѣчено дымовъ 60, убогихъ 40, ремесленниковъ 6, поповъ 2; въ 1616 г.—дымовъ 276, а бояръ любецкихъ лишь 28 коней, но за то увеличилось число селъ, тянувшихъ непосредственно къ замку. Въ волости лоевогорской (1616 г.), близъ литовской границы, упомянуты Поповцы на Зачесаркѣ, притокѣ Днѣпра (18 дымовъ); южнѣе, въ дельтѣ Днѣпра и Сожа, Абакумы (11); за устьемъ Сожа, на Днѣпрѣ Каменское (5); на правомъ берегу Замглая, притока Сожа, Познаховичи или Позноналы (18). Тамъ же земли боярскія: Ярыловичи въ дельтѣ Сожа и Намыльной и, быть можетъ, „земля Снятинская на островѣ Суховискомъ“ (Суховирскомъ на Вирѣ?). Въ любецкой волости непосредственно замку принадлежатъ села: Лопатни на Днѣпрѣ (дымовъ 9), Грабовъ между болотомъ Замглаемъ и Опаристымъ (10), Бильдухи или Белдники близъ Любеча (39), наконецъ Губичи на Ворзнѣ у Днѣпра (9). Гораздо болѣе значительная часть любецкой волости принадлежитъ уже на военномъ правѣ боярамъ и землянамъ, которымъ розданы были многочисленные острова, земли и пр. при Сигизмундѣ Августѣ вслѣдъ за уніей и затѣмъ при Сигизмундѣ III. Большинство этихъ мелкихъ владѣній утратили или измѣнили свои имена, что затрудняетъ топографическій обзоръ. Нѣкоторые участки получили названія по именамъ владѣльцевъ, и это позволяетъ иногда оріентиро-

ваться въ топографической номенклатурѣ. Такъ, напр., выше Любеча, между Днѣпромъ и болотомъ Опарыстымъ, упоминается „пашня Юшковская“ съ „островами“ Зарѣцкимъ, Радутовскимъ и др. (поздн. Радуль), отданная Сигизмундомъ III Заньку Нахыбѣ, сыновья котораго называютъ себя Зарѣцкими; нѣсколько южнѣе „земля пашня Сирхова“, полученная предкомъ Сѣрховскихъ (Сѣрховецкихъ) отъ Сигизмунда-Августа; „земля Матковская и пашня Сирховская“, отданная Сигизмундомъ III Татаренкамъ Михновичамъ (поздн. Татаринъ?); на сѣверо-востокъ отъ Любеча „земля Моравельская“ отдана Гаштольдомъ предку Сѣмаковичей, именующихъ себя теперь Злобицкими (?),—очевидно, это позднѣйшія Симаки; далѣе „земля Котежинская“ Петрушенковъ (поздн. Петраши?); южнѣе „селище Гальковъ держанія Зохличей“ и друг.; на верхнемъ теченіи Ворзны „земля Росудовская“, пожалованье Сигизмунда-Августа, какъ и Гальковъ; потомки пожалованнаго называютъ себя Розсудовскими и владѣютъ въ 1628 г. Мысами на Днѣпрѣ, Голенищами и Неданчицами (всего 6 дымовъ, 2 огор., 2 мельн.). Къ востоку отъ Розсудова „земля Щуковская“ Корольковъ Масловичей, пожалованная еще Гаштольдомъ (поздн. Корольчицы), „земля Сельчанская“ Тарасовичей (поздн. Тарасовичи); на нижней Ворзнѣ „земля Газаницкая“ Козловъ, пожалованье Сигизмунда-Августа (поздн. Козлы), и далѣе близъ Днѣпра „земля Неданчицкая“ Грысичей (Неданчинскихъ). На пограничьи съ черниговской и остерской волостями встрѣчаемъ „землю Пероцкую“, отданную Сигизмундомъ-Августомъ Рыбчицамъ или Рѣпчицамъ и Даничамъ (Пероцкимъ),—впослѣдствіи сс. Рѣпки и Даничи. Въ 1628 г. Пероцкъ имѣетъ лишь 8 огородниковъ. Южнѣе на Бѣлоусѣ (прит. Десны) „островъ Листвинскій и селище Дулебы“ любецкихъ бояръ Пушкаренковъ. На Свишинѣ „земля Кувичицкая“ и пр., пожалованье Сигизмунда-Августа предкамъ Кувичицкихъ, урочища р. Должика и др. Южнѣе „земля Маковская“ Тупичей (поздн. Тупичовъ); наконецъ, на верховьи Пакулки „земля Обеймицкая“ съ селищемъ Плеховымъ разныхъ „участниковъ“ и урочище Борокъ. О другихъ мѣстностяхъ не упоминаемъ.

По тарифу 1628 г. во владѣніяхъ кіево-печерскаго монастыря (заднѣпровская полоса быв. чернобыльскаго округа) села: Мнѣвъ—5 дымовъ, 3 огородника; Навозъ—12 д., 6 огор., 5 убогихъ, 1 попъ; Сорокошицы—6 д., 2 огор., 1 уб.; Глѣбовъ—6 д., 2 огор., 1 уб.; Ошытковичи—7 д., 2 огор.; Новоселки днѣпровскія—4 д., 1 огор., Тарасовичи—5 д., 2 огор., 1 уб.; Своромль—7 д., 5 огор., 5 уб. Прибавилось лишь одно поселеніе—Пакулка на р. Пакулкѣ, съ 3 д. и 3 огор.

На нижнемъ теченіи Десны, тянувшемъ непосредственно къ Кіеву, пространствомъ до 20 кв. миль, вмѣстѣ съ побережьемъ Днѣпра и до лѣваго берега Узолоча, владѣнія того же монастыря: Новоселки десенскія (5 д., 3 огор., 2 уб., 1 попъ); Дубечны—5 д., 4 огор. и новая „слобода“, на лѣвой уже сторонѣ Десны, Пухова съ 4 д. и 4 огор. Монастырю пустынскому принадлежалъ поселокъ „Десна“ (Никольское) съ 5 д. и 1 огор. Митрополичьи владѣнія на Деснѣ, Погребы, Зазимье и др., не упомянуты въ современныхъ актахъ. На Днѣпрѣ, нѣсколько выше Кіева, встрѣчаемъ новое замковое поселеніе Милославичи, отданное въ 1613 г., вмѣстѣ съ р. Супоемъ и островомъ Муравцемъ, въ доживотье городничему кіевскому Стан. Вигурѣ (откуда поздн. Вигуровщина) и состоявшее еще въ 1622 г. на „волѣ“. Княжичи никольскаго монастыря (1628 г.) лежатъ впустѣ, какъ, повидимому, и сосѣдніе Бортники и „грунтъ“ Дарница; далѣе по Днѣпру главныя озера (Затонъ, Рѣчище) съ рыбными уходами находятся при владѣніи выдубицкаго монастыря Осокоркахъ (1616 г.). Наконецъ, въ Гнидынѣ (Хмидынѣ) на р. Узолочи, принадлежавшемъ печерскому монастырю, числилось въ 1628 г. 4 дыма, 5 огор.; въ Вишенкахъ—4 д., 2 огор.

Остерское староство, обнимавшее къ концу XVI в. болѣе 85 кв. м., въ началѣ XVII ст. уменьшилось до такой степени, что къ замку тянулъ лишь городъ Остеръ и новое поселеніе Бобровица. Въ 1616 г. староство не имѣетъ ни села, ни фольварка, почему, какъ замѣчаютъ люстраторы, необходима для него помощь со стороны короля и Рѣчи Посполитой, въ виду важности положенія его по дорогамъ изъ Путивля и Чернигова къ Кіеву. Въ г. Острѣ платящихъ дань мѣщанскихъ домовъ 184,

бояръ 98, козаковъ, насильственно занявшихъ свободные мѣщанскіе дома, 40 и 4 мельницы о 12 камняхъ. Далѣе по Деснѣ „Выпелзновъ“ (Выползовъ) о 12 дымахъ, во владѣніи Олешковъ, с. Ялменки, старый и новый поселки, Курганы и Бременицкое о 10 дымахъ, во владѣніи Вьельгорскихъ, которые устроили на этомъ грунтѣ мѣстечко Ялменки, имѣвшіе въ 1616 г. 70 дымовъ; Крогаевъ съ 10 „давними людьми“ въ держаніи Плихтовъ. Ниже лежащее с. Боденки, съ урочищами Провалье, Назарово, Борки, Выдрица, Убожицъ и Блиновъ на р. Деснѣ о 9 „службахъ потяглыхъ“, „обезлюдѣвшее вслѣдствіе украиннаго опустошенія“, принадлежитъ Яловицкимъ, а Лѣтковцы, Большіе и Малые, отняты у нихъ Аксаками. Въ Б. Лѣтковцахъ числилось 5 тяглыхъ подданныхъ, 12 куничниковъ, бояръ 12 коней; въ М. Лѣтковцахъ или Колѣнцахъ 4 тяглыхъ. Еще ниже по Деснѣ „городище“ Рожны (Рожиновъ), у самой границы староства остерскаго съ кіевскимъ округомъ, достались въ 1575 г., вмѣстѣ съ значительною частью остерскаго староства, самозванцу, боярину Юрію Рожновскому, выдавшему себя за потомка князей Половцовъ изъ Сквиры Рожиновскихъ, древнѣйшихъ, яко-бы, владѣльцевъ этихъ земель; въ 1609 г. перешло отъ него къ Аксакамъ, противъ которыхъ съ 1613 г. выступили Яловицкіе, получившіе на это именіе королевскую жалованную грамоту. Въ 1628 г. Рожнами (6 дымовъ, 4 огор.), вмѣстѣ съ сосѣдней Дымеркой (2 д., 3 огор.) владѣетъ, въ числѣ другихъ, Марьянна Глѣбовичева кн. Корецкая. Около Боденковъ, на правомъ берегу Десны, Жукинъ Жукинскихъ имѣлъ въ 1628 г. 8 дымовъ. 2 огор.; Воропаевъ, принадлежавшій Стрибыламъ—7 д., 6 огор. Принадлежавшей ранѣе къ кіевскому замку Лютовой на Деснѣ выше Остра (2 огор.) владѣютъ въ это время уже Проскуры Сущанскіе. Далѣе, на правомъ берегу Дѣсны владѣнія кіевскихъ бискуповъ, тянувшіяся до черниговской границы; въ безспорномъ владѣніи ихъ находилось лишь с. Коропъ (9 огор.), такъ какъ Моровскъ былъ отнятъ еще въ 1594 г. къ Москвѣ и возвращенъ въ 1619 г. лишь по присоединеніи Черниговщины. Грунтъ Лукаревскій („островъ и боръ“) на лѣвомъ берегу Десны отданъ еще въ 1560 г. остерскимъ боярамъ Бѣликамъ,—отсюда и имя

позднѣйшаго поселенія Бѣлики. По сосѣдству съ послѣдними рядъ подобныхъ же боярскихъ грунтовъ, розданныхъ послѣ уніи самими старостами остерскими (Ратомскими). Таковы: Махница, доставшаяся въ 1583 г. воеводѣ Барановскому, Олбень—въ 1602 г. воеводѣ Грегоровичу, Озера у Десны—въ 1612 г. Яр. Броновицкому, Гаденовщина (Надиновка), у грунта Махницы, между Десной и Смолянкой—тогда-же Орловскому. „Почавши отъ Лютовы старыя остерскія границы идутъ р. Десной до р. Смолянки... Смолянкой до р. Остра и Остромъ внизъ до устья р. Дѣвицы и потомъ Дѣвицей до верховья ея у могилы Лусты... оттуда до Иваницкаго рога, гдѣ плоскій курганъ". (Арх. Ю. З. Р., VII. I, 345). По теченію Остра, къ востоку отъ замка, земля Козельцы только теперь начинаетъ заселяться; на притокѣ Остра Кобызчѣ, гдѣ въ 1597 г. находился грунтъ Уколъ, пожалованный Курцевичамъ, возникла Кобыздь. Грунтъ Козаръ выше по Остру до Смолянки переходитъ изъ рукъ въ руки: въ 1595 г. пожалованъ Ермолѣ Ходкевичу, въ 1603 г.—Песочинскимъ, въ въ 1611 г.—Олешкамъ, Мрынъ на Острѣ отданъ боярамъ Гирамъ; Носовка, южнѣе Мрына, отдавалась въ держаніе разнымъ боярамъ (въ 1594 г. Середамъ, въ 1596 г. Бѣликамъ и т. д.), вошла затѣмъ въ составъ владѣній самозваннаго кн. Рожиновскаго, а въ 1622 г. находится уже во владѣніи Аксаковъ. Дѣвица, восточнѣе Носовки (поздн. Володкова Дѣвица) на р. Дѣвицѣ (Новый Потокъ?), въ 1580 г. досталась Толкачамъ. Отъ плоскаго кургана по верхнему теченію Дѣвицы, гдѣ еще въ 1594 г. бояре обязаны были держать пограничную сторожу, граница староства направлялась къ югу „Иваницкой дорогой до впаденія Свидовца въ Супой" и затѣмъ внизъ Супоемъ до Володовой могилы. На востокъ отъ этой границы, по теченію верхняго Остра и притоковъ Сейма, тянулись пустоши, которыя начали заселяться лишь по присоединеніи Черниговщины съ Новгородъ-Сѣверскомъ. Въ южной полосѣ остерскаго староства до кіевской границы (линія р. Плоской Руды, притока Трубежа, верхней Басанки, Лисьей Долины, прит. Недры и до Волотовой могилы на верхнемъ Супоѣ) въ 1625 г. встрѣчаемъ лишь одно замковое мѣстечко Бобровицу (Бобровница) на рѣкѣ того же

имени, притокѣ Трубежа, основанное въ 1600 г., а въ 1616 г. имѣвшее уже 107 „домовъ осѣдлыхъ“ (Арх. Ю. З. Р., VII, I, 303), хотя въ тарифѣ 1628 г. показано тамъ всего 16 дымовъ и 8 огородниковъ; изъ позднѣйшихъ многочисленныхъ старостинскихъ слободъ теперь можно указать развѣ на Заворичи на Трубежѣ. Свитыльновъ на той же рѣкѣ и вновь возникшая Рудня на Данильвѣ, отошедшія отъ староства къ самозванцу Рожиновскому, становятся яблокомъ раздора между Еловицкими и Аксаками. Въ 1628 г. ихъ держатъ Аксаки, причемъ въ Свитыльновѣ показано дымовъ рыночныхъ 5, уличныхъ 8, убогихъ 22, въ Руднѣ—3 дыма. Впослѣдствіи тутъ возникаетъ особая волость площадью свыше 10 кв. миль. Къ востоку отъ Свитыльнова, по теченію Басанки и Недры, внѣ границъ собственно остерскаго староства, басанская волость пространствомъ до 7 кв. миль, доставшаяся послѣ разныхъ перипетій въ 1593 г. извѣстному кіевскому роду Ходыковъ Криницкихъ. Изъ поселеній этой волости въ 1628 г. упомянуты Басань Старая на Басанкѣ (дымовъ 7, огор. 8) и новое мѣстечко Басань на Недрѣ (20 д., 40 огор.).

Южнѣе остерскаго староства въ первоначальныхъ его границахъ тянулась по Трубежу и Рудѣ до Днѣпра область, стоявшая въ болѣе близкой связи съ Кіевомъ и обнимавшая нѣсколько волостей, преимущественно частновладѣльческихъ. Такова волость гоголевская между Рудой и Трубежемъ и на верхъ Старицней ѣ, площадью $7^1/_2$ кв. миль, принадлежавшая кн. Корецкимъ. Въ ней упомянуты въ 1628 г.: м. Гоголевъ (Хохоловъ) съ 6 домами и 5 огор.; Красне (Красиловка) съ 1 д. и 2 огор.; Плоска на Рудѣ съ 2 д. и 2 огор. и м. Русановъ съ 10 д. и 4 огор. и кромѣ того г. Старица. Далѣе на юго-востокъ, по верховьямъ Альты и по Трубежу, волость бориспольская (свыше 14 кв. миль) Жолкевскихъ (1610 г.), а затѣмъ Даниловичей (1630 г.). Въ ней упомянуты: г. Борисполь на Альтѣ съ 10 рыноч. дымами, 20 уличными, 40 убог., 3 ремесл. и 1 попомъ (1628 г.); г. Барышевъ на Трубежѣ—20 рын. дымовъ, 40 уличныхъ, 30 убог., 20 огор., 2 рем. и 1 попъ; поселенія Иванковъ на Альтѣ и Остролучи на Трубежѣ. По верхней Карани до

Днѣпра волость воронковская (свыше 10 кв. миль), принадлежавшая въ 1525 г. Лозкамъ подъ именемъ „земли Жеребятинской", а въ 1628 г.—Олизарамъ. Здѣсь уже находимъ значительное число поселеній: Рогозовъ на Альтѣ, Воронково на Иквѣ, Процевъ на Павловкѣ и Сальковъ ближе къ Днѣпру; на Карани Жеребятинъ и Сотниковъ (Созниковъ). На Днѣпрѣ, противъ Триполья, Койловъ (1628 г.), вмѣстѣ со Стайками собственность кн. Корецкихъ. Ниже на Карани владѣнія пустынскаго монастыря лежатъ впустѣ (1628 г.), какъ и Княжичи поближе къ Кіеву.

Переяславское староство обнимало нижнее теченіе Трубежа съ притономъ Недрою, почти все теченіе Супоя, верхнее теченіе Золотоноши и р. Чумгакъ до впаденія въ Оржицу, т. е. пространство свыше 100 кв. миль. Переяславъ, воздвигнутый на старомъ пепелищѣ въ 1585 г., уже десять лѣтъ спустя, по свидѣтельству Э. Лассоты, представлялъ собою крѣпкій городъ; въ 1616 г. тамъ отмѣчено 300 домовъ мѣщанскихъ „послушныхъ" и 700 козацкихъ. Староство не имѣетъ селъ, а лишь нѣсколько хуторовъ, занятыхъ большею частью козаками, которыхъ оказывалось больше, нежели „послушныхъ" подданныхъ, но и мѣщане также имѣютъ свои части въ этихъ козацкихъ владѣніяхъ. Къ старосту принадлежатъ мѣстечко Березань на Недрѣ и Яготинъ на Супоѣ—домовъ „послушныхъ" 50 и козаковъ 50, сидящее еще на „слободѣ" м. Гельмязовъ (Глемязовъ), основанное въ 1618 г. и имѣвшее въ разсматриваемую эпоху 40 домовъ „послушныхъ" и 100 козацкихъ, и новоустроенный Быховъ (30 д. посл. и 25 козац.). Яблоновъ, поселенный годомъ ранѣе, на Оржицѣ, имѣетъ уже домовъ посл. 50 и козац. 30. Отъ 1622 г. имѣемъ списокъ всѣхъ селъ или хуторовъ, принадлежащихъ къ этому старосту: Прыстромы, Волчково, Гланишово на правой сторонѣ Трубежа; Любаровъ, Скопцы, Войтово, Харково на Альтѣ; Стулпяки (Столпяги) на Карани; Каратула на Броваркѣ, къ востоку Стронова и Помоклое, южнѣе Юнище (Виннище), Городище и Цыбли; на Супоѣ с. Лисъ при Яготинѣ (Лѣсняки), далѣе Соснова, Денисова, Полежаи, Безпальцы, Калениково (Каленки); на Переводѣ Поповцы и нѣк.

др. Во всѣхъ этихъ поселеніяхъ въ 1622 г. числилось „подданныхъ послушныхъ“ 280, а козаковъ болѣе тысячи.

Къ югу отъ переяславскаго староства небольшая полоса по Днѣпру отъ устья Трубежа почти до устья Супоя (10 кв. миль) продолжала тянуть къ старостве каневскому. Въ 1622 г. тутъ упомянуты поселенія: Леплявы, Кереберды (Келеберда) и Прохорово. Рѣшотки къ югу держали уже козаки, а Бубновъ съ 8 дымами принадлежалъ въ 1628 г. Балакирамъ.

Ниже устья Супоя по Днѣпру до Орели тянулась Черкащина, значительно уменьшившаяся теперь въ объемѣ благодаря пореходу земель въ частныя руки. Огромный „грунтъ Домонтовскій“ (10 кв. миль) на нижнемъ Супоѣ и по среднему теченіи Золотоноши, старое владѣніе „Черкашанъ“ кн. Домонтовъ Мошенскихъ, въ началѣ XVII в. уже раздробился. Въ 1628 г. Домонтамъ принадлежитъ только м. Домонтовъ на Днѣпрѣ (20 дым., 7 огор.); Песчанную на Супоѣ (д. 6, огор. 5) держатъ Олексичи Герановскіе, а Золотоношу (11 д. 4 огор.) пополамъ тѣ-же Олексичи (съ Антиповкой—3 д.) и Халаимы. Къ востоку отъ домонтовской волости, по нижней Золотоношѣ, Кропивной и Ирклѣѣ, пространство до 30 кв. м. можно назвать Ирклѣевской частью староства. Въ 1616 г. встрѣчаемъ здѣсь два мѣстечка сидяшія на „слободѣ“: Арклѣй (Ирклѣй)—70 дом. посл., болѣе 300 коз. (въ 1622 г. д. посл. 50, коз. болѣе 400), Кропивну—30 д. посл. и 60 коз. (въ 1622 г. д. посл. 60, коз. болѣе 200) и слободу Богушевку на Золотоношкѣ (въ 1622 г. д. посл. 5, коз. 40) и нѣсколько хуторовъ поближе ко Днѣпру (1622 г.): Липовское, Желизково, Мутышино, Пищиково, Попово и Тараново (?).

У восточной грани переяславскаго староства вмѣстѣ съ ирклѣевскою частью, тянувшею къ Черкасамъ, на протяженіи 370 кв. миль находимъ Посулье, „Сиверу Сульскую“, нѣкогда пустынное владѣніе кн. Глинскихъ. Съ 1590 г. сторона эта досталась послѣ Байбузовъ кн. Вишневецкимъ. Почти три четверти этого пространства вошли въ составъ столь извѣстной Вишневеччины, представлявшей нѣчто въ родѣ удѣльнаго княжества. Условія возникновенія подобнаго владѣнія разъясняетъ

исторія эпохи, для географіи же достаточно указать на самый фактъ. Вишневеччина, тянувшаяся почти непрерывно, раздѣляла переяславскую и черкасскую королевщины пополамъ, обособляла миргородскій и т. д. округа отъ Переяслава и нарушала связь округовъ черкасскаго, кременчугскаго и др. съ ирклѣевскимъ. По актамъ 1618—1628 г.г. здѣсь насчитывается до 20 поселеній, въ томъ числѣ Лубны, Лукомль, Хоролъ, Лохвица, Ромень, Прилука, Пирятинъ. Большинство этихъ поселеній, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ, еще слабо заселены [1]), но уже и въ эту пору недавно лишь осѣвшіе тамъ люди снимались съ мѣста и двигались далѣе вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни, какъ можно судить изъ приведеннаго уже акта 1618 г. (наст. ст., Апр., стр. 100).

Въ противоположность Посулью, пространство свыше 400 кв. миль между Псломъ и Хороломъ состояло въ первой четверти XVII в. почти сплошь въ королевскомъ владѣніи. Оно распадалось на три округа, изъ которыхъ южный тянулъ къ Черкасамъ, а два другіе къ Переяславщинѣ. Отдѣленные отъ Переяслава владѣніями Вишневецкаго, эти два округа постепенно слились въ одинъ (до 225 кв. м.), который можно назвать миргородско-полтавскимъ. Округъ по нижнему Пслу, кременчугскій или лучше сказать голтвянскій (до 60 кв. миль), тянулся отъ Днѣпра за устья Хорола и Голтвы. Здѣсь упомянуты: Кременчугъ (Керменчукъ) на Днѣпрѣ при впаденіи Кагамлыка,—въ 1590 г. еще простое урочище, гдѣ предполагалось устроить замокъ „для подавленія окраиннаго своевольства“; далѣе на Пслѣ Омельникъ, Манджала (Манжелѣй) съ 4 дымами въ 1628 г., Городище на „слободѣ“ съ 22 домами въ 1622 г.; у устья Голтвы м. Голтва (Олтва) на „слободѣ“ (въ 1616 г. дом. посл. 30, коз. 200; въ 1622 г. дом. посл. 20, коз. 230). Округъ миргородскій по среднему теченію Хорола и Псла обнималъ едва 80 кв. миль. Новооснованный г. Миргородъ на

---

[1]) Подробныя данныя о Вишневеччинѣ см. въ ст. А. М. Лазаревскаго: „Лубенщина и кн. Вишневецкіе“ въ Кіевск. Стар. 1896 г., янв.—мартъ. Перечень поселеній—мартъ, стр. 222—228. Н. М.

Хоролѣ имѣлъ въ 1628 г. дымовъ рыночныхъ 20, уличныхъ 40, лавокъ 60; далѣе упомянуты Хомутецъ и Камышинка на Хоролѣ, Бѣлоцерковка, Богачка и Сорочинцы на Пслѣ. Округъ или „трактъ" гадяцкій по верхнему теченіи Псла съ притоками, пространствомъ до 90 кв. м., еще находится впустѣ, хотя самый Гадячъ упомянутъ уже въ концѣ XVI в. Здѣсь въ 1622 г. показана лишь новая слобода „на сарскомъ городищѣ" съ 10 домами, на Пслѣ, тянувшая однако къ Черкасамъ (Zr. dz., V, 133).

Пространство въ 280 кв. миль по теченію Ворсклы по прежнему представляетъ область почти исключительно охотничьихъ уходовъ. Но верхнее теченіе Ворсклы и земли по Мерлѣ и Коломаку, верховья Сулы и Псла уже отошли къ Москвѣ. Нижнее теченіе Ворсклы отъ Днѣпра до сенжарскаго перевоза на перекопскомъ „шляхѣ" осталось за Черкасами. Здѣсь владѣютъ грунтами по Ворсклѣ Проскуры Сущанскіе, Байбузы, Лучкевичи, Добранскіе. „Сиверомъ" по Ворсклѣ ниже Санжаръ и татарскаго шляха владѣетъ на ленномъ правѣ шляхтичъ Василій Меленинъ, потомки котораго уступаютъ впослѣдствіи свои права Потоцкимъ. Округъ по средней Ворсклѣ съ притоками Кагамлыкомъ и Коломакомъ, до 60 кв. миль, присоединенный къ переяславскому старосту, составлялъ какъ-бы дополненіе миргородскаго округа, отдѣленнаго владѣніями Вишневецкихъ. Его можно назвать полтавскимъ. Тутъ упоминаются лишь уходы, „сиверы", Полтава едва возникаетъ, въ Глинщинѣ также встрѣчаемъ только городища, могилы и уходы.

По Орели въ 1628 г. точно также упоминаются исключительно уходы и ни одного прочнаго населенія, а землями по Самарѣ владѣютъ запорожцы.

Вторая четверть XVII в. была для заднѣпровской Украины временемъ наивысшаго развитія колонизаціи и хозяйственнаго разцвѣта. На прежнихъ пустошахъ возникаютъ новые поселки, а въ старыхъ селидьбахъ возростаетъ число жителей. Но сѣверная и южная полоса Заднѣпровья и въ эту пору представляютъ свои особенности. Округа любецкій и печерскій (черниговскій), лучше заселенные въ прежнее время, представляютъ

сравнительно мало перемѣнъ. Въ Любеччинѣ почти всѣ оставшіеся за короной „земли", „острова", „пашни" и пр. уже розданы въ частныя руки еще Сигизмундомъ-Авг. и въ началѣ царствованія Сигизмунда III. Владиславу IV оставалось лишь подтверждать пожалованія своихъ предмѣстниковъ, такъ что изъ его собственныхъ „наданій" извѣстно лишь одно селище Плехово на верхней Пакулкѣ (Zr. dz., V, 198—208).

Во владѣніяхъ кіевскихъ монастырей по Днѣпру и нижней Деснѣ также не встрѣчаемъ въ это время новыхъ поселковъ, Поближе къ Кіеву возникаютъ Бровары; кромѣ того въ картѣ Боплана отмѣчены Позняки, вѣроятно гнѣздо кіевскихъ бояръ того-же имени, которые уже въ 1570 г. имѣли „свою осѣдлость въ трехъ миляхъ отъ замка" (Zr. dz., XX, 7).

Въ остерскомъ старостве, столь бѣдномъ передъ 1625 г., является теперь (1636 г.) немало новыхъ поселеній. Таковы „новыя слободы": Новый Острецъ близѣ замка, Наденовщина при устьѣ Смолянки, Козелецъ, Козары и Ржавецъ на Острѣ, Калета и Семиполки южнѣе Козельца, Сухины, Мостова Слобода, Заворичи и Мокрецъ на Трубежѣ, новая Бобровица рядомъ со старой на Бобровицѣ, Ярославка на Сагѣ, Красиловка и Гадановичева. У Боплана отмѣченъ еще Свидовецъ къ востоку отъ Бобровицы, на истокахъ Супоя. Бояръ, обязанныхъ военной службой, насчитывалось въ 1636 г. до 70, въ томъ числѣ Барановскій, Бѣликъ, Гира, Гломазда, Козорогъ, Лапа, Лось, Пальчикъ, Серкезовичъ, Сырай, Шеметенко, Тетера. Людей служебныхъ шляхетныхъ, владѣвшихъ грунтами въ остерскомъ старостве, указано 22 чел., между которыми есть несомнѣнные выходцы съ запада, каковы Бачинскій, Яцковскій, Барановскій, Кашовскій, Крушинскій, Кривицкій, 2 Ольшевскихъ, 2 Орловскихъ, 2 Завадзкихъ, Трембицкій, а изъ мѣстныхъ Брановицкій, Хмура, Одановичъ, Курцевичъ, Пулькевичъ, Сачко, основатель Козельца, Соболевичъ, двое Жукинскихъ. Заднѣпровскія владѣнія кіевской р. к. епископіи значительно расширились послѣ возвращенія Чернигова и отдачи епископамъ Моровска. Изъ за Наденовщины епископы ведутъ споръ съ остерскими старостами (Zr. dz., V, 221). Затѣмъ, вся пустынная во-

сточная окраина, по верхнему теченію Остра и въ Посемьи вообще, постепенно отпадаетъ отъ остерскаго староства, къ которому тянула ранѣе.

До деулинскаго перемирія тамъ встрѣчались лишь промысловые уходы, вольные для жителей обоихъ государствъ, но послѣ возвращенія Чернигова и Новгородъ Сѣверска эта сторона оживилась, почему пришлось точнѣе опредѣлить границу между Кіевщиной и Черниговщиной. Разграничительной коммисіи 1638г. было вмѣнено принять за правило, что старыя поселенія принадлежатъ къ Кіевщинѣ, а возникшія при Сигизмундѣ III—къ воеводству черниговскому (Vol. leg., III, 947). Такимъ образомъ всѣ новыя поселенія отъ самаго Нѣжина, т. е. Борзна, Батуринъ и пр., были приписаны къ Черниговщинѣ. Принадлежность Нѣжина къ послѣдней была признана впрочемъ еще въ 1625 г.; Мрынъ на Острѣ, Коморовка на Моловѣ и Гальчипъ въ 1627 г. пожалованы черниговскимъ доминиканамъ, а Носовка и Киселевка (на Острѣ) въ 1659 г. Гуляницкому (Vol. leg., IV, 649), причемъ указано прямо, что эти мѣстности находятся въ черниговскомъ воеводствѣ.—Южная полоса остерскаго округа по прежнему оставалась во владѣніи Аксаковъ (волость свитыльновская) и Ходыковъ Криницкихъ (вол. басанская). Къ Свитыльнову теперь тянутъ: Бобрики и Рудня на Данильвѣ, Богдановка, Дымерка и Рожевка (1651 г. Оп. кн. Кіев. Ц. Арх., кн. 20, № 26). Басань, послѣ отца Ост. Дашковича, вмѣстѣ съ Быковымъ переходиль изъ рукъ въ руки отъ Дублянскихъ къ кіевскимъ мѣщанамъ Кошколдовичамъ (1578 г.), отъ послѣднихъ—къ Кобызовичамъ Ходыкамъ (1593), назвавшихся Криницкими (отъ Криничъ на пр. бер. Днѣпра). Послѣ вмѣшательства въ дѣло о владѣніи этою полосою кн. Януша Острожскаго, старосты Переяславскаго (1605 г.), имѣніе раздѣлилось, Быковъ отошелъ къ старосту, а за Криницкими осталась только басанская волость (В. Антоновичъ, Моногр., I, 198), которою они и владѣли вплоть до руины.

Значительнѣе перемѣны въ южной полосѣ Кіевскаго Заднѣпровья. Гоголевская волость (Плоска, Старица, Красиловка, Гоголевъ и Русановъ) переходитъ въ 1651 г. къ Аксакамъ (въ

1640 г. она принадлежала еще кн. Марьяннѣ Корецкой). Владѣльцы Борисполя Даниловичи основываютъ Трибуховку и Дударовъ между Броварами и Борисполемъ (выпись изъ кн. кіев, трибунала, 1633 г.), на селищахъ Иваничи и Вольничи. Кромѣ извѣстныхъ уже ранѣе поселеній (Борисполь, Барышевъ, Иванковъ, Остролучи), въ бориспольской волости встрѣчаемъ теперь: Едловку, Рудницкое, Нов. Остролучи, Селище, Хлопковъ, Дерновку на правой сторонѣ Трубежа; Старицу, Сезанковъ, Пасѣчну на лѣвой; южнѣе, за Альтой — Глубокое. Кромѣ того, упомянуты Юрковцы или Юшковцы, Тебліевка, Жабокрики, Костино, нынѣ или исчезнувшія или измѣнившія имена (1631 г. Опис. кн. кіев. центр. арх. кн. 14, № 639; выпись 1631 г. изъ кн. кіев. триб.). Волость воронковская переходитъ отъ Лозковъ къ Олизарамъ Волчковичамъ и Красинскимъ. Къ прежнимъ поселеніямъ (Воронковъ, Жеребятинъ и др.) прибавились теперь Софіевка на Павловкѣ, Краснополь на Карани; еще въ 1640 г. упоминаются старинныя городища въ этой волости, Басурманское и Ярославское, а на Калаурахъ возникла даже въ 1629 г. „новоя слобода“ Калауровская (Опис. кн. Кіев. Ц. Арх., № 17).

Границы переяславскаго староства, между Трубежемъ и Супоемъ, не измѣнились, но мѣстность стала люднѣе. Переяславъ, пользовавшійся магдебургіей, значительно поднялся. По свидѣтельству Боплана, это былъ въ ту пору одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ въ Украинѣ, имѣвшій до 6000 домовъ; тамъ стоялъ козацкій полкъ. Въ 1633 г. Владиславъ IV подтвердилъ привилегіи кор. Стефана и сверхъ того на вѣки освободилъ мѣщанъ отъ доставки селитры въ Кіевъ и явки въ обозъ, за исключеніемъ посполитаго рушенья, когда войтъ съ хоругвью обязанъ былъ выступить при королѣ конно и оружно. Былъ въ Переяславъ и іезуитскій коллегіумъ, основанный старостой Лукашемъ Жолкевскимъ; особая администрація по селитреннымъ угодьямъ, которыя сдавались въ аренду обыкновенно самимъ старостамъ, учреждена была еще со времени кн. Януша Острожскаго, каштеляна Краковскаго, „державцы администраціи селитръ украинскихъ“ (Zr. dz., V, 221). Собственно къ

Переяславу тянули мѣстечки Березань, Быковъ и Яблоновъ, село Чумгакъ на притокѣ Оржицы Чумгакѣ, Крукполь на Недрѣ и Краснополь на Карани. Въ 1644 г. Чумгакъ уже именуется мѣстечкомъ (Вып. изъ кн. триб. кіев.). Кромѣ извѣстныхъ уже въ первой четверти XVII в. поселеній, Бопланомъ упомянуты еще: Искринъ на нижней Альтѣ, Козинцы на Трубежѣ ниже Переяслава, Козловъ, Лецки, Поголовское (Вергуны) на Броваркѣ, Хацки, Ташань и Жерноклевы на Супоѣ, Ничиповка у истоковъ Чумгака, Круподеринцы у его устьевъ, Денисовка, Савинцы и Золотухи на Оржицѣ.

Въ заднѣпровской части каневскаго округа послѣ 1625 г. перемѣнъ мало. Къ прежнимъ населеніямъ присоединилась лишь одна—Рѣшотки на Днѣпрѣ, которыя держали ранѣе козаки. Изъ-за Прохорова, ниже по Днѣпру, возникъ въ 1636 г. споръ между каневскимъ старостою Самуиломъ Лащемъ и ректоромъ переяславскаго іезуитскаго коллегіума Стан. Броновскимъ, который ссылался на даръ коллегіуму Лукаша Жолкевкевскаго, старосты переяславскаго, миргородскаго и пр. (Źr. dz., V, 220).

Значительно иначе обстояли дѣла на черкасскомъ побережьи Днѣпра, ниже Супоя. Въ Золотоношѣ къ 1645 г. уже числилось 273 „хозяйства“, въ Песчаной 230, Домонтовѣ 243; мельницы этихъ поселеній имѣли 23 постава. Боплань упоминаетъ сверхъ того о Драбовцахъ на р. Золотоношѣ. Для ирклѣевскаго округа черкасскаго староства не сохранилось положительныхъ данныхъ о движеніи колонизаціи. У Боплана, кромѣ извѣстныхъ уже ранѣе, встрѣчаемъ: Панское на Днѣпрѣ, Самовица по близости и Крупское на р. Кропивной.

Для Посулья сохранилась подробная опись имѣній Іереміи Вишневецкаго, изданная Ал. Пжездзѣцкимъ (Podole, Wołyń, Ukraina. Wilno, 1841. I, 41—44), гдѣ состояніе этой стороны рисуется въ самомъ блестящемъ видѣ относительно численности населенія, сравнительно съ недавнимъ еще состояніемъ маетностей. Если и будетъ доказано, что данныя этого списка неточны, то реестры войска запорожскаго 1649 г. (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1876 г.) несомнѣнно подтверждаютъ, что къ концу

первой половины XVII в. побережья Сулы и его притоковъ перестали уже быть той пустыней, о которой говорятъ акты конца XVI в. [1]).

Миргородскій округъ почти выдѣлился уже изъ староства переяславскаго, почему и староство именуется переяславскимъ и миргородскимъ. Селитренное производство играло здѣсь еще бо́льшую роль, нежели собственно въ Переяславщинѣ. Къ „селитренной администраціи" принадлежатъ два главныя поселенія округа—Миргородъ и Полтава (еще на „слободѣ"). Привилегіей Владислава IV администраціи назначены „урочища" для заселенія, т. е. мѣстечко Гадячъ съ окрестностями, а именно: Каменное на Пслѣ выше Гадяча, Сары, Рашова, Лютынка, Зиньковъ, Бѣльскъ и Глинскъ; всѣ эти урочища только начинаютъ заселяться въ 1636 г., а вслѣдъ за ними возникаютъ и другіе поселки. Колонизаціонное движеніе, какъ видно, ширилось независимо и въ ущербъ коронным владѣніямъ; люстраторы 1636 г. недаромъ указываютъ (намекая главнымъ образомъ на кн. Іер. Вишневецкаго), что возникло много новыхъ поселковъ на присвоенныхъ изъ корониаго владѣнія земляхъ, и рекомендуютъ старостѣ какъ можно скорѣе озаботиться возвращеніемъ захваченнаго (Zr. dz., V, 214 сл.). Современный поэтъ Андрей Морштынъ въ „Каникулѣ" (1647 г.) характеризуетъ Ворсклу тѣмъ, что она „течетъ среди селитренныхъ гадяцкихъ селидебъ." Въ 1646 г. Гадячъ, пожалованной Александру Конецпольскому, былъ присвоенъ кн. Іереміей. Рогачка на Пслѣ и Бѣлоцерковка пожалованы въ 1650 г. Голубамъ. Изъ за стараго „сивера" по средней Ворсклѣ, т. е. Глинщины съ городищами Глинскомъ и Бѣльскомъ, ведется въ 1640 г. споръ между Проскурами Сущанскими и кн. Іереміей, Анной Гербуртовой Жолкевской и Стан. Конецпольскимъ (Вып. изъ кн. кіев. триб.); между тѣмъ, эти самыя „городища пустыя" еще въ 1632 г. пожалованы были въ собственность Мировицкимъ (Арх. Ю. З. Р., VI, I., № 151). Точно также „слобода пустая" Полтава отдана въ 1630 г.

[1]) Не приводимъ здѣсь списка Пшездзѣцкаго, такъ какъ г. Лазаревскимъ возбуждены серьезныя сомнѣнія въ его достовѣрности. См. Лубенщина и пр., Кіев. Стар., 1896 г., Мартъ, 343 сл. Н. М.

Обалковскимъ (Кор. Метр., кн. 178, л. 29), а въ 1641 г. это уже городъ, принадлежащій Ал. Конецпольскому (Акты Ю. и З. Р., III, 54). У Боплана сверхъ того отмѣчены: на верхнемъ Пслѣ—Плешивецъ, Кнышевка и нѣсколько въ сторонѣ Олешня, Борки на Груни, Шивраки ниже Сорочинецъ, Балаклея ниж-Бѣлоцерковки; на Ворсклѣ Опошня выше Полтавы и далѣе, среди лѣсныхъ пущъ, даже Ахтырка. Укажемъ еще, что „владѣнія по р. Хоролу“ въ 1649 г. были присуждены кн. Іереміи въ вознагражденіе за утраченный Недригайловъ на верхней Сулѣ (Vol. leg., IV, 286), а владѣнія „Гадяцкая и Миргородская“ въ 1661 г. (временно) пожалованы Юрію Хмельницкому (тамъ-же, л. 766).

Не менѣе значительное развитіе колонизаціи замѣчается и въ черкасскомъ лѣвобережномъ округѣ по нижнему Пслу и Ворсклѣ и на Орели. Кременчугъ („нѣкогда мѣстечко“) еще въ 1636 г. былъ „пустымъ полемъ“ (Zr. dz., V, 226) во владѣніи Рудскихъ; Бопланъ засталъ здѣсь лишь развалины стараго замка (керменъ, керменчукъ) и въ 1635 г. намѣтилъ тамъ крѣпость; въ 1647 г. онъ именуется уже городомъ, во владѣніи Потоцкихъ (Опис. кн. Кіев. Ц. Арх., кн. 19. № 552). Въ 1639 г. Станиславу Потоцкому пожалована на ленномъ правѣ Максимовка на Быстрикѣ, западнѣе Кременчуга, слободки Бужинъ и Вороновка. Въ 1647 г. Потоцкимъ, кромѣ Кременчуга и Максимовки, принадлежали еще и другія поселенія (Опис. кн. Кіев. Ц. А., кн. 19, № 552; кн. 20, № 71), Кромѣ извѣстныхъ уже Власовки, Новаго Потока, Броварокъ, Омельника, Манджалы (Манжелѣя), Голтвы, Остапова, Рѣшетиловки, принадлежавшихъ къ королевскимъ имѣніямъ (въ 1640 г. ихъ держитъ Ст. Гурскій—вып. изъ кн. триб. кіев.), находимъ у Боплана Зайчинцы, Биляки, Радоловку, Зубаны, Федоровку на нижнемъ Хоролѣ и Градижскъ на Гирманѣ.

„Сивера“ на нижней Ворсклѣ, отъ устья до Санжарскаго перевоза, принадлежавшая ранѣе наслѣдникамъ козака низоваго и землянина Омельяна Ивановича (пожалованье Сиг. Августа 1571 г.), теперь присуждена, очевидно ad male narrata, въ нарушеніе правъ владѣльцевъ, Станиславу Гурскому, позже

старостѣ кагарлыцкому. Въ 1643 г. Гурскій уступаетъ свои права на это имѣніе Немиричамъ, а потомки Омельяна Ивановича—Потоцкимъ. Верхъ одержали Немиричи, которымъ въ 1648 г. принадлежитъ весь кобеляцкій округъ. Здѣсь упомянуты: Переволочна, Кишинъ, Кобыляки, Бѣликовъ Бродъ, Санжаровъ (Чт. Общ. Нест. Лѣт., VIII, 86; опись кн. Кіев. Ц. А., кн. 21, № 9). Тѣмъ не менѣе, въ 1636 г. „Билиполь мѣстечко“ и „Санджаровъ“ указаны (Źr. dz., V, 224) какъ королевскія имѣнія, принадлежащія къ черкасскому старосту.

Земли по Орели, находившіяся ранѣе въ пользованіи Орельскихъ и др., тоже достаются Ст. Гурскому, который повидимому уступилъ ихъ въ 1643 г. Немиричамъ разомъ съ нижнимъ теченіемъ Ворсклы. Немиричамъ принадлежатъ здѣсь: с. Орли (Орликъ), р. Орель съ Орчикомъ и Берестовой (Опис. кн. К. Ц. Арх., кн. 21, № 9). У Боплана отмѣченъ Константиноградъ (?) на притокѣ Орели Бурчакѣ.

Теченіе Самары неизмѣнно находится въ распоряженіи низоваго козачества, не смотря на устройство Кодацкой крѣпости.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. А. БЕРШАДСКІЙ.

(Некрологъ).

23 февраля вечеромъ въ С.-Петербургѣ, скончался проф. университета С. А. Бершадскій. Потеря его особенно тяжела для науки, потому что покойный С. А. принадлежалъ къ числу немногихъ даровитыхъ изслѣдователей литовско-русскаго права. Смерть постигла его въ періодъ наибольшаго развитія человѣческихъ силъ: ему было всего лишь 45 лѣтъ; онъ могъ бы еще долго работать съ пользой для избранной науки. Много вопросовъ для разработки было имъ намѣчено; нѣкоторые, обѣщавшіе быть весьма цѣнными, изслѣдованія и матеріалы даже начаты были печатаніемъ,—и все это теперь прервано неумолимымъ рокомъ. С. А. принималъ участіе и въ „Кіев. Стар.“, напечатавъ въ ней свое изслѣдованіе [1]).

С. А. Б—ій родился въ 1850 г. Предки его по отцу принадлежали къ духовному званію, предки по матери—къ козачеству. Семейныя преданія старины о жестокой борьбѣ козачества съ поляками и евреями и впечатлѣнія дѣтства, проведеннаго на югѣ Россіи, въ Елисаветградѣ и Керчи, возбудили въ немъ тѣ вопросы, разрѣшенію которыхъ была посвящена его короткая жизнь. Въ 1868 г. онъ окончилъ Керченскую гимназію, а въ 1872 г. Новороссійскій у—тъ, гдѣ и оставленъ былъ стипендіатомъ для приготовленія къ профес. званію по каѳедрѣ государств. права; руководство занятіями С. А. было поручено

[1]) „Аврамъ Езофовичъ Рѳбичковичъ“ (1888 г. № 9—12).

проф. Пригарѣ; послѣ смерти его С. А. былъ командированъ въ Спб. доканчивать приготовленіе подъ руководствомъ проф. Градовскаго; тамъ онъ началъ чтеніе лекцій по энциклопедіи и исторіи философіи права сначала какъ приватъ-доцентъ, а съ 1883 г., по полученіи магистерской степени, какъ штатный доцентъ; кромѣ того, онъ преподавалъ энциклопедію права въ военно-юридической академіи и исторію русскаго права въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ; въ 1884 г. онъ былъ возведенъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора, въ каковомъ оставался до конца своей жизни.

Ученые труды С. А. Б—аго могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1-я, бо́льшая, касается еврейскаго вопроса и 2-я, меньшая—вопросовъ литовско-русскаго права. Мы не будемъ касаться работъ С. А. по исторіи права, потому что они частью входятъ въ исторію евреевъ, напр. государственное и общественное устройство Литвы, финансовое управленіе ея и проч. (гл. V-я), частью еще только начаты, напр., по исторіи внутренняго устройства и правовыхъ отношеній Литовской Руси съ XIV по XVI в.—С. А. собралъ для этой работы очень цѣнный и многочисленный матеріалъ, издаваемый Спб. археографической коммиссіей и почти уже доведенный до конца, но изслѣдованія этого матеріала не успѣлъ сдѣлать.

Можно упомянуть еще напечатанный въ „Чтеніяхъ Москов. общ. истор. и древностей“ его разборъ соч. М. Любавскаго: „Областное дѣленіе литовско-русскаго государства“ и статьи въ Журн. Мин. Народ. Просв. „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому статуту“. Въ 1-й группѣ наиболѣе важнымъ трудомъ является магистерская диссертація С. А. „*Литовскіе евреи*“—исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи (1388—1569 гг.).

Приступая къ изслѣдованію своего предмета, С. А. спрашиваетъ: „Въ чемъ сущность еврейскаго вопроса? Почему онъ живетъ до нашего времени? Почему евреи до сихъ поръ инородцы, а не русскіе граждане? Въ чемъ причины натянутыхъ отношеній между евреями и не евреями на сѣверо и юго-западѣ нашего отечества? Въ чемъ сила еврейства? Гдѣ причины

его экономическаго преобладанія?“ [1]) С. А. не удовлетворился существующими готовыми объясненіями и отвѣтами на эти вопросы. Онъ ищетъ разрѣшенія ихъ въ наукѣ, потому что „современная наука, говоритъ онъ, гораздо осмотрительнѣе въ своихъ выводахъ и гораздо болѣе склонна тѣ или другія особенности соціальныхъ явленій ставить въ зависимости отъ условій, при которыхъ онѣ возникаютъ,—отъ степени культуры народа, его экономическаго развитія, характера собственности и т. п., чѣмъ отъ расовыхъ или поземельныхъ его свойствъ. Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока психологія человѣка и психологія народовъ не станутъ на болѣе твердую почву, мы не имѣемъ права отыскивать темныя или свѣтлыя стороны національнаго характера въ физіологическихъ его особенностяхъ, а должны направить наши изысканія на историческую почву“. И С. А. Б—ій приступилъ къ собиранію историко-юридическаго матеріала, послѣ того какъ „изученіе русскаго законодательства и русской литературы о евреяхъ привело его къ убѣжденію, что для разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ необходимо захватить ихъ въ самый моментъ зарожденія“. Такимъ моментомъ изслѣдователь считаетъ XIV вѣкъ, когда „въ Литвѣ мы не встрѣчаемъ еще ни малѣйшихъ слѣдовъ консолидаціи евреевъ“, ибо въ XV в.—„присутствуемъ при ея зарожденіи, видимъ причины, вызывающія ее къ жизни, видимъ мѣры правительства, способствующія ея укрѣпленію. Въ XVI в.—среди разлагающагося общества крѣпнетъ еврейское единство подъ сѣнію быстро водворившагося талмуда. Въ XVII в.—отдѣльный еврей растаиваетъ въ еврейскомъ единствѣ, подчиняется безусловно его непремѣнной волѣ. Около половины XVII в. еврейское единство достигаетъ своего апогея. Козацко-шляхетскія войны наносятъ ему жестокій ударъ: XVIII в. наполненъ борьбой между просыпающимся индивидомъ-евреемъ и вѣковою кагальною властью“.

Такова въ краткихъ словахъ исторія западно-русскихъ евреевъ, переданная нами словами самого изслѣдователя. Но для

[1]) Слова, обозначенныя кавычками, безъ указанія мѣста заимствованія, взяты нами изъ соч. и статей покойнаго С. А. Б—аго.

детальной разработки мало силъ одного человѣка, и С. А. ограничиваетъ свою задачу „открытіемъ первыхъ зачатковъ еврейской консолидаціи въ Литвѣ и уясненіемъ причинъ, вліявшихъ на ея укрѣпленіе и развитіе".

Для выполненія поставленной себѣ задачи С. А. собралъ два тома „Документовъ и регестъ къ исторіи евреевъ". Матеріалъ этотъ былъ извлеченъ имъ изъ книгъ литовской метрики и центральныхъ архивовъ въ Кіевѣ и Вильнѣ и потребовалъ затраты 4-хъ лѣтъ усидчиваго труда. Онъ состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 1,000 актовъ; въ „документы и регесты" вошло до 700 актовъ; остальные послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ С. А. по еврейскому вопросу.

Собранный и изслѣдованный С. А. матеріалъ въ предѣлахъ его задачи, т. е. выясненія причинъ зарожденія и развитія еврейской консолидаціи, привелъ его къ слѣдующимъ выводамъ: Люблинская унія 1569 г. и вызванныя ею измѣненія въ общественной жизни служатъ временемъ перелома и въ жизни евреевъ. До Люблинской уніи, когда господствовала равноправность, личная и имущественная неприкосновенность, свобода совѣсти и религіозная вѣротерпимость, евреи сливаются съ массой христіанскаго населенія, не отличаясь отъ нея ни въ языкѣ, ни въ занятіяхъ ремеслами и земледѣліемъ; изданный въ 1495 г. великимъ княземъ Александромъ Казимировичемъ указъ о томъ, чтобы всю „жидову зъ земли вонъ выбити", является по мнѣнію С. А. актомъ „внезапнымъ", вытекавшимъ повидимому изъ религіознаго прозелитизма, а въ сущности вызванный желаніемъ пополнить княжескую казну конфискаціей еврейскаго имущества и способствовать развитію городовъ, устранивъ еврейскую конкуренцію. Въ 1503 году этотъ указъ самимъ же княземъ Александромъ былъ отмѣненъ, и евреямъ снова позволено было селиться въ Литвѣ. Послѣ Люблинской уніи условія жизни измѣнились: исключительный сословный характеръ польскаго общественнаго строя, преобладаніе шляхты и фанатическій религіозный прозелитизмъ разрушили установившіяся спокойныя отношенія народностей въ Литовской Руси и внесли въ ея дальнѣйшую жизнь много печальныхъ явленій;

они повліяли и на судьбу литовскихъ евреевъ; лишенные права владѣть поземельною собственностью, какъ лица не дворянскаго происхожденія, евреи должны были столпиться въ городахъ и заняться исключительно торговлей и другими городскими промыслами; подъ вліяніемъ господствовавшей сословной исключительности, они должны были, въ свою очередь, составить обособленную, изолированную отъ остального населенія, группу, сплотиться въ своихъ общинахъ и вступить въ ту экономическую борьбу съ остальнымъ населеніемъ, которая вызвала страшный погромъ ихъ въ 1648 г. и позднѣйшія за нимъ и которая къ концу прошлаго столѣтія доставила, однако же, евреямъ побѣду надъ христіанами, и, какъ замѣчаетъ С. А.,—„въ рукахъ этого (т. е. еврейскаго) населенія находилась вся промышленность и торговля Литвы".

Яркимъ историческимъ примѣромъ этой же борьбы является трехвѣковая борьба виленскихъ мѣщанъ съ евреями, живо изображенная С. А. въ другомъ его трудѣ: въ „*Исторіи вилен. евр. общины*". Главные моменты этой борьбы изображены С. А. Б—мъ въ слѣдующихъ словахъ.

Великіе князья Литовскіе, подобно своимъ западнымъ сосѣдямъ, жалуя привилегіи на *магдебургское*, *любское*, *тротское* и *хелмское* право и устанавливая въ предѣлахъ города опредѣленныя ярмарки и базарные дни, въ то же время воспрещали производство торговли всѣми товарами, кромѣ сырья,—всѣмъ лицамъ, кромѣ мѣщанъ,—повсюду, кромѣ городовъ. Эти правила были равно обязательны для всѣхъ классовъ населенія, а потому волей-неволей приходилось покупать всякому и всѣ предметы обихода только въ городѣ и только у мѣщанъ. Естественно, что шляхта съ глубокимъ негодованіемъ смотрѣла на мѣщанскія привилегіи. Отмѣнить совсѣмъ магдебургское право, шляхта, однако, не рѣшалась. Поэтому она выступаетъ не съ требованіемъ отмѣны этого права, а съ требованіями свободы торговли и промысловъ вообще. Монополіи отмѣняются въ Польшѣ конституціей 1567 г., а свобода торговли провозглашается на сеймѣ 1633 г.

Однако, законодательное признаніе этихъ великихъ принциповъ не должно вводить насъ въ заблужденіе—свобода должна была существовать только въ интересахъ шляхты.

Для осуществленія же этой свободы торговли и промысловъ нуженъ былъ готовый уже торгово-промышленный классъ, способный вступить въ борьбу съ магдебургскимъ мѣщанствомъ. Такимъ готовымъ элементомъ явились евреи. Они явились въ Литву не съ пустыми руками: съ ними денежные капиталы и вѣковой опытъ торгово-промышленной жизни въ культурныхъ странахъ Европы.

И въ то время, когда мѣщане, опираясь на свои привилегіи, не считаютъ нужнымъ справляться съ измѣняющимися теченіями общественной жизни, евреи постоянно зондируютъ почву, постоянно стараются связать свои интересы съ интересами преобладающихъ общественныхъ силъ. Такъ, въ 1593 г. они получаютъ привилегію, по ходатайству магнатовъ, для которыхъ поселеніе евреевъ и производство торговли въ принадлежащихъ магнатомъ домахъ, а равно и продажа этихъ домовъ, обѣщали значительные выгоды. Въ 1633 г. изъ-за евреевъ выступаетъ мелкая шляхта, получившая значеніе въ государствѣ. Въ 1549 г. евреи вступаютъ въ близкія отношенія къ монашескимъ орденамъ, въ руки которыхъ, съ обученіемъ шляхты и управленіемъ ея совѣстью, переходитъ и направленіе всей внутренней политики польско-литовскаго государства. Надъ тѣмъ, какія послѣдствія для городовъ произойдутъ изъ такого законодательства, шляхта не задумывалась.

На этомъ столкновеніи началъ монополіи и связанныхъ съ нею мѣщанскихъ обязанностей и началъ ничѣмъ неограниченной конкуренціи, коренятся всѣ перипетіи борьбы виленскихъ мѣщанъ съ виленскими же евреями. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, удивительно не то, что евреи водворяются въ Вильнѣ, а скорѣе удивительно, что водвореніе ихъ идетъ такими тихими шагами. Медленно отступаютъ мѣщане, защищая потерянное дѣло. Каждый шагъ уступаютъ они съ боя; но основы всей мѣщанской жизни г. Вильны были безповоротно подкопаны.

Кромѣ *Вилен.* евр. общины, С. А. далъ очерки по исторіи львовской и люблинской общинъ.

Отъ общихъ вопросовъ по исторіи литовскихъ евреевъ С. А. обращался и къ болѣе частнымъ; такъ, напр., онъ охарактеризовалъ двухъ братьевъ Езофовичей, Абрама и Михеля, живших и дѣйствовавшихъ въ концѣ XV и началѣ XVI вв. Братья представляютъ собою рѣзкую противоположность, живо очерченную авторомъ. Характеристика Абрама Езофовича была сдѣлана С. А. послѣ появленія статьи объ этомъ лицѣ г. Вольфа. Невѣрность изображенія Езофовича, выдаваемаго г. Вольфомъ за еврея, и искаженіе другихъ фактовъ его жизни привели С. А. „въ глубокое изумленіе". Онъ рѣшился возстановить истину. Абрамъ Езофовичъ, по изслѣдованію С. А., хотя и былъ по происхожденію евреемъ, но очень рано, еще до изгнанія евреевъ изъ Литвы въ 1495 г., принялъ христіанство и при томъ не ради выгодъ, а по глубокому убѣжденію, о чемъ свидѣтельствуетъ его дальнѣйшая жизнь; постепенно повышаясь въ служебной іерархіи, Абр. Езоф. достигъ, наконецъ, высокаго поста земскаго подскарбія (т. е. министра финансовъ) въ вел. княжествѣ Литовскомъ и сдѣлался членомъ „Рады". Достигнувъ этого поста, онъ совершилъ крупную и полезную реформу земскаго скарба: „произвелъ объединеніе государствен. поступленій, устранилъ путаницу въ распредѣленіи суммъ, установилъ правильную систему расходованія; однимъ словомъ устроилъ для Литвы 16 в. единство кассы". Кромѣ того „онъ провелъ принципіальное различіе между государственными доходами вел. княжества и частными доходами вел. князя, замѣнилъ натуральные платежи денежными, передалъ судебные доходы въ руки вел. князя, упорядочилъ монетное дѣло, замѣнилъ систему откуповъ системою управленія". Однако, свои личные интересы Езофовичъ никогда не ставилъ на первый планъ: „онъ начинаетъ и оканчиваетъ свою службу, жертвуя своими личными выгодами выгодамъ вел. князя,—какъ въ 1507 г. онъ отказывается отъ реализаціи въ свою пользу убыточныхъ для казны откуповъ, такъ точно въ 1519 г. онъ поступается вел. князю обезпеченіемъ своихъ долговъ на брестской таможнѣ, предпочитая вел.-кня-

жеское слово солидному реальному обезпеченію". Лучшей похвалой Езофовичу служатъ слова, сказанныя королемъ Сигизмундомъ въ день принесенія Альбрехтомъ Бранденбургскимъ ленной присяги: „вспомнили мы, говоритъ король, о доблести и талантахъ вельможнаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго,... который неустанно старался служить благу и своего государя, и вел. княжества Литовскаго.

Совершенно инымъ является братъ Абрама—Михель Езофовичъ. Онъ всегда былъ евреемъ, купцомъ и откупщикомъ таможенныхъ и всякихъ другихъ пошлинъ въ Литов. княжествѣ. Богатства его настолько были велики, что онъ могъ оказывать весьма цѣнныя услуги королевской казнѣ; за эти услуги король возвелъ Михеля въ шляхетское достоинство со всѣмъ его потомствомъ и назначилъ *„старѣйшиной"* всѣхъ литовскихъ евреевъ, предоставивъ ему право высшаго суда и ходатайства предъ королемъ по всѣмъ еврейскимъ дѣламъ. Не смотря на свое высокое положеніе, Михель, говоритъ С. А., „съ такимъ же упорствомъ, до послѣднихъ дней своихъ, отстаиваетъ всякую арестованную за промытъ „штуку" воску, съ какимъ обиженные ее отыскиваютъ". Но Михель не только дѣлаетъ обороты товарами, „онъ не прочь и отъ операцій, сильно напоминающихъ ссуды подъ пенсіонныя книжки; такъ напр., онъ получаетъ отъ короля право дѣлать ссуды офицерамъ королев. войска подъ обезпеченіе слѣдуемаго имъ жалованья".

Отъ изученія отдѣльныхъ лицъ въ еврействѣ С. А. обращался и къ изученію массы. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на то странное явленіе, что, не смотря на собираніе и научную разработку миѳовъ, преданій, сказокъ, легендъ и проч. у всѣхъ европейскихъ народовъ и даже дикихъ племенъ другихъ частей свѣта, до сихъ поръ не сдѣлано собранія миѳовъ, преданій, сказокъ, легендъ въ средѣ еврейскаго народа, а между тѣмъ такое собраніе могло бы дать большой матеріалъ „для освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ прошлаго въ жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ пребывали евреи въ теченіе своего многовѣковаго скитальчества по европейскому материку". Поэтому С. А. взялъ на себя трудъ изслѣдовать одну легенду объ

избраніи въ польскіе короли Шауля Юдича Валя изъ Бреста. Древнѣйшая форма этой легенды такова. Когда умеръ Стефанъ Баторій, то польскіе паны собрались въ назначеный день для выбора короля. „По установившемуся обычаю, король долженъ быть избранъ непремѣнно въ назначенный для того день. Когда послѣ первыхъ предложеній выяснилось, что достигнуть соглашенія трудно, а день склонялся уже къ вечеру, то паны пришли къ мысли выбрать въ короли на одну ночь Шауля Валя, чтобы исполнить законъ; получивъ въ свои руки государственныя книги и печать, онъ внесъ въ нихъ нѣсколько грамотъ, предоставляющихъ льготы евреямъ". Пересмотрѣвъ акты Литов. Метрики, С. А. пришелъ къ заключенію, что Шауль Юдичь Валь, подобно Михелю Езофовичу, былъ арендаторомъ доходовъ Брестскаго замка и таможни; по его ходатайству евреи освобождаются отъ торговыхъ пошлинъ съ мелочнаго торга, отъ платежа судеб. пошлинъ и „стараго мыта". Оказанныя Шаулемъ Валемъ услуги еврейству высоко цѣнились имъ и впослѣдствіи стали даже приписываться ему; отсюда то и сложилась легенда о царствованіи еврея.

Въ послѣдніе годы С. А. приступилъ къ изученію положенія евреевъ послѣ раздѣловъ Польши и присоединенія къ Россіи. „Первымъ памятникомъ законодательной дѣятельности русской государственной власти, которымъ правительство поставило своей политикѣ по отношенію къ евреямъ совершенно ясныя и опредѣленыя задачи, является несомнѣнно „Положеніе о евреяхъ 1804 г." Изслѣдуя этотъ законодательный памятникъ и его основанія, С. А. пришелъ къ заключенію, что онъ не является плодомъ самостоятельнаго изученія въ Россіи еврейскаго вопроса, а заимствованіемъ одного изъ тѣхъ проектовъ, какіе въ большомъ количествѣ писались въ Польшѣ въ концѣ прошлаго вѣка, именно—положеніе 1804 года дословно повторяетъ проектъ Скарбовой коммиссіи 1788 г. Но какъ положеніе, такъ и прототипъ его показываютъ совершенное непониманіе причинъ обособленія евреевъ и средствъ къ ихъ улучшенію. Сила кагала не только не была ослаблена, но, напротивъ, увеличена особенно въ положеніи 1835 г. „Любой Литовскій староста, замѣ-

чаетъ С. А., не нашелъ бы ничего новаго въ этихъ §§ положенія 1835 г.". „Со второй половины царствованія импер. Александра I законодательство наше все сильнѣе и сильнѣе стремится создать рядъ замкнутыхъ, обособленныхъ обществен. круговъ, раздѣленныхъ между собою непереходимыми границами.

Сословіе отдѣляется отъ сословія, вѣдомство отъ вѣдомства, управленіе отъ управленія. У всякаго свои спеціальные интересы, свои права, свои учрежденія.

Для всѣхъ этихъ разрозненныхъ сословій нѣтъ общихъ правъ и общаго суда, общихъ податей и повинностей, нѣтъ никакого общаго дѣла.

Странно было бы требовать, чтобы въ такой общественной обстановкѣ евреи представляли исключеніе".

Кромѣ разсмотрѣнныхъ работъ С. А. по еврейскому вопросу, напомнимъ еще его статьи о кагалѣ, о первыхъ оффиціальныхъ ещиботахъ въ старинной Польшѣ, и рядъ другихъ очерковъ по новымъ документамъ изъ исторіи евреевъ въ Польшѣ. Во всѣхъ этихъ работахъ С. А. старается оставаться строго безпристрастнымъ; онъ не скрываетъ некрасивыхъ и печальныхъ сторонъ въ дѣятельности евреевъ, но ихъ исправленіе и возможность сліянія евреевъ съ остальнымъ населеніемъ видитъ въ такой общественной организаціи, гдѣ нѣтъ различія между отдѣльными членами общества ни по соціальному положенію, ни по вѣрѣ, ни по національности, гдѣ нѣтъ экономической или личной зависимости одного отъ другого. Такимъ добрымъ старымъ временемъ С. А. считалъ XIV вѣкъ и начало XV. Въ XVI в. онъ считалъ общество уже распадающимся.—Поэтому, туда, въ эту даль вѣковъ, уносился мыслью С. А. и желалъ ихъ воскрешенія.

Въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ сходился со своимъ критикомъ, что „сила еврейства—въ экономическомъ безсиліи и недостаткѣ образованія христіанскихъ низшихъ классовъ населенія; и до сихъ поръ только тамъ еврейскій вопросъ имѣетъ острый характеръ, гдѣ массы народа стоятъ на низкой ступени экономическаго и умственнаго развитія. Такимъ образомъ,-центръ тяжести еврейскаго вопроса лежитъ внѣ еврейскаго об

щества. Государству и обществу предлежитъ направить свои условія (не законодательныя, а правительственныя и экономическія) не столько на евреевъ (которые, впрочемъ, въ большинствѣ сами нуждаются въ поднятіи ихъ благосостоянія), сколько на другіе классы общества, а именно—на городской христіанскій и низшій сельскій классъ въ запад. краѣ Россіи, заняться ихъ умственнымъ и экономическимъ подъемомъ до того уровня, на которомъ они были бы недоступны для эксплоатаціи съ какой бы то ни было стороны и могли бы сами вступить въ экономическую борьбу не безъ надежды на успѣхъ“ [1]).

Въ виду важнаго научнаго значенія изслѣдованій С. А. Бершадскаго желательно было бы имѣть ихъ въ отдѣльномъ полномъ изданіи.

[1]) Разборъ проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ соч. С. А. Бершадскаго „Литовско-русскіе евреи“, напечатанъ въ журн. Мин. Народн. Просвѣщенія за 1885 годъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Сампсоніевскій фонтанъ. Въ «Описаніи Кіева» Закревскаго 1868 года и въ разныхъ путеводителяхъ по Кіеву обыкновенно говорится о сампсоніевскомъ фонтанѣ съ павильономъ, что онъ выстроенъ около 1808 года нарочно для того, чтобы въ немъ лѣтомъ въ день св. Маккавеевъ торжественно освящать воду съ бывшею до 1835 года пышною церемоніею, устраивавшеюся кіевскими мѣщанами[1]). Между тѣмъ происхожденіе этого фонтана несомнѣнно древнее.

Фонтанъ построенъ на той торговой площади, которая въ древности называлась «Торговищемъ», упоминаемымъ въ лѣтописяхъ подъ 1147 годомъ. Когда въ этомъ году возмутившіеся кіевляне убили бывшаго своего великаго князя Игоря Ольговича, постригшагося въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ на старомъ городѣ, то тѣло его «возложиша на кола..., и везоша и на Подолье, на Торговище и повергоша поруганью... И повелѣ тысяцкой взяти Игоря, и вземше и, положиша его въ церкви св. архангела Михаила въ Ноугороцкую божницу», бывшую на Подолѣ же[2]). По нашему мнѣнію, высказанному и обоснованному нами въ другомъ мѣстѣ, тѣло убитаго Игоря Ольговича совлекли на Подолѣ по Боричеву взвозу, соотвѣтствовавшему верхней половинѣ нынѣшняго Андреевскаго спуска и улицѣ «Черная Грязь», мимо древней церкви пресв. Богородицы Пирогощей или нынѣшняго Кіево-подольскаго Успенскаго Собора. Въ такомъ случаѣ, древнее подольское «Торговище» было бы тамъ, гдѣ и теперь находятся Кіево-подольскій гостинный дворъ и сосѣдній съ

[1]) „Описаніе Кіева", Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 875 и 876.

[2]) „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей", Кіевъ, 1874 г., I, 19.

нимъ толкучій или Сампсоніевскій рынокъ. На этомъ «Торговищѣ» стояла и новгородская божница, или небольшая церковь св. Михаила, приблизительно около того мѣста, гдѣ нынѣ находится Сампсоніевскій фонтанъ.

Но достовѣрная исторія этого фонтана начинается собственно съ XVII вѣка. Въ первой половинѣ этого вѣка кіевоподольскіе доминикане, жившіе на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ кіевскою духовною семинаріею, устроили въ своемъ монастырѣ колодязь и для снабженія его водою провели съ горы трубы. Въ 1636 году польскій король Владиславъ IV далъ кіево-братскому монастырю соизволяющій привилей на то, чтобы трубами провесть въ монастырь воду съ горъ, изъ источниковъ [1]). Вѣроятно, вскорѣ послѣ сего, и городское самоуправленіе Кіева провело съ горъ воду для нуждъ подольскихъ обывателей и устроило общественный колодязь или фонтанъ. На планѣ Кіева 1695 года, на мѣстѣ нынѣшняго Сампсоніевскаго фонтана, уже виднѣется капличка или часовенка, съ крестомъ на крышѣ, вѣроятно построенная надъ колодяземъ или фонтаномъ [2]). Въ 1774 году Гильденштедтъ такъ описываетъ этотъ колодязь или фонтанъ и капличку надъ нимъ: «въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ратуши, среди ярмарочной площади, подъ каменнымъ куполомъ—колодезь съ каменными стѣнками. Посреди́нѣ колодца на пьедесталѣ стоитъ статуя, въ правой рукѣ держащая большую кружку, изъ которой постоянно течетъ вода. Для устройства этого главнаго колодца воспользовались ручьемъ на возвышенности, отъ котораго при помощи подземныхъ трубъ и отвели воду къ колодцу. Изъ послѣдняго, тоже при помощи трубъ, вода проведена во многіе другіе колодцы, устроенные на улицахъ города. Они обшиты деревомъ, имѣютъ сажень въ поперечникѣ, и обшивка ихъ подымается всего на три фута надъ поверхностью земли, такъ что изъ нихъ очень удобно черпать воду. По маленькому каналу, идущему черезъ городъ вдоль частокольной стѣны, вода стекаетъ въ Днѣпръ» [3]). Около 1784 года надъ колодцемъ или фонтаномъ построенъ новый павильонъ, который поручикъ В. И. Новгородцевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Противъ ратуши сдѣланъ колодязь, надъ которымъ построенъ новой архитектуры куполъ съ постановленнымъ на ономъ рѣзнымъ изобра-

---

[1]) Тамъ же, II, 102 и 103, и III, 108.

[2]) „Планъ Кіева, составленный въ 1695 году". Кіевъ, 1893 года.

[3]) „Кіевская Старина", февраль, 1893 г., стр. 281 и 282.

женіемъ св. апостола Андрея, держащаго въ рукѣ крестъ, и внутри при колодязѣ ангелъ, держащій сосудъ, изъ котораго черезъ подведенныя подземныя трубы фонтанъ изливаетъ въ тотъ колодязь воду, а изъ онаго чрезъ такія же трубы прочіе колодязи для употребленія и удовольствія обывателей наполняются» [1]). Около 1808 года павильонъ надъ фонтаномъ получилъ нѣсколько иную форму. На подножіи утверждена статуя въ обыкновенный человѣческій ростъ, представляющая Самсона, который раздираетъ челюсти льва. Все это вырѣзано изъ дерева и окрашено масляными красками. Изъ пасти льва выказывается, въ поперечникѣ около двухъ дюймовъ, желѣзная труба, чрезъ которую изливается вода и съ шумомъ падаетъ на деревянный водоемъ. Надъ нимъ возвышается круглый сводъ, поддерживаемый 4-мя четыреугольными подпорами, изъ коихъ къ каждой, съ наружной стороны, приставлены, для украшенія, по двѣ колонны ордена Тосканскаго съ полными, высокими пьедесталами. На фризѣ всѣхъ четырехъ сторонъ придѣланы солнечные часы; самый же антаблеманъ или полный карнизъ, горизонтальный надъ колоннами, въ промежуткахъ изгибается надъ четырьмя боковыми дугами свода, покрытаго желѣзомъ и выкрашеннаго зеленою краскою. Надъ шарообразною кровлею возвышается мѣдное рельефное, вызолоченное изображеніе св. апостола Андрея, держащаго въ лѣвой рукѣ крестъ. Павильонъ этотъ, представляющій въ планѣ своемъ совершенный кругъ, имѣетъ въ поперечникѣ до четырехъ, а въ высоту болѣе пяти саженъ, и выстроенъ во вкусѣ французскаго рококо XVII вѣка [2]).

Фонтанъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ колодца Самсона, просто Самсона и святаго Лэва или Лэвана и успѣлъ уже сдѣлаться предметомъ народныхъ южнорусскихъ легендъ. По сказанію одной изъ нихъ, Давидъ царь имѣлъ трехъ сыновей: Іосифа прекраснаго, Самсона сильнаго и Соломона премудраго. «Сильный Самсонъ воювався по всимъ свити, наостатокъ зъ нами задумавъ воювати. Плыве Днипромъ, але тилько що зъ воды, ажъ на него левъ. Самсонъ до него, та якъ ухватывъ его за пащу, та якъ наступывъ ногою, то такъ разомъ зъ левомъ и закаменивъ. Такъ винъ

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей", Кіевъ, 1874 г., II, 131.

[2]) „Описаніе Кіева", Закревскаго, Москва, 1868 г., стр.

и теперъ стоитъ у Кыиви»[1]). Богомольцы изъ простолюдиновъ обыкновенно располагаются на отдыхъ вблизи этого фонтана, снабжающаго ихъ питьевою водою, относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ и даже благовѣніемъ и нерѣдко вѣшаютъ Самсону на шею крестики. Съ устройствомъ въ Кіевѣ городского водопровода, оказались ненужными для города прежнія водопроводныя трубы на Подолѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становился излишнимъ и Самсоніевскій фонтанъ; но городское управленіе, въ виду привычекъ и нуждъ кіевскихъ богомольцевъ изъ простого народа, въ 1895 году возобновило и ремонтировало какъ самыя трубы, такъ и Самсоніевскій фонтанъ.

Н. Петровъ.

Взятіе и разореніе Запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 г.

Печатаемый здѣсь документъ составляетъ оффиціальное донесеніе Ильи Чирикова (Каменно-Затонскаго коменданта?) боярину Стрѣшневу въ Москву. — «Великому государю, царю и вел. кн. Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, холопъ твой *Илья Чириковъ* челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 709 г., маія въ 17 д., въ твоемъ великаго государя, царя и вел. кн. Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указѣ, по разсмотрѣнію Римскаго и Россійскаго государствъ Ижерскаго князя и генерала главнаго Александра Даниловича Меншикова ко мнѣ, холопу твоему, написано: отправленъ *въ Каменный* Затонъ г. полковникъ Яковлевъ съ тремя полками пѣхотными для охраненія Каменнаго Затона, и какъ онъ придетъ, и мнѣ быть ему во всемъ послушну; да вышеозначеннаго онъ, государь, дни въ письмѣ господина графа и главнѣйшаго министра и кавалера Гавриила Ивановича Головкина въ Каменный Затонъ плавною г. полковникъ Яковлевъ и когда онъ прибудетъ и чего станетъ требовать антилеріи и аммуниціи, такожъ провіанту и людей и прочаго, велѣно ему давать и быть ему послушну. И по вышеозначеннымъ твоимъ, великаго государя, указомъ, на что требованіе г. полковника Яковлева было, дано ему было для походу подъ Сѣчу ратныхъ людей и всякихъ припасовъ изъ Каменнаго Затона; а что ему было

[1]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, М. Драгоманова, Кіевъ 1876 г., стр. 98.

дано и что изъ того убыло, о томъ при сей отпискѣ вѣдѣніе. А сію, государь, отписку къ тебѣ великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, къ Москвѣ послалъ я, холопъ твой, чрезъ звычайную почту, въ нынѣшнемъ 709 году, іюня въ 5 д., съ самарскимъ козакомъ Степаномъ Матвѣевымъ и велѣлъ подать въ розрядъ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу съ товарищи.

Вѣдѣніе, что было изъ Каменнаго Затону подъ Сѣчею съ т. полковникомъ Яковлевымъ каменно-затонскихъ полковъ офицеровъ и солдатъ и всякихъ антилерныхъ припасовъ: Подполковникъ Ѳедоръ Спѣшневъ, да съ нимъ полку его маеоръ 1 человѣкъ, офицеровъ 4 человѣка, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 230 человѣкъ; подполковника Гаврила Вульфа полку его—офицеровъ 5 человѣкъ, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 265 человѣкъ; маеора Ѳомы Щитовскаго полку его офицеровъ 4 человѣка, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 253 человѣка, да антилерной подполковникъ Никифоръ Телѣгинъ да съ нимъ пушкарей и бомбандировъ 30 человѣкъ. Антилерныхъ и всякихъ припасовъ по требованію.—Изъ вышеписанныхъ ратныхъ людей, изъ антилеріи подъ Сѣчею что убыло: На штурмѣ побито и ранено: Ѳедорова полку Спѣшнева: 1 человѣкъ маеоръ, 3 человѣка офицеровъ, 6 человѣкъ сержантовъ, 3 человѣка подпрапорщиковъ, 3 человѣка каптенармусовъ 5 человѣкъ капраловъ, 5 человѣкъ барабанщиковъ, 2 сиповщиковъ, 70 человѣкъ солдатъ, 34 раненыхъ солдатъ; Гаврилова полку Вульфа: 2 человѣка офицеровъ, 2 человѣка сержантовъ, 1 человѣкъ каптенармусъ, 5 человѣкъ капраловъ, 2 человѣка барабанщиковъ, 87 человѣкъ солдатъ; отъ ранъ померло: 1 человѣкъ капралъ, 5 человѣкъ солдатъ, раненныхъ: 1 человѣкъ офицеръ, 66 человѣкъ солдатъ. Ѳомина полку Щитовскаго: 3 человѣка офицеровъ, 3 человѣка сержантовъ, 1 человѣкъ подпрапорщикъ, 2 человѣка каптенармусовъ, 1 человѣкъ ротный писарь, 91 человѣкъ солдатъ, 41 человѣкъ раненыхъ солдатъ. Всего подъ Сѣчею на штурмѣ побито: 1 человѣкъ маеоръ, 3 человѣка капитановъ, 5 человѣкъ поручиковъ, изъ прапорщиковъ, 11 человѣкъ сержантовъ, 3 человѣка подпрапорщиковъ, 10 человѣкъ капраловъ, 6 человѣкъ каптенармусовъ, 7 человѣкъ барабанщиковъ 2 человѣка сиповщиковъ, 1 человѣкъ ротный писарь, 247 человѣкъ солдатъ, всего урядниковъ и рядовыхъ солдатъ побито 288 человѣкъ; отъ ранъ померло 6 человѣкъ. Раненныхъ: 1 человѣкъ офицеръ, 141 человѣкъ солдатъ.

Да по вѣдомостямъ тѣхъ же полководцевъ подъ Сѣчею у солдатъ пропало ружья: Ѳедорова полку Спѣшнева: 99 фузей, 3 протазана, 27 багинетовъ; 27 копей, 63 бердыша, 2 сумы каптенармусскія. Гаврилова полка Вульфа: 202 фузеи съ суммы и съ перевязьми, 156 бердышей, 46 копей, 13 багинетовъ. Ѳомина полку Щитовскаго: 143 фузеи съ сумы и съ перевязьми, 3 алебарды, 9 багинетовъ съ протупеи, 1 барабанъ, 70 бердышей, 104 копья, 2 сумы каптенармусскія. Всего пропало ружья: 444 фузеи съ сумы и съ перевязьми, 6 протазановъ, 49 багинетовъ, 178 копей, 286 бердышей, 4 сумы каптенармусскія, 1 барабанъ. Изъ антилерныхъ припасовъ въ расходѣ: пороху пушечнаго 5 бочекъ, вѣсомъ 32 пуда, 1 бочка ручнаго, вѣсомъ 6 пудъ, 2 бочки мушкетнаго, вѣсомъ 13 пудъ, 1 пудъ 20 фунтовъ свинцовыхъ пуль, 120 нарядныхъ бонбъ двупудовыхъ, 545 ядеръ нарядыхъ, ручныхъ, двуфунтовыхъ, 40 ядеръ гонныхъ 10 фунтовыхъ, 500 гонныхъ двуфунтовыхъ, 150 кремней, 3 пуда фитилю, 9 пудъ пеньки, 50 мѣшковъ пороховыхъ, 1 ломъ, 20 лопатъ желѣзныхъ, 10 топоровъ, 1 якорь, 15 канатовъ большихъ, 3 каната по 20 саженъ, 4 буравля большихъ, 2 долота съ трубки, 74 весла фуркатныхъ, 50 шестовъ, 7 ценовокъ.

Извѣстіе что въ Сѣчи завоевано. Полону: 1 человѣкъ атаманъ кошевой [1]), 1 человѣкъ судья, 26 человѣкъ атамановъ куренныхъ, 2 ченца, 2 человѣка русскихъ, 250 человѣкъ козаковъ. Изъ того числа померло: 5 человѣка казаковъ, казнено: атамановъ и казаковъ 156 человѣкъ, женскаго полу и ребятъ взято въ полонъ 160 человѣкъ, изъ того числа отдано въ раздачу всякихъ чиновъ, офицерамъ и солдатамъ 115.

Антилеріи: 31 пушка мѣдныхъ большихъ и малыхъ, 4 мортиры желѣзныхъ, 5 пушекъ чугунныхъ, 13 знаменъ, 10 станковъ пушечныхъ, 12 шмаговницъ, большихъ и малыхъ, 62 ручницы, 27 коритъ свинцу, 450 ядеръ пушечныхъ, розныхъ калибровъ, 600 ядеръ ручныхъ, тощихъ, 13 бочокъ пороху, 53 якора, 195 кусковъ желѣза, 67 топоровъ, 7 теселъ, 20 кандалы, 7 чѣней желѣзныхъ, 7 бураовъ, 9 молотковъ, 3 клещи, 15 круговъ проволоки желѣзной, 4 паруса, 8 канатовъ пеньковыхъ.

Церковной утвари: иконостасъ рѣзной съ царскими дверьми и съ поставными иконами, и съ деисусомъ и съ прочими поставными иконами, которыя писаны на цкахъ и на полотнахъ и на малыхъ

[1]) Петръ Сорочинскій? См. Мазепа и Мазепинцы, стр. 529.

цкахъ нѣсколько, счетомъ по росписи; 8 колоколовъ большихъ и малыхъ, а что вѣсу—не подписано, 3 креста желѣзныхъ большихъ съ церкви, свѣчи, и воскъ и ладанъ по росписи, святое евангеліе, въ ящикѣ, не въ переплетѣ, 441 котелъ мѣдные большихъ и середнихъ и малыхъ, въ нихъ вѣсу 83 пуда 30 фунтовъ, дужки и уши желѣзныя, въ томъ числѣ многіе худые, 9 котловъ желѣзныхъ, 4 пуда мѣди ломанной.

Провіанту: 969 бочокъ да 2 куфи большихъ, да 30 мѣшковъ муки ржанной, 1 бочка пшена, 304 бочки соли. (Арх. М—ва Ю—ст. въ Москвѣ, розр. вязка 50, № 17).

Сообщ. **Н. Бѣляшевскій.**

„Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго“. *(Изъ акушерской практики прошлаго вѣка).* Въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи, между прочимъ, есть связка бумагъ, озаглавленная: *«Дѣло по донесенію протопресвитера Городецкаго о томъ, что рожденное крестьянкою дитя объявлено, что оно не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго, и что оное закопано въ землю».*

Содержаніе такъ любопытно озаглавленнаго дѣла, въ немногихъ словахъ, слѣдующее.

Въ ночь съ 4-го на 5-е число ноября мѣсяца 1743 г. въ Кіевѣ, на Подолѣ, жена Введенскаго прихожанина Григорія Сердечнаго разрѣшилась отъ бремени, при чемъ «дитя зъ утробы матерней въ пузиру родимомъ вышло». Бабки, присутствовавшія при родахъ, были, очевидно, весьма неопытными въ повивальномъ искусствѣ, а потому пришли въ изумленіе: дитя ли это, или «трибъ скотинной»... Долго не задумываясь, онѣ порѣшили, что это—«нѣякій щудъ и бѣсовское мечтаніе»... и, разсудивъ, что «о семъ ледачомъ и попу доносить не годится», призвали отца новорожденнаго «мечтанія» и объявили ему: «се въ тебе, человѣче, бѣсище родилось!».. И «гдѣ знатни были (виднѣлись) руки сквозь плѣву пузира», «то»,—объясняли онѣ ошеломленному отцу,-«крили (крилья), а гдѣ пуповина, то хвостъ». И что же? Принялись заклинать плодъ, чтобъ «бѣсище не наверзло пагубу», а отца послали «отесать осиковій колъ»... Колъ былъ принесенъ... Бабки пробили имъ насквозь «пузирь», съ причитаньемъ: «нехай-де на ему окошиться, цуръ твого, человѣче добрій, и кол[а] и двора!»

Убитое съ такими проводами «бѣсище» сейчасъ же было и зарыто въ домѣ «подъ поломъ»...

Сердечный въ гнѣвѣ на жену за ея «такое родиво». Онъ готовъ ее «сокѣрою розсѣщи», и только домашніе «обороняютъ» ее...

Между тѣмъ бабки быстро, подъ секретомъ, разносятъ по всему Подолу необычайную новость, что жена Сердечнаго «бѣса родила», добавляя, что онѣ собственными глазами видѣли даже, что этотъ «родившійся уродъ, какъ звѣрина якая, по полу лазилъ»... Всѣ знакомыя родильницы спѣшатъ къ ней, чтобы отъ нея самой узнать, вѣрно ли случившееся... Родильница терзается... Нѣсколько оправившись, она захотѣла и сама взглянуть, «что бы то (въ самомъ дѣлѣ) за уродъ былъ». 7-го ноября она упросила своего мужа отрыть «трибъ». Отрываютъ.. Въ пузырѣ «дитя во всемъ совершенно женска пола, съ тилу въ ротъ коломъ пробитое»!.

Вотъ какое счастье выпадало иногда рождавшимся въ сорочкѣ!

Съ болѣзненною грустью, омыли Сердечные трупъ, положили его на столъ и пригласили бабокъ, чтобы онѣ взглянули на свое «бѣсовское мечтаніе»...

Всю эту исторію 12 ноября узнали священники Введенской церкви—Стефанъ Кордашевскій, Иванъ Коминскій и Стефанъ Кондратьевъ и донесли подольскому протопопу Георгію Городецкому, прося его резолюціи, «какой эпитиміи или наказанія достойни дѣтоубійци бабы за свою продерзость, же не объявляючи священникамъ, что съ тимъ дѣлать (хотя бы и щудъ какой родился), сами дитя совершенное и живородившоеся безъ крещенія святаго тиранско умучили». Городецкій 17-го ноября препроводилъ дѣло митр. Рафаилу Заборовскому, митрополитъ же (такъ какъ дѣла объ убійствахъ подлежатъ «мірской командѣ») передалъ его въ Кіевскій магистратъ... Какое сужденіе по нему было здѣсь, не знаемъ.

Д. Вишневскій.

О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. Древняя исторія Кіева не перестаетъ живо интересовать ученыхъ изслѣдователей. Не только выдающіяся событія и лица, но и многіе частные вопросы изъ прошлой исторіи Кіева (напр. топографіи его) детально изслѣдуются въ цѣляхъ уяснить жизнь матери русскихъ городовъ. Это обстоятельство ободряетъ насъ при выборѣ предметомъ нашей

замѣтки одного малоразъясненнаго вопроса изъ церковной исторіи Кіева. Вопросъ касается исторіи кіевскаго Трехсвятительскаго монастыря, существовавшаго въ 18 в. при нынѣшней трехсвятительской церкви. Собравъ по возможности появлявшіяся въ печати свѣдѣнія о монастырѣ и дополнивъ ихъ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными, мы и ограничимся этимъ, считая полную исторію монастыря невозможной, по скудости положительныхъ извѣстій о немъ. Ибо монастырь, какъ не принимавшій никакого участія въ общественной жизни Кіева, не привлекалъ къ себѣ вниманія современниковъ; и насколько они мало знали о немъ, видно изъ слѣдующаго факта. Когда въ 1770-хъ годахъ нужны были св. Синоду справки о монастырѣ, то кіевскій митрополитъ вынужденъ былъ заявить: «оная (трехсвятительская церковь съ монастыремъ) принадлежала почему къ катедралному кіево-софѣйскому монастырю, на то ни малейшихъ документовъ, да и о опредѣленныхъ къ той церкви отъ катедры начальникахъ даже до 1761 году никакихъ дѣлъ не сыскалось». Въ силу такого недостатка достовѣрныхъ свѣдѣній о монастырѣ, и историки Кіева, говоря о трехсвятительской церкви, ограничились лишь краткими замѣтками въ родѣ такихъ: въ 18 в. при ней находился мужской монастырь [1]). Основателемъ монастыря при трехсвятительской церкви былъ кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій.

Возобновленная Могилой трехсвятительская церковь въ значительной степени пострадала въ 1651 г. отъ поляковъ Радзивилла [2]), а въ 1682 году оказалась уже во дворѣ русскаго воеводы и «утиснена житними амбарами» [3]), и пребывала въ такомъ запустѣніи, что митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій просилъ разрѣшенія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей разобрать и употребить ее на возобновленіе софійскаго собора [4]). Просьба митрополита не была почему то удовлетворена, и преемникъ его Варлаамъ Ясинскій просилъ царей дать ему «въ досмотрѣніе и въ строенье въ верхнимъ Кіевѣ церковь каменную запустѣлую и по много разоренную во имя св. Василія и равноапостольныхъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго [5]). Цар-

[1]) Закревскій. Описаніе Кіева стр. 210. Сементовскій. Кіевъ, его святыни, древности, достопамятности стр. 43.

[2]) Похилевичъ. Монастыри и церкви г. Кіева стр. 76.

[3]) „Кіевск. Стар." 1884 г. кн. X стр. 237.

[4]) Ibid. стр. 235.

[5]) Ibid. стр. 236—237.

ской грамотой отъ 28 сентября 1691 г. трехсвятительская церковь была отдана митрополиту [1]), который, по словамъ Сементовскаго, и возобновилъ ее въ 1695 г. [2]). Дата эта можетъ быть принята, и четырехлѣтній періодъ обновленія церкви ничуть не будетъ долгимъ, когда, напр., на обновленіе наружнаго вида софійскаго собора потребовалось 11-ть лѣтъ [3]). Обновивши церковь, Варлаамъ Ясинскій устроилъ при ней вѣроятно, въ томъ томъ же 1695 г. и мужскій монастырь «къ житію престарелыхъ и болныхъ монаховъ кіево-софійскаго и другихъ кіевскихъ монастырей, назначивъ сюда строителя съ братіею.

Побужденіемъ къ устроенію трехсвятительскаго монастыря послужило, можно думать, желаніе митрополита дать пріютъ престарѣлымъ, немощнымъ и больнымъ монахамъ главнымъ образомъ кіево-софійскаго монастыря и тѣхъ монастырей, для которыхъ было не по средствамъ содержать свой особый пріютъ для братіи своей общины. Очевидно, въ такихъ монастыряхъ дѣло призрѣнія престарѣлыхъ и больныхъ изъ братіи было въ неудовлетворительномъ состояніи и явственно ощущалась нужда въ такого рода учрежденіи, какое явилось въ новоустроенномъ монастырѣ.

Учредивъ съ такою цѣлью монастырь, Варлаамъ Ясинскій этимъ самымъ указывалъ братіи монастырской постоянное дѣло для ихъ нравственныхъ силъ, давалъ особую задачу для монастыря и особое исправленіе его жизни, удаляя отъ той погони за умноженіемъ вотчинъ и угодій, отъ тѣхъ постоянныхъ земельныхъ споровъ, которые поглощали много силъ у монашества XVIII в.

Трехсвятительскій монастырь во все время своего недолгаго историческаго существованія считался «приписнымъ къ каѳедральному кіево-софійскому монастырю». Когда совершилось это подчиненіе монастыря, сказать довольно трудно, ибо объ этомъ не знали даже и въ 18 в., въ періодъ существованія самаго монастыря; но уже въ вѣдомости 1756 г. о монастыряхъ епархіи кіевской и малороссійскихъ трехсвятительскій монастырь или, какъ его называли, скитокъ, числится между приписными къ кіево-софійскому монастырю [4]). Можно думать, что тотчасъ по своемъ учрежденіи трехсвятительскій монастырь былъ поставленъ подъ власть каѳедраль-

[1]) Ibid. 237.

[2]) Цит. соч. стр. 43.

[3]) „Кіев. Стар. 1884 г. к. X стр. 236.

[4]) М. Евгеній. Описаніе кіево-софійскаго собора прилож. № 43 стр. 245.

наго монастыря, во 1-хъ, потому, что основателемъ былъ митрополитъ, по идеѣ котораго ново-учрежденный долженъ былъ служить главнымъ образомъ интересамъ каѳедральнаго монастыря, откуда назначался и строитель трехсвятительскаго монастыря, 2-е—потому, что послѣдній находился на землѣ, принадлежавшей митрополіи [1]).

Неизвѣстно, владѣлъ ли монастырь тѣми землями и куничными дворами, которые въ началѣ XVIII в. принадлежали трехсвятительской церкви [2]), или же эти угодья остались за братскимъ монастыремъ, къ которому была приписана она по грамотамъ Владислава IV 1638 и 1640 годовъ [3]). Но каковы бы ни были матеріальныя средства монастыря трехсвятительскаго, онъ въ теченіе своей исторической жизни выполнялъ ту задачу, какая опредѣлена была ему его учредителемъ.—Частныхъ фактовъ изъ жизни монастыря, равно и именъ дѣятелей его до 60-хъ годовъ XVIII в. не сохранилось; одно только можно сказать, что монастырь находился подъ особымъ покровительствомъ и вниманіемъ митрополитовъ, которые старались поставить монастырь въ условія, благопріятствующія выполненію его задачи призрѣнія больныхъ и престарѣлыхъ. Такъ, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій въ своемъ завѣщаніи 1757 года отписываетъ половину доходовъ съ мельницы, бывшей на р. Красной въ Трипольѣ, «на имѣючуюся строитися въ вышнемъ градѣ Кіевѣ при трехсвятительской приписной къ катедральному нашему монастырю церквѣ больницу и оною опредѣленною отъ насъ половинною частію доходовъ завѣдывать находящимся при оной трехсвятительской церквѣ начальникомъ, и отдавать тѣ доходы на прокормленіе бѣдныхъ въ той больницѣ больныхъ безобыдно» [4]). Устройство новой больницы и богодѣльни составляло также предметъ заботъ и митрополита Арсенія

---

[1]) Въ началѣ XVII столѣтія; во время судебныхъ споровъ православныхъ съ уніатами изъ-за обладанія трехсвятительскою церковью, всегда указывалось на то, что церковь св. Василія принадлежала къ митрополіи, ей подчинена была и на ея землѣ находилась" (Кіев. Епархіал. Вѣдом. 1873 г. стр. 357 и д.), и во второй половинѣ 17 в. митрополиты также считали принадлежащей къ каѳедрѣ землю между михайловскимъ монастыремъ и десятинной церковью и, по праву собственника, запрещали московскимъ боярамъ возводить здѣсь укрѣпленія (Карповъ. Кіевскіе митрополиты и московское правительство 1654 году. Правосл. обозрѣн. 1871 г. августъ—сентябрь).

[2]) Кіев. Епарх. Вѣдом. 1873 г. стр. 482.

[3]) Памятники кіевской ком. для разбора древн. актовъ, т. II, отд. I. стр. 144—149.

[4]) „Кіев. Стар." 1894 г. сент. стр. 457.

Могилянскаго, который, кромѣ этого, задумалъ еще обновить пришедшую въ ветхость монастырскую церковь. Для выполненія своихъ намѣреній онъ старался найти необходимыя средства въ средѣ запорожскихъ козаковъ, питавшихъ къ митрополиту любовь и уваженіе. Съ этою цѣлью были посланы въ 1767 г. строитель трехсвятительскаго монастыря іеромонахъ Іустъ (или Іустинъ) и іеромонахъ софійскаго монастыря Евстратій въ сѣчь запорожскую и «в принадлежащіе до оныя мѣста для испрошенія на возобновленіе в трехсвятителскомъ монастырѣ обвѣтшалой каменной церкви и на устроеніе вновь при немъ богодѣлни милостинного отъ доброхотовъ подаянія». При этомъ просители были снабжены письмомъ митрополита къ запорожскому войсковому судьѣ Павлу Флоровичу Головатому [1]), грамотой митрополита и просительной шнуро-запечатанной книгой. Какъ велико было «милостинное подаяніе» запорожцевъ, вообще щедрой рукой дававшихъ на церковныя нужды кіевскихъ монастырей, съ точностью опредѣлить трудно, но можно думать, что оно было очень значительно, когда митрополитъ счелъ нужнымъ написать къ войсковому судьѣ особое письмо, благодаря его за оказанную іеромонаху Іусту «благопризрительность» съ пожеланіемъ всему войску запорожскому «всецѣлаго здравія и всесовершеннаго благополучія» [2]). На эти пожертвованія и начато было обновленіе

[1]) Приводимъ дословно это любопытное письмо: „Высокородный и достойно почтенный господинъ судья войска низоваго запорожскаго Павелъ Фроловичъ, нашъ зичливый пріятель! Сего подносители приписнаго къ нашему каѳедральному кіево-софѣйскому монастырю трехсвятительскаго монастыря строитель Іеромонахъ Іустинъ и опредѣленный къ нему в помощъ нашего жъ каѳедральнаго монастыря іеромонахъ Евстратій отправлены от насъ в Сѣчь запорожскую и в принадлежащіе до оныя мѣста, для испрошенія *на возобновленіе в оном приписномъ къ нашему каѳедральному монастырю трехсвятительскомъ монастырѣ обвѣтшалой каменной церкви и на устроеніе вновь при немъ богодѣльни милостинного* от доброхотовъ по данной отъ насъ при граммотѣ книгѣ подаянія. Мы, видя прежде оказываемое въ таковыхъ благополѣзныхъ дѣлахъ отъ вашего высокородія милости, и отличніе призрѣнія, просилъ онаго строителя іеромонаха Іуста, съ сотрудникомъ его іеромонахомъ же Евстратіемъ, принявъ въ особливое вашего высокородія покровительство, таковой же милости и благопризрительства не лишить, въ чемъ мы имѣя несумнѣнную надежду пребываемъ при желаніи вашему высокородію и всему войску запорожскому всецѣлаго здравія и всесовершеннаго благополучія мар. 27 д. 1767 г. Вашего высокородія, намъ зичливого пріятеля всегда благожелательный богомолецъ смиренный митрополитъ кіевскій Арсеній". (Архивъ библіотеки кіево-соф. соб., книга писемъ м. Арсенія, № 36).

[2]) Библ. кіев.-соф. соб. реестръ пис. 1768 № 36.

трехсвятительской церкви, какъ объ этомъ писалъ въ 1768 г. митрополитъ кошевому Калнишевскому; но этихъ средствъ было недостаточно и «въ совершенное окончаніе привесть (возобновленіе церкви) безъ (новаго) милостивого даянія не возможно» было и поэтому митрополитъ просилъ кошеваго разрѣшить въ запорожскихъ владѣніяхъ сборъ пожертвованій на трехсвятительскій монастырь [1]). Велики или малы были пожертвованія, но все таки монастырь не былъ надлежащимъ образомъ благоустроенъ, и новый строитель монастыря іеромонахъ Савва нашелъ его въ 1769 г. «со всемъ опустошенной». Можетъ быть, эти слова не чужды нѣкотораго преувеличенія, особенно въ устахъ человѣка, говорившаго о своихъ заслугахъ для монастыря, но все таки остается справедливымъ то, что монастырь требовалъ многихъ улучшеній, и вотъ новый строитель ревностно принялся за его благоустройство. Іеромонахъ Савва, по его собственнымъ словамъ, неопровергнутымъ епархіальной властью, «построилъ (въ монастырѣ трехсвят.) своимъ стараніемъ двѣ церкви и кельи, въ коихъ живетъ безъ всякой катедральнаго и братскаго монастырей помощи» [2]). Очевидно въ это время въ трехсвятительскомъ скиткѣ было не мало священно-монаховъ, послушниковъ и бѣльцовъ, и онъ значительно расширился и пріукрасился. Но энергичный, образованный по своему времени (былъ учителемъ) Савва еще старается изъять свой скитокъ изъ подъ власти софійскаго монастыря, сдѣлать свою обитель самостоятельнымъ монастыремъ, а самому быть его начальникомъ. Это стремленіе было замѣчено недружелюбно расположенными къ нему лицами, и вотъ при новомъ митрополитѣ, Гавріилѣ Кременецкомъ, Савва былъ обвиненъ «въ самоволномъ названіи трехсвятительской церкви монастыремъ и въ усилномъ того домогательствѣ». По резолюціи митрополита, трехсвятительскій монастырь долженъ былъ перейти въ вѣдѣніе братскаго монастыря и не называться болѣе этимъ именемъ. Неуступчивый Савва такому рѣшенію митрополита не подчинился. О какой «продерзости и ослушности» его митрополитъ донесъ въ 1774 году св. Синоду, прося у него «отъ іеромонаха Саввы защищеніе». Св. Синодъ, соглашаясь съ постановленіемъ митрополита о передачѣ трехсвятительскаго монастыря братскому монастырю, вмѣстѣ съ этимъ назначилъ для разбора дѣла

---

[1]) Библіот. кіево-соф. собора, книга писемъ м. Арсенія № 605 письмо № 48. Напечатано въ Трудахъ кіев. дух. акад. 1894 г. № 10.

[2]) Архивъ кіевской дух. консист., собраніе указовъ 1775 г., №№ 31 и 74.

Саввы слѣдственную комиссію, которой тотъ не подчинился, считая ее пристрастной къ себѣ. Извѣщенный о таковомъ неуваженіи къ его опредѣленію, св. Синодъ, не смотря на объясненіе Саввы о своей дѣятельности на пользу монастыря, постановилъ въ 1775 г.: отнынѣ трехсвятительскую церковь не толко монастыремъ или пустынею, но ниже скиткомъ не именовать и не писать и строителѣй и начальниковъ никого къ нѣй не опредѣлять, а быть ей при кіево-братскомъ монастырѣ ружною церковью и оную церковь совсѣмъ, что при нѣй есть, кіево-братскому архимандриту принять..., а монахов изъ того места всѣхъ вывесть въ братской монастырь, а послушниковъ и белцовъ куда подлѣжитъ въ другія места» [1]).

Такъ покончилъ свою недолгую жизнь трехсвятительскій монастырь, преслѣдовавшій въ своей практической жизни безспорно симпатичную за́дачу. Поддерживалъ ли послѣ 1775 г. братскій монастырь тѣ филантропическія учрежденія (больницу, богодѣльню), какія существовали при упраздненномъ монастырѣ, или нѣтъ неизвѣстно; только въ 1787 г. церковь трехсвятительская была обращена въ приходскую [2]).

П. П—скій.

Рекреаціонный діалогъ. Въ дополненіе къ помѣщенной въ нынѣшнемъ номерѣ «Кіевск. Стар.» любопытной статьѣ о майскихъ рекреаціяхъ нахожу не лишнимъ припомнить интересную подробность рекреаціоннаго ритуала, о которой авторъ умалчиваетъ.

Я учился въ полтавскомъ духовномъ училищѣ въ періодъ 1860—63 гг.; майскія рекреаціи отправлялись тамъ такъ же, какъ и повсюду, за исключеніемъ нижеслѣдующей подробности. Въ то время въ составѣ преподавателей училища былъ памятный не одному поколѣнію полт. духовенства Григорій Пантелеймоновичъ Коневскій, нерѣдко такъ попрекавшій иныхъ изъ своихъ учениковъ: «я еще дѣдушку твоего училъ и папеньку; они тоже были преизрядные лѣнивцы, но ты превзошелъ ихъ обоихъ». Это былъ усердный хранитель старинныхъ преданій малорусской школы, стремившійся поддерживать такіе отжившіе давно свой вѣкъ школьные обычаи, какъ, напримѣръ, со-

---

[1]) Всѣ перепетіи этого дѣла довольно подробно изложены въ синодскихъ указахъ, хранящихся въ архивѣ кіев. дух. консисторіи.

[2]) Сементовскій, цит. соч., стр. 43.

исканія de loco и т. под. Такъ вотъ, бывало, за нѣсколько дней до начала рекреаціи этотъ благодушный старецъ призываетъ къ себѣ болѣе любимыхъ учениковъ изъ разныхъ классовъ, даетъ имъ для списыванія какіе-то порыжѣвшіе отъ времени листочки и велитъ ихъ выучить наизусть. Это были отдѣльныя роли изъ какого-то сценическаго произведенія, въ которомъ дѣйствующими лицами служили грамматическія *части рѣчи*. Малолѣтніе актеры ежедневно собирались у Коневскаго, затворялись въ его кабинетѣ и тамъ производили репетиціи. Наступалъ день рекреаціи, справлявшихся обыкновенно въ монастырскомъ лѣсу, недалеко отъ Ворсклы. Незадолго до наступленія вечера, послѣ того какъ учащіеся вдоволь набѣгаются, наслушаются пѣнія архіерейскаго и училищнаго хоровъ и даже напляшутся (кто умѣлъ плясать кадриль, лансье и легкіе танцы) подъ звуки собственнаго оркестра, а учащіе и начальствующіе разопьютъ пуншъ,— къ палаткѣ о. ректора созываются «лицедѣи» съ ихъ режиссеромъ, учителемъ Коневскимъ, во главѣ. Вокругъ тѣснятся толпы оживленныхъ дѣтскихъ лицъ, красныя рубашки мороженщиковъ, цвѣтные «очипки» мѣщанокъ-торговокъ и не мало прочаго посторонняго люда, собравшагося даже изъ ближайшихъ деревень посмотрѣть, какъ «панычи гуляють». Ни кулисъ, ни особыхъ костюмовъ нѣтъ и въ поминѣ. Помню, что въ самомъ началѣ выходитъ изъ палатки мальчикъ, изображающій собою *имя существительное*, и затверженнымъ тономъ, будто отвѣчаетъ урокъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разглагольствуетъ о томъ, какая онъ важная часть рѣчи. Съ нимъ состязаются о своихъ достоинствахъ *имя прилагательное* и *мѣстоименіе*. Но вотъ стремительно вылетаетъ на сцену изрядный подростокъ-синтактикъ *глаголь* и задорно атакуетъ зазнавшуюся склоняемую челядь, преувеличенно изображая ея ничтожество и полнѣйшую якобы зависимость отъ него, царя рѣчи. Его громкіе, командирскіе окрики на нихъ: «Стой! держись! ступай! молчи!» вызываютъ, бывало, громкій смѣхъ присутствующихъ. Разогнавъ соперниковъ, *глаголь* съ важностью расхаживаетъ по площадкѣ и благосклонно выслушиваетъ представленія прочей грамматической мелкоты, не смѣющей и подумать о соперничествѣ съ нимъ. Выступаетъ малецъ-первоклассникъ и взволнованнымъ голоскомъ смиренно докладываетъ, что ходя-де онъ и небольшая птица, всего лишь какое-нибудь *междометіе*, а все же и безъ него не обойдешься: и кучеру понадобится «но!», «тпру!», и баринъ не обойдется безъ «эй!» и на войнѣ пригодится «ура!». Въ

такомъ же родѣ рапортуютъ о себѣ и остальныя служебныя части рѣчи.

Трудно представить, сколько восторга, заливного смѣха и неподдѣльнаго веселія вызываетъ, бывало, это немудреное представленіе среди наивныхъ зрителей, большею частью никогда не видавшихъ настоящаго театра! Исполнители награждались пряниками или орѣхами изъ рукъ самого о. ректора, а режиссеру выражалась признательность начальства за труды по разучиванію пьесы.

Я передалъ лишь общее содержаніе пьесы, составленной, сколько помню, весьма остроумно. Нѣсколько лѣтъ назадъ я пытался достать ея полный текстъ, но попытки не увѣнчались успѣхомъ: почтенный педагогъ Коневскій давно умеръ, а его многочисленные ученики, кого я ни спрашивалъ о пьесѣ, помнятъ о ней не больше моего. Не удалось мнѣ даже узнать, какъ она называлась, да и было ли у нея названіе. Точно такъ же покрыто забвеніемъ и то, когда и кѣмъ она составлена. Престарѣлые полтавскіе іереи, учившіеся у Коневскаго еще въ 1840-хъ годахъ, передаютъ, что и въ то время пьеса исполнялась во время рекреацій и что едва-ли не тотъ же Коневскій ввелъ ее въ употребленіе въ полтавской бурсѣ. Но самъ то Коневскій былъ уроженцемъ полт. губ. и получилъ образованіе въ ...ярославской семинаріи; поэтому можно безошибочно утверждать, что самая пьеса есть не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ *діалоговъ*, какіе обычно исполнялись въ старинныхъ южнорусскихъ школахъ при всякихъ торжественныхъ случаяхъ, въ томъ числѣ и во время рекреацій. По свидѣтельству митроп. Евгенія, «въ три майскія рекреаціи всѣ ученики и учители кіевской академіи и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись разными невинными играми, а студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учители—*діалоги*» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что къ числу такихъ старинныхъ *діалоговъ* должна быть причислена и та рекреаціонная пьеса, какую мнѣ въ отрочествѣ приходилось слышать въ Полтавѣ. Здѣсь этотъ діалогъ могъ удержаться въ употребленіи такъ долго единственно благодаря упорному консерватизму почитателя старины, учителя Коневскаго, прослужившаго въ этомъ званіи болѣе полувѣка. Съ его выходомъ въ отставку (въ началѣ 1870-хъ годовъ)

[1]) „Описаніе кіево-соф. собора", митроп. Евгенія, приложеніе, стр. 223.

исчезъ и этотъ едва ли не послѣдній пережитокъ давно минувшихъ школьныхъ порядковъ, столь ревностно имъ поддерживаемый. Слышно, что и самыя «рекреаціи» не долго послѣ того просуществовали въ полтавскихъ школахъ; вѣроятно, ихъ замѣнили военно-гимнастическія «прогулки». Всему свой часъ!

О. Л.

Путешествіе малороссійскаго іеромонаха Тарасія Каплонскаго въ Италію въ 1697 году. Въ недавно вышедшемъ 8-мъ томѣ «Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества» напечатанъ весьма интересный документъ, отысканный въ московскомъ архивѣ минист. иностранныхъ дѣлъ трудолюбивымъ изслѣдователемъ южнорусской старины М. М. Плохинскимъ; «Распросныя рѣчи» черниговскаго іеромонаха Тарасія Каплонскаго, отправлявшагося въ италіанскій городъ Баръ для поклоненія мощамъ святителя Николая. Подобныя путешествія образованныхъ малороссіянъ—главнымъ образомъ съ образовательными цѣлями—отнюдь не составляли рѣдкаго явленія въ XVII ст. Начиная съ первыхъ учителей кіево-могилянскаго коллегіума, рѣдкій изъ малороссійскихъ ученыхъ XVII—XVIII ст. не считалъ нужнымъ довершить свое образованіе въ одномъ или даже въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ и академіяхъ. Даже лица, не посвящавшія себя спеціально-ученой дѣятельности, по большей части, по окончаніи курса въ кіевскомъ коллегіумѣ, ѣздили доучиваться въ заграничныхъ школахъ. Можно пожалѣть, что никто изъ ученыхъ малороссіянъ XVII ст. не оставилъ описанія своего заграничнаго путешествія; по этому приходится дорожить и такими краткими, оффиціальными отчетами, каковы «распросныя рѣчи» лицъ, возвращавшихся изъ чужихъ земель. Кромѣ спеціальныхъ «вѣстовщиковъ», посылавшихъ гетманами для собиранія заграничныхъ политическихъ вѣстей, такимъ распросамъ обязательно подвергались: выходцы изъ турецкаго или татарскаго плѣна, купцы, богомольцы и вообще всѣ лица, побывавшія въ чужихъ земляхъ. При отсутствіи правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами, русское правительство хоть этимъ мало надежнымъ путемъ стремилось пополнить скудный запасъ своихъ свѣдѣній о заграничныхъ дѣлахъ.

Такому «распросу» подвергся прибывшій въ маѣ 1698 г. въ Москву изъ Италіи чернецъ Тарасій Каплонскій. По пріѣздѣ въ столицу, онъ

прежде всего явился съ поклономъ къ патріарху Адріану и поднесъ ему «скляночку» съ міромъ отъ мощей святителя Николая. Патріархъ благосклонно принялъ подношеніе и самого подносителя, распросилъ, кто онъ, гдѣ былъ и какія святыни видѣлъ, и затѣмъ, согласно обычаю, отослалъ его въ малороссійскій приказъ для «распроса». Здѣсь Каплонскій показалъ слѣдующее.

Зовутъ его Тарасіемъ, а мірское имя его было Тимоѳей Ивановичъ по прозвищу Поклонскій [1]). Родился онъ въ малороссійскомъ городѣ Конотопѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ при успенской церкви. Прійдя въ возрастъ и слыша, что въ кіевскихъ школахъ многіе обучаются разнымъ наукамъ, онъ и себѣ пожелалъ того же и, принявъ отъ отца благословеніе, отправился въ Кіевъ и въ теченіе трехъ лѣтъ учился тамъ грамматикѣ, синтаксису и поэтикѣ у «казнодѣя» (проповѣдника) кіевскихъ школъ Ѳеофана [2]) Прокоповича. Изъ Кіева онъ отправился «за польскій рубежъ» въ г. Несвижъ, опредѣлился въ тамошнюю іезуитскую коллегію и въ теченіе трехъ лѣтъ учился здѣсь реторикѣ «у езувита у Юдейка», затѣмъ перешелъ въ Львовъ и у тамошнихъ іезуитовъ три года изучалъ реторику и философію, а оттуда возвратился въ родной Конотопъ къ отцу своему. Странно, что Каплонскій не нашелъ на родинѣ, къ чему примѣнить свою ученость, пріобрѣтенную въ заграничныхъ школахъ, и въ 1682 году, «по обѣщанію своему», принялъ иноческое постриженіе въ черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ отъ рукъ архіепископа Лазаря Барановича, вмѣстѣ съ рукоположеніемъ въ іеромонахи; вѣроятно, около того же времени и его отецъ постригся въ батуринскомъ Крупицкомъ монастырѣ. Въ 1696 г. Тарасій задумалъ привести въ исполненіе и другое благочестивое «обѣщаніе» — отправиться въ италіанскій городъ

---

[1]) Такъ онъ названъ въ „Распросныхъ рѣчахъ“ и въ царскомъ указѣ объ отпускѣ его въ Малороссію; но въ оказавшихся при немъ восьми документахъ (малороссійскихъ, польскомъ и иностранныхъ), удостовѣрявшихъ его личность, инокъ Тарасій всюду именуется *Каплонскій* или *Коплонскій*. Фамилія эта извѣстна въ XVII в. Одинъ изъ Каплонскихъ (Еразмъ) служилъ въ козацкомъ войскѣ при Юріѣ Хмельницкомъ.

[2]) Въ документѣ: „Митрофана“, но это очевидная описка. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ Ѳеофанѣ I Прокоповичѣ (дядѣ знаменитаго Ѳеофана), который былъ учителемъ въ кіевскомъ коллегіумѣ съ 1675 г., былъ даже избранъ въ ректоры и игумены Братскаго монастыря, но, по смиренію, отказался отъ этихъ должностей, славился, какъ „искусній проповѣдникъ слова Божія“, и скончался 3 апр. 1689 г. Тарасій, очевидно, учился въ самомъ началѣ учительской службы Ѳеофана, когда онъ преподавалъ еще въ низшихъ классахъ коллегіума.

Баръ на поклоненіе мощамъ чудотворца Николая. Пускаясь въ дальній и опасный путь, благочестивый инокъ предварительно посѣтилъ мѣстные монастыри: около года прожилъ въ Макошинскомъ, что близъ Батурина, монастырѣ, затѣмъ былъ въ Кіевѣ. Заручившись открытыми листами (удостовѣряющими его личность, какъ пилигрима) отъ управлявшаго Макошинскимъ монастыремъ преосвященнаго Никодима, титуловавшагося «митрополитомъ батуринскимъ», равно и отъ кіево-печерскаго архимандрита Іоасафа Кроковскаго, Каплонскій въ маѣ 1697 г. выѣхалъ «за польскій рубежъ» и черезъ Подлѣсы и Жолковъ прибылъ въ Краковъ. Здѣсь 9 іюня бурмистръ и райцы снабдили его «проезжимъ» листомъ, удостовѣрявшимъ, что «честный отецъ Тарасій Каплонскій, іеромонахъ закона св. Василія Великаго, по своему намѣренію путешествуетъ въ Римъ къ порогамъ св. апостоловъ Петра и Павла и для посѣщенія иныхъ св. мѣстъ», что онъ идетъ изъ мѣстъ благополучныхъ отъ какого-либо морового повѣтрія, и потому его слѣдуетъ «безопасно пропускать и сему пособіе и милостыню подавать въ чаяніе возмездія за то отъ Господа Бога». Въ началѣ августа Каплонскій былъ уже въ чешской Прагѣ и получилъ здѣсь два «проѣзжихъ листа»: отъ мѣстнаго городского «сената» и пражскаго арцибискупа; въ обоихъ листахъ онъ поименованъ монахомъ базиліанинома *поляком*. Дальнѣйшій путь его лежалъ «на городы владѣнія Баварскаго князя: Минихенъ (Мюнхенъ), Авшпуркъ (Аусбургъ), на Теролю (Тироль), на Іншпрукъ (Инсбрукъ), а оттуда «до Венецкого княжества». Въ Венеціи нашъ путешественникъ пробылъ около двухъ недѣль и отсюда черезъ Падую и Феррару «ѣхалъ на городы папы римскаго, на Бононію и на Анконію, что стоитъ при Бѣломъ морѣ» (Адріатическомъ). Узнавъ, что въ гавани въ то время находился здѣсь царскій стольникъ Михаилъ Хилковъ съ братьями, Тарасій счелъ нужнымъ повидаться съ соотечественниками и посѣтилъ ихъ на кораблѣ. Изъ Анконы отправился онъ въ Лорето, гдѣ видѣлъ «домъ праведныхъ богоотецъ Іоакима и Анны и прикладывался къ блюду пресвятыя Богородицы, на которомъ она кушала, и съ того блюда взялъ воды»; здѣсь же, въ Лорето, онъ былъ на исповѣди «у ксенза римской вѣры», такъ какъ оказалось, что безъ этого ему не выдали бы «свидѣтельственнаго листа о бытіи его» тамъ, а нашъ пилигримъ, какъ мы уже замѣтили, старался всюду выпрашивать такіе «листы», потому что они служили ему и «проѣзжими» документами, и въ то же время предоставляли возможность пользоваться

гостепріимствомъ въ католическихъ монастыряхъ и разнаго рода странноприимныхъ учрежденіяхъ.

Въ концѣ октября того же 1697 г. Каплонскій былъ уже въ Римѣ, посѣтилъ «костелъ, гдѣ лежатъ мощи св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла», т. е. храмъ св. Петра, и здѣсь также исповѣдывался у ксендза-іезуита; при этомъ, конечно, онъ долженъ былъ скрыть свою принадлежность къ православной церкви, а «сказывался, что онъ римской вѣры законникъ», и въ удостовѣреніе бытія у исповѣди и «разрѣшенія отъ грѣховъ» получилъ форменное удостовѣреніе, въ которомъ онъ названъ «полякомъ». Побывъ въ Римѣ всего лишь три дня, Каплонскій «ѣхалъ владѣнія гишпанского короля на городы Неаполь, а изъ Неаполя въ Баръ-градъ:» Не доѣзжая послѣдняго города, онъ встрѣтился на пути съ соотечественниками—стольниками Дмитріемъ и Петромъ князьями Голицыными, Шереметьевыми, Лопухинымъ, Ртищевымъ и съ княземъ Лобановымъ. «И въ Барѣ градѣ будучи, видѣлъ онъ мощи святителя Христова Николая: лежатъ въ костелѣ великомъ, кругомъ гробницы лампады серебряныя золочены, на гробницѣ вылитъ изъ серебра образъ св. Николая». Здѣсь, въ этомъ конечномъ пунктѣ своего паломничества, о. Тарасій не только «исповѣдывался отъ езувита, тамо начальствующаго», но и причастился св. таинъ, взялъ нѣсколько сосудовъ съ миромъ отъ мощей св. Николая и въ удостовѣреніе всего этого получилъ «свидѣтельственный листъ», датированный 29 ноября, по новому стилю. Пробывъ въ Барѣ всего лишь три дня, Каплонскій прежнимъ путемъ отправился въ обратный путь, но изъ Вѣны повернулъ на Варшаву, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Смоленскъ и 16 мая 1698 г. «самъ-другъ съ челядникомъ, который присталъ къ нему въ Польшѣ», прибылъ въ Москву и явился къ патріарху.

Кромѣ краткаго отчета о своемъ путешествіи, Каплонскій сообщилъ также въ Малороссійскомъ приказѣ нѣкоторыя вѣсти о тогдашнихъ политическихъ событіяхъ, слышанныя имъ въ Аусбургѣ, въ Вѣнѣ и въ польскихъ городахъ, предъявилъ всѣ имѣвшіеся у него «проѣзжіе» и «свидѣтельствованные листы», которые въ приказѣ были тотчасъ же переведены и записаны, и наконецъ объявилъ, что онъ «великому государю привезъ святыни, святителя Христова Николая мира скляночку. Какъ кажется, это благочестивое подношеніе было принято царемъ Петромъ Алексѣевичемъ благосклонно, и 3-го іюня Каплонскій получилъ царскую отпускную грамоту съ указомъ

на имя воеводъ и приказныхъ людей о безпрепятственномъ пропускѣ и дачѣ ему подводъ до Чернигова.

О дальнѣйшей судьбѣ Тарасія Каплонскаго не приходилось намъ встрѣчать никакихъ извѣстій. О. Л.

Бумаги государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи. Въ львовскомъ журналѣ «Kwartalnik historyczny» за текущій годъ, вып. I, г. А. Гиршбергъ даетъ подробный списокъ хранящихся въ названномъ архивѣ дѣлъ, имѣющихъ первостепенное значеніе для дипломатической и внутренней исторіи Малороссіи, Польши, Пруссіи, Курляндіи, Трансильваніи, Крыма, Молдавіи и Валахіи, а также дѣлъ библіотеки гр. Браге и упсальскаго университета. Списокъ этотъ опубликованъ также въ III т. изданныхъ администраціей архива въ 1886 г. «Извѣстіяхъ шведскаго госуд. архива». Въ виду малой распространенности этого изданія, считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь списокъ дѣлъ, вошедшихъ въ рубрику «Cosacica».

1) Förhandlingar emellan Sverige och Kosakerna innehöllande bl. a: (Акты о сношеніяхъ Швеціи съ козаками):

Ablegaten Otto Vellings depecher . . .	1657 г.
Ablegaten Gustaf Liliencronas dep. . . .	1657 »
Residenten Daniel Olivebergs dep. . . .	1657—1658 »
Fältherrars och underfältherrars bref till Svenska Konungahuset (письма гетмановъ и кошевыхъ къ шведскимъ королямъ):	
Bohdan Chmielnicki	1654—1657 »
Ioannes Wyhowski	1657—1658 »
Nikita Bogusoh (sic)	1710 »
Iosip Kijrilenko	1710 »
Konstantin Gordienko	1712 »
Ivan Malasjevitj (sic)	1720 »
Vasilij Jerofeov	1721 »
Strödda handlingar rörande Kosakerna (Разные акты, касающіеся козаковъ). . . .	1654—1721 »

2) Fältherren Philip Orlik bref till svenska konungahuset och kansliembetsmän (письма Орлика, къ шв. королямъ и чинамъ королевской канцеляріи) 1711 – 1741.

Изъ актовъ библіотеки гр. Браге, составляющей нынѣ отдѣлъ государственнаго архива въ Стокгольмѣ, отмѣтимъ бѣлорусскій днев-

никъ переговоровъ 1611 и 1612 г. объ избраніи Владислава на московское царство (по катал., т. I, № 17), акты, относящіеся до пребыванія Карла XII въ Бендерахъ (тамъ-же, № 136), отрывки изъ дневниковъ по исторіи войнъ 1633 и 1649 г.г.

Г. Гиршберъ чрезвычайно лестно отзывается о любезности администраціи архива и готовности ихъ оказать всякое содѣйствіе изслѣдователямъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ № 4 былъ напечатанъ первый списокъ лицъ, внесшихъ въ контору нашей редакціи пожертвованія на сооруженіе памятника Ивану Петровичу Котляревскому въ Полтавѣ, всего на сумму 438 р. Въ теченіе апрѣля мѣсяца вновь поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1) отъ женскаго персонала служащихъ въ кіевской женской гимназіи—А. И. Д—ъ, Э. Б. З—ъ, Л. А. А—ой—*по 1 руб.*, К. А. Г—ь, Е. А. Г—ь, Е. Г. П—ой, М. Г. П—ой, А. Ф. Б—ъ, О. Ф. Б—ъ, В. К. Н—ой, В. Н. Н—й, М. П. Н—ой, Н. Н. К—ой—*по 50 коп.*,—всего *8 руб.*; 2) получено при письмѣ изъ Канева: отъ В. С. Гнилосырова и А. Л. Пото—*по 3 руб.*, отъ Н. И. Борымской, А. Ковалевской, А. Ф. Вержбицкаго, Ф. С. Вильчинскаго, А. М. Земичковскаго—*по 2 руб.*, отъ И. В. Никольскаго, М. В. Наумова, М. В. Ученковскаго, В. Ф. Вержбицкаго, С. И. Билеки, И. Радчевскаго, А. Т. Ступникова, А. И. Гдѣшинскаго—*по 1 руб.*, отъ Ю. Воликовской, М. К. Воликовскаго, Марченка—*по 50 коп.*, отъ NN и X—*по 20 коп.*,—всего *25 р. 90 к.*; 3) отъ отдѣльныхъ лицъ: Н. Лисенко—5 руб., В. Б. Антоновичъ, К. Забѣлло, Д. Чолакъ—*по 3 р.* А. В. Геркенъ, Л. П. Геркенъ—*по 2 руб.*, Ив. Антоновичъ, В. И. Антоновичъ, О. Грушевскій, А. Берло, О. Окуневская, А. Кучинскій, О. Лисенко, М. Михновскій, М. Н. Пантелѣевъ—*по 1 руб.*, М. Тимченко, Е. Тимченко, М. Кононенко, Т. Кононенко, Г. Михновскій, Ол. Гавришъ, Т. Малеванный, К. М.—*по 50 коп.*, К. Лисенко—*40 к.*, О. Лисенко, Г. Лисенко, М. Нещадименко—*по 25 коп*, Муся Лисенко, Б. Каминскій—*по 15 к.*, всего—*32 р. 45 к.*; 4) при письмѣ изъ г. Шацка (тамб. губ.) отъ почитателей автора Энеиды—*5 руб.* Такимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступило пожертвованій—*71 р. 35 к.*, что вмѣстѣ съ прежними 438 р. (см. № 4) составитъ *509 р. 35 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Св. Е. Сѣцинскій. Историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ подольской епархіи.—I. Каменецкій уѣздъ. Каменецъ-Подольскъ 1895.

Трудъ св. Сѣцинскаго, вышедшій въ концѣ 1895 года, составляетъ седьмой томъ трудовъ подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Комитетъ этотъ, основанный въ 1865 году подольскимъ епископомъ Леонтіемъ, много потрудился съ того времени для собранія историческаго и статистическаго матеріала и для научной его разработки съ цѣлью выясненія исторической судьбы Подолія. Успѣшному ходу занятій комитета способствовало совпаденіе двухъ благопріятныхъ обстоятельствъ; комитетъ постоянно пользовался просвѣщеннымъ покровительствомъ цѣлаго ряда преемственныхъ епископовъ: пр. Леонтія, Ѳеогноста, Іустина, Доната и особенно внимательною заботливостью о ходѣ научныхъ занятій комитета нынѣ управляющаго подольскою епархіею, преосвященнаго Дмитрія; съ другой стороны, въ составъ комитета вошли члены, обладающіе серьезною научною подготовкою и искреннею любовью къ исторической наукѣ, какъ гг. Симашкевичъ, Яворовскій, св. Сѣцинскій и другіе.— Съ самаго начала своего существованія комитетъ постановилъ своею задачею составить систематическое описаніе приходовъ и церквей подольской епархіи и съ этою цѣлью обратился къ священникамъ съ предложеніемъ доставлять въ комитетъ описаніе приходовъ по даннымъ, имѣющимся въ церковныхъ документахъ и сохранившимся въ мѣстныхъ преданіяхъ.—Описанія эти стали поступать въ комитетъ, но оказались по большой части недостаточными, какъ по скудости свѣдѣній, такъ и по недостатку критическаго отношенія къ преданіямъ; вслѣдствіе этого въ 1875 г. комитетъ рѣшилъ дополнить

недостающія свѣдѣнія разработкою историческаго матеріала, хранящагося въ архивѣ консисторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ разрѣшенія пр. Ѳеогноста, комитетъ постановилъ издавать собранный имъ матеріалъ въ отдѣльной серіи томовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета», которые должны были выходить въ качествѣ приложенія къ епархіальнымъ вѣдомостямъ; тогда-же составлена была новая, болѣе подробная программа для собиранія нужныхъ свѣдѣній и разослана священникамъ. Принявъ, такимъ образомъ, мѣры для собранія нужныхъ матеріаловъ, комитетъ постановилъ печатать въ «Трудахъ» какъ важнѣйшіе изъ нихъ, такъ и изслѣдованія, составленныя на основаніи собранныхъ матеріаловъ. Первая книжка «Трудовъ» появилась уже въ 1876 году и, затѣмъ, дальнѣйшія выходили въ 1879, 1887, 1889, 1891, 1893 и 1895 годахъ. Дѣятельность комитета, по иниціативѣ преосвященнаго Дмитрія, была сверхъ того расширена въ 1890 году устройствомъ при соборѣ епархіальнаго древнехранилища, въ которомъ, подъ охраною комитета, собираются: библіотека, состоящая изъ книгъ историческихъ и старопечатныхъ, а также рукописей, архивъ и коллекціи вещественныхъ памятниковъ старины [1]). Въ перечисленныхъ томахъ «Трудовъ» напечатаны были весьма цѣнныя для науки изслѣдованія и сборники матеріаловъ; между ними особенно выдаются: Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи св. Симашкевича (т. I)—трудъ, задуманный по очень широкой программѣ, но къ несчастію, вслѣдствіе перемѣны мѣста служенія автора, не оконченный. «Опись церковно служебныхъ книгъ, принадлежащихъ комитету» (т. I), составленная весьма тщательно Т. Бѣленькимъ; «Историческій очеркъ уніи въ Брацлавщинѣ» (т. III) и «Матеріалы для исторіи уніи» (т. V)—два сборника весьма цѣнныхъ документовъ, редактированные г. Яворовскимъ; Очеркъ исторіи подольскихъ армянъ протоіерея Дороновича (т. II); Современная статистика подольской епархіи за 1891—1892 г.г. (т VI), составленная г. Греченкомъ, и прекрасная монографія св. Сѣцинскаго»: «Матеріалы для исторіи монастырей подольской епархіи» (т. V), гдѣ собраны

[1]) Уже два года спустя послѣ основанія древнехранилища, въ 1892 году въ немъ было собрано: историческихъ сочиненій 421, старопечатныхъ книгъ 80, рукописей 49, портретовъ, гравюръ и рисунковъ 342, картъ 7, церковныхъ древностей 161 и предметовъ археологическихъ 142 Съ того времени коллекціи древнехранилища постоянно умножаются пожертвованіями лицъ, сочувствующихъ трудамъ комитета.

историческія свѣдѣнія о 56 монастыряхъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и существовавшихъ прежде въ предѣлахъ нынѣшней Подоліи, и приведены многочисленные документы, въ томъ числѣ цѣлая лѣтопись Сатановскаго монастыря.

Энергическія заботы комитета о собраніи и разработкѣ историко-статистическаго матеріала дозволили ему наконецъ приступить въ 1895 году къ выполненію главной своей задачи, составленію систематическаго историко-статистическаго описанія епархіи; трудъ этотъ принялъ на себя членъ комитета св. Сѣцинскій и выполнилъ первую часть его—«Описаніе каменецкаго уѣзда».—Трудъ св. Сѣцинскаго представляетъ, какъ по количеству собранныхъ матеріаловъ, такъ и по критическимъ пріемамъ автора, одну изъ лучшихъ историко-статистическихъ работъ, посвященныхъ разработкѣ мѣстной, областной исторіи. Авторъ основательно изучилъ историческую литературу и изданные понынѣ актовые матеріалы, относящіеся къ Подолію, и сверхъ того пополнилъ ихъ многочисленными данными, почерпнутыми изъ документовъ, принадлежащихъ консисторіи, комитету и другимъ архивамъ. Описаніе мѣстностей онъ распредѣлилъ въ географическомъ порядкѣ по благочиніямъ; въ каждомъ-же благочиніи размѣщены приходы въ алфавитномъ порядкѣ. Можетъ быть, порядокъ строго географическій, по бассейнамъ рѣкъ, былъ-бы болѣе естественнымъ, чѣмъ порядокъ, основанный на церковно-административномъ дѣленіи, но авторъ въ этомъ отношеніи держался схемы, принятой въ статистическомъ описаніи епархіи (т. VI), и нѣкоторое неудобство, вытекающее изъ такого распредѣленія, устранилъ приложеніемъ подробно составленнаго указателя географическихъ именъ.—Описаніе начинается очеркомъ исторіи города Каменца и его церквей, затѣмъ слѣдуетъ описаніе приходовъ, расположенныхъ въ уѣздѣ. Въ каждомъ приходѣ сообщаются географическія свѣдѣнія о данной мѣстности, затѣмъ свѣдѣнія объ основаніи или первомъ встрѣчающемся упоминаніи о данномъ поселеніи и разсказана его исторія, на сколько она могла быть возстановлена по свидѣтельству источниковъ; далѣе приведены цифры статистическія о народонаселеніи и землевладѣніи, какъ въ прошедшее время (тамъ, гдѣ дозволили это сдѣлать документальныя свидѣтельства), такъ и современныя. Затѣмъ описаны археологическіе памятники, сохранившіеся въ чертѣ земель описываемаго селенія: городища, курганы, пещеры, селища и т. д., сообщаются свѣдѣнія о производившихся археологическихъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ этихъ памятниковъ, перечисляются спорадиче-

ческія находки предметовъ древности и сообщаются связанныя съ памятниками народныя преданія; впрочемъ, къ послѣднимъ авторъ относится строго критически и отмѣняетъ долю ихъ достовѣрности. Далѣе авторъ переходитъ къ исторіи мѣстнаго церковнаго зданія, сообщаетъ свѣдѣнія о времени и условіяхъ основанія церкви, объ обновленіи обветшавшихъ и времени возстановленія разрушенныхъ церквей, сообщаетъ статистическія данныя о количествѣ прихожанъ и церковномъ землевладѣніи какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящее время, цитируетъ документы, относящіеся къ исторіи церкви, и описываетъ древніе предметы церковнаго обихода, богослужебныя книги, надгробія и надписи, сохранившіяся въ каждой церкви, и заканчиваетъ описаніе перечнемъ приходскихъ священниковъ, управлявшихъ преемственно приходомъ, насколько перечень такой возможно было составить по имѣющимся документамъ.

Вообще книга св. Сѣцинскаго представляетъ весьма полезный вкладъ въ историческую литературу; мы искренно желаемъ его продолженія и увѣрены, что при научныхъ критическихъ пріемахъ и глубокомъ знаніи псторической литературы предмета, авторъ не замедлитъ порадовать всѣхъ любителей исторической старины нашего края изданіемъ продолженія своего труда. Частнымъ образомъ мы получили свѣдѣніе, что св. Сѣцинскій приступилъ уже къ описанію Ушицкаго уѣзда, и отъ всей души желаемъ успѣха этому полезному для науки предпріятію.

В. Антоновичъ.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга десятая. Издана подъ редакціей В. З. Завитневича. К. 1896 г.

Судя по «свѣдѣніямъ о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца съ 27 октября 1894 года по 27 октября. 1895 года», напечатаннымъ въ *десятой* книгѣ «Чтеній», Общество проявляло довольно живую дѣятельность; рефераты читались чрезъ каждыя двѣ недѣли и касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: археологіи, исторіи церкви, русской и малорусской исторіи и литературы, всеобщей исторіи и т. д. Къ сожалѣнію только, способъ веденія протоколовъ Общества лишаетъ возможности имѣть какое-нибудь поня-

тіе о томъ, обмѣнивались-ли члены Общества своими мнѣніями по поводу прочитанныхъ рефератовъ, къ какимъ результатамъ пришли они при обсужденіи и т. д. Это тѣмъ болѣе жаль, что задачей Общества является «обмѣнъ мнѣній», а не пассивное выслушиваніе различныхъ докладовъ, большинство которыхъ можно было бы съ большимъ, пожалуй, вниманіемъ прочесть, когда они будутъ напечатаны въ «Чтеніяхъ» Общества.

Содержаніе *десятой* книги «Чтеній» довольно таки скудно. На первомъ мѣстѣ напечатана статья П. Л. *«Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ»*, представляющая изъ себя компиляцію мнѣній прежнихъ историковъ о томъ, что первымъ митрополитомъ на Руси былъ не Михаилъ Сиринъ. П. Л. больше всего занимаетъ вопросъ о мощахъ Михаила, и онъ остроумно рѣшаетъ, что разъ въ X—XI в. митрополита Михаила не было, значитъ—и мощей его быть не могло. Обходя всѣ Сциллы и Харибды, П. Л. высказываетъ предположеніе, что мощи могутъ принадлежать митрополиту Михаилу XII в. «Такое признаніе не представляетъ и особеннаго практическаго затрудненія, такъ какъ при этомъ не измѣняются ни имя, ни санъ, ни титулъ святителя, нетлѣнно почивающаго своими мощами въ кіево-печерской лаврѣ; мощи остаются принадлежащими святому митрополиту кіевскому Михаилу, только митрополиту не X и не XI, а XII в.»

Статья Л. В. Падалки *«По вопросу о времени основанія города Полтавы»* мало подвигаетъ вопросъ впередъ. Авторъ противъ отождествленія лѣтописной «Лтавы» съ «Полтавой» и старается доказать невозможность подобнаго лингвистическаго превращенія. Мы, конечно, отказываемся спорить съ авторомъ на филологической почвѣ, хотя думаемъ, что говорить о какой-нибудь закономѣрности лингвистическихъ «переходовъ» тамъ, гдѣ происходило самое уродливое смѣшеніе различныхъ нарѣчій, нельзя. Пусть уважаемый авторъ объяснитъ намъ, путемъ какихъ «переходовъ» изъ С.-Петербурга образовался Питеръ, изъ Нахичевани—Кочевань, изъ Грандъ-Отель—Гринатель и т. п. Авторъ разсуждаетъ: «Лингвистика не допускаетъ превращенія слова «Лтава» въ «Полтава»: слогъ «по» въ этомъ послѣднемъ словѣ не можетъ быть приставной, что необходимо было-бы, если бы названіе «Полтавы» образовалось изъ «Лтавы». Природа органическаго языка, требующая, чтобы слово было образомъ обозначаемаго имъ предмета,

исключаетъ возможность образованія собственнаго имени города съ приставкой, въ данномъ случаѣ ничего не выражающей (?!). Какое представленіе можетъ, въ самомъ дѣлѣ, связаться съ словомъ, происходящимъ отъ корня «*Лт*» или «*Лът*» съ приставкой «*По*»? Какой оттѣнокъ въ искомомъ понятіи могла бы выразить такая приставка?» (стр. 15—16). Здѣсь цѣлый рядъ, по нашему мнѣнію, сплошныхъ недоразумѣній. Почему Л. В. Падалкѣ кажется, что въ словѣ Полтава корень *Лт* или *Лът*, а не *Лтав*? Затѣмъ, почему автору кажется, что приставка *По* ничего не выражаетъ? Намъ неизвѣстно, что такое *Лтава*, потому и кажется, что приставка ничего не выражаетъ, но допустимъ, что *Лтава* рѣчка, впадающая въ Ворсклу, допустите, что Лтава—то нагорье Ворсклы, по которому раскинулась современная наша Полтава, и тогда *Полтава*, какъ названіе города, получитъ вполнѣ опредѣленное значеніе. Мы никакой гипотезы не выставляемъ; намъ хочется только отмѣтить, что съ пріемами филологическими въ области исторіи нужно обращаться очень осторожно; филологія для исторіи можетъ имѣть только подчиненное значеніе, а потому выставлять первымъ при рѣшеніи чисто историческаго вопроса положеніе филологическое—есть, по нашему мнѣнію, грубая ошибка. Чтобы тамъ ни говорили, а трудно отрѣшиться отъ того, что между *Полтавой* и *Лтавой* нѣтъ ничего общаго, разъ и та и другая лежатъ на р. Ворсклѣ. Л. В. Падалка не поколеблетъ своими соображеніями этого «предубѣжденія».

Историческія соображенія Л. В. Падалки также мало убѣдительны, такъ какъ главное положеніе его, будто «несомнѣнно то, что въ дѣятельности Витовта, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается рѣшеніе занимающаго насъ вопроса объ основаніи г. Полтавы» (стр. 29),—остается для насъ недоказаннымъ. То обстоятельство, что Полтава упоминается въ XV вѣкѣ впервые, не даетъ намъ еще *ровно никакого права* относить основаніе ея къ энергичной дѣятельности Витовта.

Соображенія уважаемаго автора относительно происхожденія г. Полтавы отъ корня *плот* (пълот)=плетень, ограда, намъ кажутся, совершенно искусственными: такимъ способомъ можно Богъ знаетъ изъ какого корня произвести названіе г. Полтавы, если упускать изъ виду историческое свидѣтельство, что въ XII в. на Ворсклѣ существуетъ какая-то *Лтава*, гдѣ никакого и признака корня *плот* нѣтъ, и эта то *Лтава* составляетъ сущность названія города въ XV, XVI,

XIX в.в. Пусть простить наши сомнѣнія уважаемый авторъ; намъ кажется, въ вопросѣ о происхожденіи Полтавы онъ нѣсколько нарушилъ свою обычную осторожность и слишкомъ далеко зашелъ въ область гадательнаго.

Самой интересной статьей въ десятой книгѣ «Чтеній» является, безъ сомнѣнія, статья А. А. Андріевскаго «*Послѣдніе кіевскіе сотники*», содержащая въ себѣ богатый матеріалъ для бытовой стороны кіевской сотни во вторую половину XVIII вѣка. Послѣдніе кіевскіе сотники были изъ рода Гудимъ. Родъ этотъ происхожденія мѣщанскаго и разбогатѣлъ разными недозволенными средствами въ прошломъ столѣтіи. Одинъ изъ этихъ Гудимъ, Павелъ Ивановичъ, былъ въ 1750-хъ годахъ кіевскимъ сотникомъ, не смотря на то, что, по происхожденію былъ не козакъ, а мѣщанинъ, слѣдовательно, не имѣлъ права участвовать въ козацкихъ урядахъ. Но въ это время началось уже окончательно перерожденіе козацкихъ порядковъ, а потому Павелъ Гудимъ легко могъ, какъ выражается о немъ оффиціальный документъ, «снискать себѣ сотництво ради одного подступнихъ мѣсту шинковъ горѣлчанихъ произвожденія» (стр. 30). Сотничій урядъ послѣ Павла оставался, по наслѣдству, въ родѣ Гудимъ, а разныя злоупотребленія послѣднихъ въ роли сотниковъ и составляютъ содержаніе въ высшей степени любопытной статьи А. А. Андріевскаго.

Проф. В. Б. Антоновичу принадлежитъ статья «*По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала*». Ранѣе она была напечатана въ газетѣ «Кіевское Слово», а теперь перепечатана съ нѣкоторыми дополненіями. Статья В. Б. Антоновича носитъ полемическій характеръ и вызвана тѣмъ шумомъ, который произвели статьи г. Т. Кибальчича въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» по поводу уничтоженія акцизнымъ вѣдомствомъ при постройкѣ виннаго склада остатковъ вала, якобы построеннаго при Ярославѣ Мудромъ. В. Б. Антоновичъ шагъ за шагомъ разбираетъ историческую и археологическую аргументацію г. Кибальчича и доказываетъ ея полную несостоятельность. По предположенію В. Б. Антоновича, основанному на самыхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, снесенный акцизнымъ вѣдомствомъ валъ насыпанъ не Ярославомъ Мудрымъ, а представляетъ изъ себя «одинъ изъ ретраншементовъ Миниха», насыпанъ, значитъ, въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Статья В. Б. Антоновича, по богатству историческихъ и археологическихъ данныхъ, по критикѣ ихъ и осто-

рожности выводовъ, является крупнымъ вкладомъ въ исторію топографіи Кіева.

Отдѣлъ «Матеріаловъ» въ книгахъ «Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца» никогда еще не былъ такъ скуденъ и однообразенъ, какъ въ *десятой* книгѣ. «*Матеріалы по характеристикѣ послѣднихъ кіевскихъ сотниковъ*» А. А. Андріевскаго въ высшей степени цѣнны и подобраны умѣлой рукой, захотѣвшей отдѣлить въ нихъ пшеницу отъ плевелъ. За то 108 стр. «*Матеріаловъ для исторіи западно-русской церкви*», на ряду съ интересными и цѣнными документами, заключаютъ много такого, что имѣетъ второстепенное значеніе, печатаніе же подобнаго матеріала является прямо таки роскошью для такого небогатаго Общества, какое представляетъ изъ себя «Общество Нестора Лѣтописца». За это можно сильно упрекнуть какъ проф. С. Т. Голубева, такъ и редакцію десятой книги «Чтеній»: неужели редакція придаетъ большое научное значеніе многословно-пустымъ письмамъ «былаго виленскаго старшого іеромонаха Феофана»? А, вѣдь, этихъ писемъ не мало...

Съ недавняго времени въ «Чтеніяхъ» Общества Нестора Лѣтописца заведенъ отдѣлъ «библіографіи». Признаемся, мы не совсѣмъ понимаемъ, какой потребностью вызванъ этотъ отдѣлъ въ Сборникѣ, выходящемъ maximum разъ въ годъ? Библіографія, разъ она не разростается въ научныя статьи по поводу извѣстнаго сочиненія, имѣетъ цѣлью знакомить читателей съ вновь выходящими книгами и изданіями и устанавливать извѣстную точку зрѣнія на нихъ. Отсюда вытекаетъ потребность, чтобы рецензіи печатались въ болѣе доступныхъ для публики журналахъ, а не въ такихъ Сборникахъ, какъ «Чтенія въ Обществѣ Нестора», куда даже ученая публика, навѣрно, заглядываетъ только тогда, когда желаетъ навести справки по тому или другому вопросу. При такихъ условіяхъ рецензія, во-первыхъ, теряетъ свой raison d'etre, а во вторыхъ, вызываетъ недоразумѣніе и появленіе отдѣльныхъ рецензій въ спеціальномъ Сборникѣ. Можно было бы понять еще, если бы въ «Чтеніяхъ» былъ организованъ отдѣлъ рецензій на подобіе, напр., «Записокъ Наукового Товариства им. Шевченка» во Львовѣ, тогда бы отдѣлъ этотъ могъ имѣть справочное значеніе. А то извольте теперь догадаться, что прекрасная, строго научная рецензія А. М. Лазаревскаго, уничтожающая совсѣмъ «Исторію Запорожскихъ козаковъ» Д. И. Эварницкаго, какъ самостоятельный трудъ, находится въ *десятой* книгѣ «чтеній». Это тѣмъ болѣе жаль, что для публики рецензія А. М. Лазаревскаго

остается неизвѣстной, и публика съ тѣмъ же довѣріемъ будетъ относиться къ г. Эварницкому, съ какимъ относилась и до сихъ поръ. И это не только простая, но даже ученая публика, что, конечно, вполнѣ понятно. Отдѣлъ библіографіи намъ кажется совершенно излишнимъ въ «Чтеніяхъ», а потому гораздо было бы полезнѣе, если бы 50 страницъ, посвященныя библіографіи, были отданы, напр., на напечатанье, положимъ, «Нѣжинскаго историческаго слѣдствія о маетностяхъ» и мн. др. документовъ по исторіи Малороссіи.

Кромѣ рецензіи А. М. Лазаревскаго, въ «Чтеніяхъ» помѣщена и другая рецензія В. З. Завитневича на книгу А. А. Олесницкаго «Мегалитическіе памятники святой земли», заключающіе въ себѣ обширный и подробный пересмотръ работы профессора кіевской духовной академіи—и только, если не считать указаній на стр. 47 рецензентомъ литературы о томъ, кто когда у насъ, въ Россіи, интересовался мегалитическими памятниками. Читатель можетъ видѣть изъ этого, какъ *случайна* «библіографія» «Чтеній».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о нумераціи страницъ въ «Чтеніяхъ». Намъ кажется въ высшей степени неудобнымъ, что каждый отдѣлъ имѣетъ особую нумерацію. Это только затрудняетъ пользованіе книгой. По нашему мнѣнію, было бы удобнѣй, если бы въ книгѣ было только два отдѣла: протоколъ и затѣмъ труды общества. Кто пользовался книгами «Чтеній», тотъ, думаемъ, согласится съ нами.

Н. В.

Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редакціею Михайла Грушевського. Томъ IX и X (1896, кн. I—II). Стр. 194+202 [1]).

Въ X т. «Записокъ» редакторъ даетъ общій обзоръ дѣятельности львовскаго научнаго общества имени Шевченка за три года его существованія. Независимо отъ чтенія рефератовъ (большею частью помѣщаемыхъ въ «Запискахъ») въ засѣданіяхъ трехъ секцій общества, послѣднее значительно расширило свое издательское дѣло. Въ минувшемъ году «Записки» выходили четыре раза въ годъ, матеріалъ сгруппированъ въ постоянныхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ наиболѣе полно поставленъ отдѣлъ библіографическій. Предпола-

[1]) Обзоръ содержанія I—VIII т. т. „Записокъ“ см. въ „Кіев. Старр.“ 1895 г., ноябрь и декабрь, 1896 г., февраль.

гается выпускать томъ «Записокъ» черезъ каждые два мѣсяца, а болѣе обширныя изслѣдованія, сборники матеріаловъ и т. п. издавать отдѣльно. Кромѣ «Записокъ», общество продолжало изданіе «Юридическаго журнала», «Исторической библіотеки» и «Зори»; начато изданіе «Источниковъ для исторіи Украины-Руси» (вышелъ I-й томъ, содержащій люстраціи королевщинъ въ земляхъ Галицкой и Перемышльской 1565—6 гг., со вступительной статьей г. Грушевскаго, собравшаго и матеріалъ для этого тома); задумано изданіе «Памятниковъ украинско-русскаго языка и литературы» — первый томъ будетъ выпущенъ въ настоящемъ году, подъ ред. г. Франка; изданъ первый томъ «Этнографическаго Сборника». При скудости матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ молодое общество, и трудности этого новаго и сложнаго дѣла, нельзя не удивляться энергическимъ начинаніямъ кружка галицкихъ литераторовъ и ученыхъ и не пожелать возможно широкаго развитія дѣятельности общества, направленной къ разработкѣ научныхъ вопросовъ на родномъ языкѣ.

Кромѣ научной хроники, мелкихъ замѣтокъ и библіографическаго обзора, который, какъ отмѣчено уже не разъ, ведется весьма успѣшно, въ настоящихъ двухъ томахъ находимъ нѣсколько болѣе обширныхъ статей, интересныхъ по содержанію и обработкѣ. Г. Ал. Лотоцкій въ статьѣ «Соборные клиросы въ Украинѣ и Бѣлоруссіи XV—XVI в.» (т. IX, 1—34) попытался дать, на основаніи главнымъ образомъ актоваго матеріала, характеристику внутренняго строя церковно-приходской жизни и выяснить значеніе соборнаго клира въ отношеніи административномъ, судебномъ и хозяйственномъ. При разбросанности матеріала по этому вопросу и преобладающемъ вліяніи обычнаго права въ нормированіи внутреннихъ церковныхъ отношеній на Руси разсматриваемой эпохи, авторъ, конечно, не задается безплодною мыслью дать въ своемъ изслѣдованіи точную схему или кодексъ мѣстнаго административно-каноническаго права. Вѣроятно, по той же причинѣ авторъ уклонился отъ подробнаго сравненія изслѣдуемаго института со строемъ иновѣрныхъ церквей, имѣвшимъ свое вліяніе на жизнь западно-русской церкви. Цѣль его—сгруппировать наличный, достаточно скудный, матеріалъ и дать посильное объясненіе по уцѣлѣвшимъ извѣстіямъ о строѣ старой церковной жизни. Въ этихъ предѣлахъ поставленная задача выполнена авторомъ съ большою осторожностью, и статья читается съ интересомъ.

Г. Вас. Щуратъ (IX, 1—28) въ статьѣ о Словѣ Даніила Заточника даетъ обзоръ изданій этого памятника, мнѣній о его происхожденіи и значеніи. Пользуясь изданіемъ Леграна и изслѣдованіями Крумбахера, авторъ доказываетъ, что «Слово» въ основѣ представляетъ собою чуть-ли не простой переводъ стихотворныхъ посланій византійскаго хрониста Михаила Глики къ имп. Мануилу Комнену (XII в.) и поэтому имѣетъ также ближайшее сходство съ поэмами современника Глики Ѳеодора Птохопродрома. На этой заимствованной основѣ позднѣйшіе переписчики и передѣлыватели рисовали дальнѣйшіе узоры по собственному вкусу, откуда разница въ изданіяхъ. Такимъ образомъ, «Слово» лишено всякой исторической подкладки и въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличается отъ извѣстныхъ Пчелъ, Златоструевъ и др. компилятивныхъ сборниковъ преимущественно поучительнаго содержанія. Въ концѣ статьи приложено и самое «Слово» по копіи Толстого XVII, съ важнѣйшими разночтеніями. Составленіе «Слова» въ неизвѣстной намъ первоначальной формѣ авторъ относитъ къ XIII или началу XIV ст.

Г. Евг. Барвинскій (X, 1—34) въ статьѣ «Къ исторіи сношеній императора Рудольфа II и папы Климента VIII съ козаками въ 1593 и 1594 гг.» представилъ интересный очеркъ этой неудавшейся военно-дипломатической кампаніи. Въ концѣ статьи приведено нѣсколько выписокъ изъ неизданныхъ актовъ вѣнскаго Haus-Hof-Archiv'a, изъ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ и Чарторійскихъ въ Краковѣ.

Указанная уже въ прежнемъ обзорѣ (Кіев. Стар. 1896 г., февр.) статья г. Ив. Франка о романѣ «Варлаамъ и Іоасафъ» (X, 29—80) оканчиваетъ критическій обзоръ содержанія этого памятника, даетъ сравненіе текста креховской рукописи съ греческимъ и нѣсколько соображеній объ источникахъ романа. Окончаніе статьи будетъ посвящено вопросамъ о личности автора романа и времени составленія послѣдняго.

Кромѣ того, въ IX т. находимъ статьи д-ра О. Ч. «Неовитализмъ и его заблужденія» и г. Ив. Раковскаго «Къ вопросу о строеніи пищепровода у лекарской пьявки» (съ 8 микроскоп. снимками).

Изъ статей научной хроники отмѣтимъ интересный и обширный критическій отчетъ г. М. Грушевскаго (X, 1—32) о новѣйшихъ трудахъ, посвященныхъ внутреннему строю вел. княжества литовскаго (гг. Владимірскаго-Буданова, Любавскаго, Леонтовича и Вольфа).

Въ библіографіи настоящихъ двухъ томовъ даны болѣе или менѣе подробные отчеты о 70 изданіяхъ, книгахъ и брошюрахъ, касающихся южнорусской письменности и исторіи.

Нѣсколько нелишенныхъ интереса замѣтокъ находимъ и въ отдѣлѣ miscellanea. Таковы отчеты объ извѣстной исторіи съ мнимымъ Ярославовымъ валомъ въ Кіевѣ, поднятой г. Кибальчичемъ по поводу устройства зданія винной монополіи на Кудрявцѣ, и о находкахъ г. Хвойко, о документахъ тайнаго берлинскаго архива, касающихся тайной миссіи Капниста къ берлинскому двору въ 1791 г. по дѣламъ Малороссіи, выдержка изъ рукописнаго перевода Левицкаго «Слово о п. Игор.» 1839 г., обзоръ содержанія рукописнаго галицкаго сборника, содержащаго сказанія, главнымъ образомъ, объ Александрѣ Македонскомъ, и нѣк. др.

Н. М.

Juliusz Starkl. Łowictwo. Zygm. Fiszer. Rybactwo. (Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Tom. II, zeszyt 7). Lwów, 1896. gr. in—4. Стр. 115

Кружокъ галицко-польскихъ литераторовъ, ученыхъ и практическихъ дѣятелей (болѣе 50 душъ) задался весьма симпатичною мыслью: пользуясь львовской выставкой 1894 г., дать читающей публикѣ рядъ подробныхъ научныхъ очерковъ, посвященныхъ главнымъ образомъ экономическому изученію Галичины, какъ въ ея настоящемъ, такъ и въ прошломъ. Все изданіе предположено въ 25 выпускахъ или 4 томахъ. Программа изданія задумана весьма широко и разносторонне, разработка отдѣльныхъ вопросовъ поручена спеціалистамъ. Если изданіе будетъ доведено благополучно къ концу, то, несомнѣнно, мы будемъ имѣть богатый матеріалъ для болѣе или менѣе полнаго ознакомленія съ внутреннею жизнью родственной намъ области, представляющей во многихъ отношеніяхъ экономическаго свойства значительныя аналогіи съ нашей родиной.

Полученный недавно 7 выпускъ общаго изданія посвященъ очерку охотничьяго и рыболовнаго дѣла въ Галичинѣ и составляетъ незначительную часть второго тома, куда должны войти также монографіи по земледѣлію, лѣсоводству, горному и горнозаводскому дѣлу. По мѣрѣ полученія выпусковъ, надѣемся знакомить съ ними вкратцѣ читателей журнала.

Судя по работамъ гг. Старкля и Фишера, названіе которыхъ приведено въ заголовкѣ, львовская выставка 1894 г. не будетъ служить основнымъ фономъ для монографій и, повидимому, къ счастью для изданія. Авторы откровенно заявляютъ, что, не смотря на всѣ усилія, выставка дала очень мало матеріала для изображенія дѣйствительнаго положенія дѣла рыболовства и охоты въ краѣ. Авторамъ приходится обращаться къ литературѣ предмета, лишь въ рѣдкихъ и сравнительно маловажныхъ случаяхъ ссылаясь на экспонаты. Правда, въ монографіи г. Старкля (стр. 1—33) имѣется нѣсколько художественно исполненныхъ снимковъ выставочныхъ пьесъ, но снимки эти, въ сущности, ничего не поясняютъ. Гораздо поучительнѣе въ работѣ г. Старкля статистическія сопоставленія, указывающія на малую культурность края. Сравненіе съ западными областями монархіи, даже со Штиріей и Нижней Австріей, приводитъ автора къ печальнымъ для Галичины выводамъ: застой и чрезвычайно медленное распространеніе принциповъ раціональнаго охотничьяго хозяйства—таково общее заключеніе г. Старкля о Галичинѣ въ указанномъ отношеніи.

Скудость матеріала, бывшаго въ распоряженіи г. Старкля, видимо, не позволила автору разработать этотъ отдѣлъ изданія съ тою обстоятельностью и наглядностью, блестящій образецъ которыхъ данъ въ монографіи г. Фишера, посвященной галицкому рыболовству и рыбоводству. Мы не можемъ достаточно рекомендовать эту работу всѣмъ, интересующимъ дѣломъ не только въ отношеніи спорта, но и со стороны экономическаго его значенія и въ смыслѣ изученія его прошлаго. Чтобы нарисовать картину, предложенную въ настоящей монографіи, г. Фишеру, видимо, пришлось работать много и усидчиво, и въ результатѣ читателямъ предложенъ высоко интересный и поучительный матеріалъ. Собственно выставка 1894 г. и въ этомъ отношеніи не дала почти ничего цѣннаго. Г. Фишеру необходимо было не только перерыть литературу предмета, но и производить личныя сношенія съ свѣдущими людьми, и только такимъ путемъ удалось достичь намѣченной цѣли. Предполагая, что нашъ «Вѣстникъ Рыбопромышленности» не преминетъ подробно ознакомить русскую читающую публику съ работой г. Фишера, ограничимся здѣсь указаніемъ общаго содержанія ея.

Глава 1-я монографіи посвящена рыболовной гидрографіи Галичины. Тутъ подробно указаны виды рыбъ, обитающихъ въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ края. Очеркъ Днѣстра представляетъ спеціальный интересъ и для нашего края, такъ какъ улучшеніе рыболовства въ

этой рѣкѣ возможно лишь путемъ международнаго соглашенія. Статистическія сопоставленія показываютъ, что изъ всѣхъ областей Австріи Галичина находится въ самомъ благопріятномъ положеніи для развитія рыболовства, а между тѣмъ оно находится тамъ въ крайнемъ упадкѣ.

Глава II—«рыбы Галичины и ихъ распространеніе». Здѣсь даны научныя и народныя названія 54 видовъ галицкихъ рыбъ, мѣры ихъ роста, названія рыбъ исчезнувшихъ въ краѣ, но упоминаемыхъ въ старинной литературѣ, очеркъ передвиженія рыбъ въ теченіе года, очеркъ разселенія рыбъ по разнымъ воднымъ поясамъ, указаны причины перемѣнъ въ водной фаунѣ. Историческому очерку положенія рыбнаго дѣла до 1890 г. посвящена обширная III глава (стр. 71—86), при чемъ обращено особое вниманіе на законодательство и подробно указаны причины паденія рыбнаго промысла въ новѣйшее время—истребленіе лѣсовъ, сплавъ дерева по горнымъ рѣкамъ, регулированіе рѣкъ, варварскіе способы ловли, порча воды фабричными и заводскими отбросами, безучастіе законодательства и т. д. Въ слѣдующей главѣ данъ очеркъ дѣятельности галицкаго рыболовнаго общества и въ особенности основателя его, проф. Максимиліана Новицкаго,—очеркъ высоко поучительный. Далѣе подробно изложенъ и подвергнутъ критикѣ рыболовный уставъ 1890 г., внесшій нѣкоторый порядокъ въ смутное положеніе дѣла. Въ VI главѣ дана картина современнаго положенія промысла въ Галичинѣ, обрисованы способы ловли и сбыта, описаны рыболовныя снасти и инструменты (на стр. 119 снимки), наконецъ указаны попытки нѣкоторыхъ лицъ завести правильное рыбное хозяйство. Глава VII посвящена очерку прудоваго рыбнаго хозяйства. Глава VIII—«продукція рыбъ въ краѣ, потребленіе, торговля, консервы, раки». Наконецъ, глава IX посвящена обзору мѣръ и способовъ, необходимыхъ для поднятія въ Галичинѣ рыбнаго дѣла, находящагося нынѣ, не смотря на уставъ 1890 г., въ печальномъ положеніи, особенно по сравненію съ западными областями монархіи.

Уже изъ краткаго изложенія содержанія монографіи г. Фишера можно судить, въ какихъ широкихъ рамкахъ задумана и исполнена эта прекрасная работа, поучительная не только для практическихъ дѣятелей, но и для лицъ, интересующихся вообще народнымъ бытомъ во всевозможныхъ его отношеніяхъ. Къ статьѣ приложена карта, показывающая распредѣленіе рыбъ въ водахъ Галичины и пункты съ раціональнымъ рыбнымъ хозяйствомъ. Настоящій частный во-

просъ, разработанный умѣло и съ знаніемъ дѣла, гармонически дополняетъ общую картину, которую обѣщаетъ дать изданіе въ полномъ его объемѣ.

Внѣшность изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, что особенно удивительно въ виду его дешевизны.

Н. М.

I. Rocznik Kòłka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1892. w. Tarnopolu. 1892. стр. VIII+146 и I планъ.

II. Rocznik Kòłka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1893 W Tarnopolu. 1894. стр. IV+177

Въ 1890 г. на съѣздѣ историковъ во Львовѣ покойный профессоръ львовскаго университета и редакторъ польскаго историческаго журнала «Kwartalnik Histocyczny» Ксаверій Лиске поднялъ вопросъ объ организаціи въ небольшихъ городахъ Галиціи кружковъ для изученія прошлаго и современнаго состоянія этихъ городовъ и ихъ округовъ. Мысль Лиске оказалась плодотворною и осуществилась на дѣлѣ. Устройство такого кружка въ Тарнополѣ взялъ на себя д-ръ Янъ Ленекъ, и ему удалось организовать здѣсь коммиссію, которая выработала уставъ кружка и обратилась съ приглашеніемъ принять участіе въ его дѣятельности къ мѣстнымъ помѣщикамъ, священнослужителямъ обоихъ вѣроисповѣданій, чиновникамъ, учителямъ среднихъ и низшихъ школъ, адвокатамъ и пр. На призывъ коммиссіи отозвалось 64 человѣка, и уже въ мартѣ 1892 г. кружокъ началъ свою дѣятельность. По уставу цѣль кружка—изученіе Тарнополя и Галицкаго Подолья въ археологическомъ, историческомъ, этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Кружокъ дѣлился на двѣ коммиссіи: историко-литературную и естественно-историческую. Задача первой: описаніе мѣстныхъ архивовъ, изданіе важнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ и самостоятельныя изысканія на основаніи этихъ матеріаловъ, обработка исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, изученіе археологическихъ памятниковъ, произведеній искусства, надгробныхъ надпи-

сей, имѣющихъ историческое значеніе, изученіе мѣстныхъ особенностей языка, собираніе народныхъ преданій, пѣсенъ и обычаевъ. Вторая коммиссія занимается изслѣдованіемъ мѣстной фауны, флоры, геологическихъ, климатическихъ и гигіеническихъ условій края. Кружокъ издаетъ свой ежегодникъ (Rocznik), въ которомъ печатаются статьи на обоихъ мѣстныхъ языкахъ—польскомъ и малорусскомъ.

Мы имѣемъ въ рукахъ два томика этого ежегодника за 1892 и 1893 гг. Въ I выпускѣ напечатаны и программы для описанія отдѣльныхъ мѣстностей въ историческомъ, археологическомъ, этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніи, выработанныя коммиссіями кружка. Изъ мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ въ I вып. напечатаны привилеи королей и владѣльцевъ г. Тарнополя, изъ которыхъ древнѣйшій привилей Сигизмунда-Августа восходитъ къ 1550 году (Тарнополь основанъ гетм. Яномъ Тарновскимъ въ 1540 г.). Д-ръ Л. Финкель на основаніи дневника Ульриха Вердума и инвентаря г. Тарнополя 1672 г. (послѣдній напечатанъ въ той же книжкѣ Rocznik'a) даетъ очень живое и интересное описаніе г. Тернополя въ 1672 г. (вып. I). Во II выпускѣ г. Ногай сообщаетъ выпись изъ рукописи «Protokól akt miejskich mikulinieckich», заключающую права и привилегіи, данныя М. Микулинцамъ Людвикой Потоцкой, статуты цеховъ этого мѣстечка и списокъ микулинецкихъ мѣщанъ, присягавшихъ въ 1762 г. по случаю введенія здѣсь Потоцкой магдебургскаго права. Въ той же книжкѣ г. Ногай разсказываетъ о судьбѣ парафіальнаго костела въ Тарнополѣ, основаннаго Ѳомой и Катериной Замойскими; здѣсь же приложенъ и фундаційный актъ въ латинскомъ оригиналѣ и польскомъ переводѣ. Исторіи Тарнополя посвящена и неоконченная во II-мъ вып статья свящ. Петра Билинскаго «Тарнополь и его данныя, которыя сообщаетъ авторъ касательно исторіи тарнопольскихъ церквей.

Этнографіи въ Rocznik'ѣ посвящена всего одна статья Яна Матіёва «Причинокъ до етнографіѣ галицкаго Подоля» (на малорус-

---

[1]) Приводимъ изъ этой статьи небольшую выписку, небезынтересную для занимающихся географіею древней Руси: „На поли (степу), належачомъ до Струсо-

комъ яз.), гдѣ передаются любопытныя мѣстныя повѣрья, относящіяся къ чорту и смерти (вып. I.).

Что касается естественно-историческаго отдѣла, то мѣстной флорѣ посвящено три статьи: двѣ г. Р. Гутвинскаго «Staw Tarnopolski» и «Odolny pógłęd na glowy okolic Tarnopola, Tremlowli» и одна г. Шнейдера «Las kutiowiecki». Г-ну Сатке принадлежатъ двѣ статьи: «Klimat Tarnopola» (вып. I) «O zawieslosci ciepłoʒy w następujęcych po sobie miesięcach i porach roku w Tarnopolu» (вып. II). Наконецъ, пчеловодству на галицкомъ Подольѣ посвящена статья г. Яна Кобака (вып. II).

Къ первому выпуску приложенъ планъ г. Тарнополя 1790 г.

Два томика Rocznika свидѣтельствуютъ о томъ, что тарнопольскій кружокъ успѣлъ въ короткій промежутокъ времени сдѣлать не мало для всесторонняго ученія родного края, и можно только пожелать, чтобы и въ будущемъ дѣятельность кружка была столь же энергичною и плодотворною, какъ и въ первые два года его существованія. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у насъ въ провинціи мало распространены общества такого типа, какъ тарнопольскій кружокъ. При немногочисленности людей, заинтересованныхъ мѣстными изученіями, такіе кружки въ нашихъ небольшихъ городахъ могутъ организоваться скорѣе, чѣмъ спеціальныя общества, посвятившія себя изслѣдованію одной какой нибудь стороны прошлаго

ва, межи селомъ Заздростію и нѣмецкою кольоніею Найтичайнъ Панталихою званою, есть могила звана „Галицка“ або „Галицкая“; традиція каже, що то була границя межи галицкимъ и Теребовельскимъ княжествомъ. Поле, на которомъ та могила, кажуть люде, звалося все „галицке“; ажь познѣйше, якъ побудоване тамъ фольваркъ, зачало называтися „Поплавы“. Оповѣдають, що въ той могилѣ або, якъ инши называють, въ томъ копци есть закопаный желѣзный стовпъ. Котрый дуже помаленько росте, якъ выросте до призначеной высоты, то буде война по вкопець, а втогди буде одъ копця по тамтой сторонѣ, себъ то на галицкой сторонѣ. Не далеко одъ галицкой могилы, бо на границѣ межи селомъ Варваринцями а селомъ Ладычинъ есть озеро, котре такожь зве ся „Галицке“. (Rocznik, II, стр. 66-68). Авторъ отождествляетъ эту галицкую могилу съ Галичиной могилой, упоминаемой въ Галицко-Волынской лѣтописи подъ 1206 годомъ. (Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г., стр. 483-484.

или современнаго состоянія данной мѣстности, на привлекая къ себѣ всѣ мѣстныя интеллегентныя силы и захватывая болѣе широкій кругъ интересовъ, они могутъ разсчитывать и на болѣе сочувственное отношеніе къ себѣ со стороны публики, что, конечно, доставитъ имъ и большія средства для выполненія научныхъ предпріятій.

Е. К.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

Сверхъ книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ при № 3 „Кіевской Старины“, въ книжный складъ поступили слѣдующія изданія.

Андріевскій А. Послѣдніе кіевскіе сотники Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Ц. 50 к.

Гаврышъ Ал. Закохана (Поэма). Кіевъ 1893 г., стр. 1—16. Ц. 5 к.

Гринченко Б. Неймовирный, або чоловикъ та жинка безъ виры не спилка. Драма на пьять дій. У Чернигови 1896 г., стр. 1—72. Цѣна 10 коп.

Гринченко Б. Покынута у лиси дивчына. Казка. Одесса. 1896 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к., на веленевой бумагѣ 10 к.

Загирня М. Добра порада. Оповидання. У Чернигови 1896 г., стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Правдыва казка. Оповидання. Выданя друге. Харькивъ 1890 г., стр. 1—15 Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Щетынныкъ. (Зъ народного жыття). Харькивъ 1891 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Кернеренко Грыцько. Невелычкый збирныкъ творивъ. Харькивъ 1890 г., стр. 1 49. Цѣна 25 к.

Кернеренко Грыцько. Въ досужій часъ. Лирна поэзія. Харькивъ 1896 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Кононенко М. С. Княгиня-кобзарь. (Баллада). Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 15 к.

Крымскій. А. Черезъ що люде биднiють та що имъ треба робыты. Порады Грыцька Квитки Москва 1896 г., стр. 1—36. Цѣна 15 к.

Лучицкій. И. В. Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ 1896 г., стр. 1—65. Цѣна 75 к.

Ныва. Украинськый литературный збирныкъ 1885 року. Одесса 1885 г., стр. 1—207. Цѣна 1 р.

Пилинскій Д. Прыгоды (Малюнки зъ жыття). Москва 1896 г., стр. 1—61. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Мѣстечко Борисполе въ XVII вѣкѣ. Акты мѣйскаго урада 1612—1699 г.г. Изданіе журнала «Кіевская Старина». Кіевъ 1892 г., стр., 1—112. Ц. 75 к.

Тышко Ол. Маты. Кіевъ 1896 г. стр. 1—36. Цѣна 5 к.

за млинъ тулиголовскій, оттоль заехалъ до двора гетманскаго, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ повернувшись домой, никуда не ездилъ. Сестра моя двоеродная Уліяна, дочъ гетмана Скоропадского, жена Петра Толстого, умре въ Москвѣ, зъ болѣзни чехотной.

Середа. 14. День былъ подобній вчорайшому, холодній, вѣтряний и хмарній. Ночъ такъже очинь была холодная зимною стужею. На службѣ родитель и я били у генер. церквѣ и обѣдали у себе и дновали.

Четвер. 15. День и ночъ были во всемъ вчорайшимъ сходніе, толко между тимъ ясность показивалась и таяніе. Рано ездилъ до п. Михайла, былъ въ судѣ, где чернець повѣренний епископа Чернѣговск. Тихонъ говорилъ противъ мене улику сторони мелници тулиг. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ знову ездилемъ до п. Михайла и посидя повернулся домой. Присланъ указъ зъ С. П. Бурха грамотою, 2-го марта отпущенною, до гетмана, чтобъ онъ нарядилъ малороссійскихъ бунчуковихъ и козаковъ десять тисячъ и болѣе, и когда востребуетъ генералъ, (что въ Ризѣ губернаторомъ) Лесси (?) тобъ и поступали бъ по его диспозицѣи и приказомъ, а коммендѣромъ опредѣлить вѣрную и знатную особу, а походъ къ виступленію и полкамъ рекгулярнимъ къ полскимъ границамъ. Повернулся зъ Москви Гаврило, брата п. Михайла слуга и обявилъ, что сестра наша Толстая очинь болна на чехотную, и привеслъ за дуката купленніе рѣчи вѣкоторіе дробніе. Слугамъ дана барма: Климу и Вѣжевскому и Алексѣю сукно лучшее, Янѣшевскому Петру, Демяну, Юску, Тарасу, Яремѣ—другое и дано имъ денегъ по полтора руб., машталѣру—тузѣнокъ и Козлу, Рудому габа, такъже Урбану и Козлу—зъ тузѣнкомъ.

Пятокъ. 16. День былъ вѣтрянъ, а посля свѣтелъ зъ таяніемъ, однакъ и холодомъ, ночъ свѣтла, сперва вѣтряна, а потомъ тиха и зъ морозомъ чувственнимъ. До Терноліота писалъ я и червонніхъ 10 послалъ, а родитель 15 червонніхъ, а писма сіе послани до Андрѣя Василченка, дворанина кораваювского, черезъ Вакуловича, чтобъ онъ двѣ по 400 кварть вина бочки отпустилъ, зъ которихъ одну сюда въ Глуховъ прислать; до егожъ писалъ я,

чтобъ если можно за анталъ вина 3 куѳи гор., тобъ я и зъ охотою принялъ. Черезъ Старжинского, до Ромна едучого, писалъ я до Заборовского о подписѣ челобитной въ судъ, что онъ иску материнего на сестрѣ Чорнишевой не ищетъ. До Алѣксѣя, чтобъ зехалъ въ Гадячъ до Михаила Литвиненка и увѣдомился о гор. и если тамъ покупу нѣтъ, то чтобъ онъ далѣй рушалъ до Полтави. До стар. сухонос. о походѣ нашемъ и козаковъ въ Сух. и Перер.

Субота. 17. День былъ свѣтелъ, а потомъ хмаренъ, тихъ, сперва холоденъ, потомъ тепловатъ и снѣжокъ малий проривался, ночъ хмарна зъ вѣтромъ и холодновата. Въ службѣ билъ я у Николая, обѣдалъ въ дому и съ нами Ладонка, канцеляристъ судовий. У банѣ мился. Швакгеръ п. Яковъ отехалъ, зъ которимъ я, у мене бувшимъ, простился. Слишно, что яко би комендантъ глухов. Кишкинъ, взятий по интересному дѣлу въ Москву зъ женою, освободился.

Неделя. 18. День былъ почасти свѣтелъ, однакъ холодноватъ, а къ вечору теплѣйшій. Ночъ свѣтла, тиха и холодновата, а особливо къ свѣту зъ морозцемъ. Былъ я зъ род. рано у генерала Нарѣшкина, оттоль у гетмана, где и обѣдалъ зъ многими, а по обѣдѣ у Ломиковской зъ п. Михайломъ и проч., подпіяхомъ зѣло. Новіе шинкарѣ въ Сварковѣ уставлени, Жидовленокъ и Антоненокъ; такъ же и кварта новая, якихъ въ носатцѣ болшой 105, если носатками давать, то за носатку, отвернувши десятину и чоповое, приходитъ денегъ намъ по рублю и по 74 к., а если куѳою, то отъ цѣлой кухви готового 3 копи отвернуть.

Вел. понедел. 19. День былъ свѣтлій и почасти вѣтрянъ, холодноватъ, а зъ полдня зъ таяніемъ; ночъ такъ же свѣтла, тиха, а къ свѣту зъ морозомъ и вѣтромъ. Сегодня отправленъ Чугутовъ въ Роменъ, черезъ которого до родителки послалъ я вина бутилокъ 3 и писмо. Ярема привезлъ пива варъ зъ Воронѣжа 6 бочокъ и еще варъ тамъ. Новіе шинкарѣ сварковскіе отправлени, одной дано отъ Тараса нос. 2, а другому отъ его жъ дана карта о видачѣ куѳи зъ Тулиг.

Вовтор. 20. День былъ сперва свѣтлій, после хмарній, мокроватъ, зъ вѣтромъ, ночъ такъ же хмарна, мокровата, а къ свѣту

зъ густимъ дожчемъ великимъ. Пріехалъ Климъ зъ Нѣжина и привезлъ писмо отъ Димитрія и покупку отъ его жъ, око кагве, двѣ оки тютюну и 2 волочки оловянихъ водки рожевой цареградской, и писма отъ Стерѣевича и асаули пол. Левицкого, чтобъ увѣдомить ихъ, виноватъ ли Іотій Хіотѣ 400 р. или ни, требуючіе такой вѣдомости. Принялъ я отъ Тараса сварковскихъ шинковихъ 8 р. и росписался. Черезъ...

Середа. 21. День былъ хмаренъ зъ густимъ и пластоватимъ снѣгомъ, которій покрилъ всю землю, а потомъ сталъ таяти до вечора, а зъ вечора черезъ ночъ, а особливо къ свѣту морозецъ и силненкій; ночъ же была хтарна и тиха. На службѣ Божой были у церквѣ енералской. Писалъ я до войта нѣжинского, черезъ хоружого нѣжинского Левицкого, чтобъ Михайла Хіоту онъ велѣлъ взять за арестъ, покаместъ отъ мене туда мой посланний пріедетъ, для того, что Іотій хочай и признается до денегъ Хіоти на себѣ однакъ не столко, чтобъ мой долгъ могъ уплаченъ быть.

Четвер. 22. День былъ спервa хмаренъ и зъ сухимъ морозомъ, а посля свѣтелъ зъ таяніемъ, ночъ такъ же хмарна, а къ свѣту ясна не зъ великимъ морозцемъ. Приобщались род. и мы ст. Тайнъ у церквѣ Михайловской, а жена зъ дѣтми у енералской, и никуда не ездили. Янѣшевскій повернувшись зъ степу, привезлъ вѣдомость, 1) что ужѣ тому недѣль зъ двѣ, якъ у футорѣ Артополотскомъ было скиртъ 10 сѣна; 2) куфу гор. за 8 р. Калиновскому шинкаревѣ дать Алексѣю; 3) въ футорѣ Гамал. здохло теля отъ корови грабѣжной, овець такъже 2, ягнятъ 3 и козенятъ 1, а на Кривой Рудѣ—малихъ телятъ 2, въ Сухонос. волъ, зъ Кіева прійшовшій; 4) а въ Перервинцяхъ до марта 13-го дня—кобилъ, лошаковъ и стрижаковъ, 3, стрижокъ 2, лошаковъ прошлолѣтнихъ 14, лошичокъ 6, итого 30 поголовя; 5) у футоръ Гамал. перегналъ онъ Янѣшевскій зъ Перервинець дрикганта вороного, нѣмецкихъ кобилъ двѣ зъ лошачкомъ, да кобилъ 12 своего стада; 6) тамъ же у Артопол. футорѣ еждалихъ коней 24, а лошаковъ 17 еще неученихъ.

Пятокъ. 23. День былъ сперва свѣтелъ, а потомъ хмаренъ зъ густимъ и пластоватимъ снѣгомъ, толко жъ мокримъ, а потомъ зъ дощемъ, отчего грязно очинъ стало. Такъ же и ночъ хмарна и дощевата и тепла была. Пріехали зъ Астраханѣ Дѣдичъ и Гломазда и привезли 500 р., да еще 6 р., да на людяхъ кризкихъ 9 р. 50 к. за провозъ ихъ, да мѣди полтора пуда, зъ залишкомъ, и въ ломаннихъ штучкахъ 56 фунтов., въ томъ же числѣ, шовку кренцоного фунтъ 1, коней 4, да кобилъ 2, хомутовъ 3 и писмо отъ Григорія Гиля, что онъ за горѣлчаними 390 р. остался для доправки въ Астрах. Зъ Крисіокъ былъ подводчикъ и привезлъ допросъ Ерофѣя; черезъ котораго отписалъ до стар. и Демяна, чтобъ они доношеніемъ о розищику отозвались до полковника и между тимъ одинъ зъ нихъ былъ сюда привезлъ вѣдомость Клима, въ Будищахъ продаемого. Зъ Сухонос. пріехалъ человѣкъ и привезлъ сира и смитани и вовни на коберци виробленой, пофарбованой, 40 пасомъ. Дворникъ сварковскій умре. Мѣрочнику сварковскому за будущую его работу около млина далъ 60 к. Коновалу Федору цигану далъ я строкатого коня и 20 к. для отроботку впредъ.

Субота вел. 24. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний и мокрій, осѣнному подобній. Ночъ была вѣтряная, мокрая и холодная Брату п. Михайлу отослалъ должнихъ отъ моне денегъ 50 р. черезъ Клима. Боку за чай черезъ его малого отослалъ 3 р. Вѣжевскому далъ 6 р. и записано, зъ которихъ онъ далъ и съ прежнихъ котляру за казанъ броварний, въ которомъ 6 пуд. 8 р., а еще приходится 1 р. 44 к., опрочъ мѣди за якую...

Воскресеніе. 25. День былъ хмарній, вѣтряній и холодній, ночъ такова жъ. Были у генералской церквѣ зъ поздравленіемъ генерала, где и службы Божой слухали, оттоль заехали до двора гетманского для... (?) поздравленія, а обѣдалъ зъ женою въ дому и зъ Гапкою, и уже никуда не ездилъ.

Понедел. 26. День былъ свѣтлій, тихій, мало вѣтряний, але холоднй, воздуха сухого, ночъ такъ же была свѣтла, тиха, и очинь холодна. Были на службѣ у ст. Анастасіи и обѣдали у гетманскомъ дворѣ, и подпіяхомъ.

Вовтор. 27. День былъ вчорайшимъ во всемъ сходніе зъ прибавкою стужи. Рано были мы зъ род. у енерала Нарѣшкина, обѣдали у его жъ, и увесь день съ нимъ, такъ же зъ п. Михайломъ и племѣнникомъ енералскимъ Василіемъ Василіевичомъ, играли у кадрилѣю, а посля въ ломбаръ, зъ проиграшомъ 180 к. Кравцю Леску далъ я черезъ молодика его 1 р.

Середа. 28. День и ночъ были во всемъ вчорайшимъ и позавчорайшимъ сходніе. Былисмо въ дому и обѣдалисмо вси, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла и посидя и поговоря о скорбѣ своей, которую сегодня получили зъ преставленія сестри нашей Уліяни Івановни Толстой, розехались. Стар. тулиг. пріехавши, обявлялъ, что тамъ въ Тулиг. 3 куеи гор. повнихъ есть. Ему жъ далъ я 12 р. на куплю дерева на лазню, на свиннѣ и на уплатку винникомъ.

Четвер. 29. День былъ во всемъ противъ прежнихъ сходенъ, толко мало теплѣйшій. Ночъ такъже была сходна во всемъ противъ прежнихъ. Климъ пѣщанскій повторно поехалъ въ Нѣжинъ за должникомъ Михайломъ Шіотою и данъ ему приказъ, якъ въ томъ дѣлѣ поступать, и писма до полковника, до Грановского, до асаули пол. и до Стерѣевича, и ему на дорогу 20 а. Отписали писмо до хоружого енер. черезъ дубогаевского человѣка сторони Панчушнихъ и Тимошенковъ, подданнихъ монастирскихъ, которихъ онъ, хоружій, въ козаки неслушне приворочаетъ, и до Щербѣнского о томъ же и что зде приняти, отъ него присланніе 70 р. Служитель покойници сестри Толстой пріехалъ въ Глуховъ къ намъ зъ тимъ, что тѣло ея вчорайшого дня зъ Сѣвска попроважено у монастиръ Гамалѣевскій, черезъ Марчишину Буду и черезъ Ямполь.

Пятокъ. 30. День былъ во всемъ противъ прежнѣхъ сходенъ, такъже и ночъ, толко очинъ холодна. Били род. и я рано у генерала Нарѣшкина и отклонились ему, а посля обѣда рано о полднѣ поехали и пріехали до монастира Гамалѣевского, где и ночовали. Вѣжевскому далъ я въ росходъ 18 р. Брату Марку родился другій сынъ, Іванъ, въ Стародубѣ.

Субота. 31. День былъ и ночъ противъ прежнѣхъ, тихіе, ясніе, воздуха сухого. Рано тѣло покойной сестри моей Уляни Іва-

новни Толстой припроважено въ монастиръ, а при немъ пріехали и дѣти ея Александеръ и Іванъ Толстіе и дочъ Анастасія, и съ ними дворецкій Іванъ Каратаевъ, и мы зъ род., зъ п. Михайломъ и Корецкимъ пробыли зде увесь день.

М-ць априль. Неделя. 1. День былъ противъ прежнихъ сперва зъ морозомъ холодний, а посля мало зъ таяніемъ, ночъ такъже противъ прежнихъ зъ морозомъ. Дновалисмо зде у монастиру, а у вечеру пріехалъ до насъ Флюgеръ, воронѣжскій сотникъ, зъ которимъ доволно просидѣли и повеселились.

Понедел. 2. День былъ сперва зъ морозомъ противъ прежнихъ, а передъ вочоромъ воздухъ теплотою и влагою растворенъ сталъ, а потомъ и дожчъ сталъ показиватись, ночъ также тиха, тепловата и мокровата зъ дощемъ. Погребеніе сегодня у монастиру покойной сестри моей Уляни Ивановни Толстой отправилось, при которомъ мы всѣ были, а зъ духовнихъ—мутинскій строитель зъ трома законниками, такъже протопопи: глуховскій и кролевецкій, отецъ Никифоръ, отецъ Мойсей и протчіе, которимъ зде и обѣдъ билъ поставленъ.

Вовтор. 3. День былъ хмарній, безъ стужи и тихій до полдня, а съ полдня вѣтеръ завѣялъ полунощній зъ морозомъ до ночи и ночъ вся зъ стужею. Позичилисмо у намѣсници монастирскихъ денегъ 100 р. на роздачу на поминовеніе покойной сестри. П. Михайло после обѣда отехалъ въ Глуховъ, такъже жена и Кондзеровская, а род. и я остались въ монастирѣ.

Середа. 4. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний, мало ростaвало, такова жъ и ночъ была. Обѣдалисмо у монастирѣ, а по обѣдѣ поехали зъ монастира домой и пріехали позно, для худой дороги, отъ великого везде по дорозѣ и по полямъ снѣгу. Пріехали съ нами и Толстіе. Зъ С.П.Бурху указъ присланъ къ ясневелможному на линѣю висилать 10 тисячъ человѣкъ, а въ Глуховѣ положили козаковъ вислать 3, а мужиковъ 7 тисячъ, итого 10 тисячъ.

Четвер. 5. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, тепловатий зъ дощемъ. Такъже и ночъ хмарна была и нехолодна, зъ дощемъ невеликимъ, отчего и ставъ по малу почалъ очищатись. Обѣ-

далисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, такъ же и до племѣнниковъ Толстихъ, на поставникъ.

Пятокъ. 6. День былъ хмарній зъ дощемъ и тепловатъ, отчего еще болше очистилось ставу здешнего глуховского отъ ліоду, ночъ свѣтла, тиха и къ свѣту морозъ. Рано зъ племенниками Толстими ездили родитель и я до генерала и до гетмана, где всѣ и обѣдалисмо, а по обѣдѣ посидѣвши я зъ п. Михайломъ, повернулся домой. Старостѣ крисковскому данъ на писмѣ приказъ въ слѣдуючихъ пунктахъ: 1) по прежнимъ приказамъ сент. 13, да ноевр. 18, недоконченніе докончить; 2) о зборѣ осѣнномъ, хлѣбномъ и грошевомъ опредѣленіе учинить межъ себе самимъ людямъ, 3) по дѣлу зъ Ярофѣмъ обстоювать, чтобъ о заннятю греблѣ мужикомъ Ананкою и попа Галушки грунта мужичіе включенни били въ розискъ; 4) уллѣ, драпь, приборъ до греблѣ и прочее у онихъ прежнихъ приказахъ исправлять; 5) зъ Нѣвченками за млинъ торговатись; 6) пасѣчника сискать и въ улей пчолу упускать, а не у стояни. Получилъ писмо отъ архіерея кіевского объ отдачѣ денегъ Гурчинихъ [1]) игумену петропавловскому, да отъ архіерея Чер. объ опредѣленіи въ Крискн на розискъ игумена Макошинского по дѣлу съ попомъ крисковскимъ.

Суббота. 7. День былъ зъ ранку зъ хорошимъ морозцемъ, а потомъ тепелъ, тихъ а свѣтелъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна и дощевата, ажъ до свѣта тиха, отъ чего мало не ввесь ставъ здешній за ночъ очистился. Рано ездили род. и я зъ женою на пастовнихъ, где било поминаніе о покойной сестрѣ и обѣдалисмо тамъ.

Неделя. 8. День былъ свѣтелъ, тихъ и тепелъ, а посередъ дня дожчъ, къ вечору вѣтеръ холодній, ночъ свѣтла вѣтряна зъ морозомъ, особливо къ свѣту. Ставъ мало не ввесь очистился отъ ліоду, сдешній глуховскій. Сегодня былъ я на службѣ у ст. Анастасіи, а обѣдалъ у дворѣ гетманскомъ и по обѣдѣ сидѣлъ у п. Михайла, оттуду заездилъ до Радищева, Синявина и Борзни, у которого посидѣвши, повернулся домой, где засталъ отца Иннокентія

[1]) Т. е. Горки, архіеписк. астраханскаго.

законника петропавловского до мене за денгами 330 р. Горчинними, чтобъ ихъ отобрать отъ мене, пріехавшого. Карпѣцѣ Матвѣю, по писму отца его Данила Карпѣки, повторне далъ до прежде даннихъ 33 р далъ теперъ 67 р., итого 100 р. далъ, а 100 на мнѣ.

Понед. 9. День бѣлъ хмарній, вѣтряний съ полнощнимъ вѣтромъ, холодний, что мало холоднѣйшая, а къ свѣту снѣжокъ и зъ вечора снѣжокъ. Сегодня не ездилъ я никуда, обѣдалисмо у себе, а Ганнуся на пастовнику у Анастасіи. Посля обѣда Бокъ пріездилъ и кровъ мнѣ зъ головной жили, а женѣ и Пазѣ зъ ноги, родителю зъ медіяни—пускалъ.

Вовтор. 10. День былъ хмарний, велми холодний, а къ вечору випогодилось, ночъ такъ же погодна, тиха, толко еще холоднѣйшая и зъ морозомъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому и никуда не ездилъ, а приказъ написанъ Янѣшевскому, отсилаючомуся въ степъ, въ слѣдуючихъ пунктахъ: 1) вислать сюда 12 коней, 22-го апр., зъ машталѣромъ; 2) до Михайла Литвиненка карту переслать о продажѣ горѣлки на ярмарку...(?). есть въ Гадячомъ; 3) Въ Гамал. осмотрѣть пчоли чи згодована, плуги чи споражени, ярина чи посѣяна и сколко, и чтобъ на тютюнъ виоралъ много презъ озерца и возовъ воловихъ 5 спорадить. 4) О степку сторжитись и попа упевнить денгами. 5) У Сухонос. назначить Дядю и людей, возовъ 10 спорадить, улліовъ до 300 уготовать, млина курѣнского отобрать, тютюну болше присѣять, гор. куеу зъ Сух. взять въ Перервинцѣ и что плоха она, за то стар. зганить, Мищенка зъ Павломъ Дядею росправить, о свиняхъ, жеби било въ сажу зъ 20. 6) О присилкѣ шинкара Салог. и Калин. сюда по горѣлку и перемѣнить онихъ певнѣйшими. 7) О котляру. 8) О вовнѣ, въ Кіевъ посиланной. 9) У Перервинцяхъ 30 р. роздавать Крутневи и старостѣ, гор. если зійшла послать въ Сухонос. по куеу, загороду занять болшую на конѣ и устроить зъ повѣтками, по обоихъ концяхъ и зъ яслами по серединѣ, шопу овчую обернуть на шопу для лошатъ, а для овець устроить далѣй и около ввесь токъ вербами обсадить, а для строенія человѣка 10 на 2 или на 3 недѣлѣ взять и что теперъ можно, а что неможно, то въ осени дѣлать, на тое 5 р.

дано, о приуготовленіи мѣста на футоръ, где стѣнка Чичканева, ярини сѣять зъ прибавкою. Сивого дрикганта, если толко можно, не пускать. 10) Зъ Василемъ Крутнемъ объ упадку излѣдовать конскомъ и писать ко мнѣ. 11) Перечислить здохлихъ и конѣ порадкомъ прошлорочнимъ. 12) Палубовъ 4 въ Сухонос. здѣлать.

Середа. 11. День былъ свѣтлій, вѣтряний и велми холодній, такъ что и въ день не роставало. Ночъ такъ же свѣтла, тихшая отъ дня и холоднѣйшая, зъ морозомъ. Климъ пріехалъ зъ Нѣжина и привезлъ отъ Михайла Шіоти проценту 12 червонныхъ и 70 к. Слишно, что архимантриту Межигорского и другихъ старцовъ провезено черезъ Глуховъ зъ Кіева подъ карауломъ. Обѣдалъ я зъ род. въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла, где видѣлся зъ полковникомъ Нѣжинскимъ Хрущовимъ, которій сюда пріехалъ отпрошуватись, чтобъ ему не бить въ командѣ обозного енералного, что онъ себѣ ставитъ, если бы былъ, за обиду. Климу, випровляючомуся въ Лубнѣ до полков. луб. зъ листомъ гетманскимъ, по дѣлу зъ Кодинцемъ, данъ приказъ: 1) достоіевать по ономъ листу рѣшенія въ судѣ пол.; 2) інструкцѣю Янѣшевскому данную дѣлать ему и смотрѣть и упоминать, чтобъ по оной, где и отъ кого надлежитъ, исполненіе чинено было; 3) Лиценка и Павла Дядю росправить и стар. за взятте викладовъ зганить; 4) по силѣ прошлогоднего приказу, ревизѣи знимать зъ старостъ; 5) у Кривой Рудѣ, жеби на бѣль (?) порадочнѣй торочного збиранно и 6) денегъ 20 р. дано ему—роздавать на сѣно въ Перервинцяхъ, а 15 р. у Гамал. футорѣ. Вѣжевскому на росходи далъ 10 р.

Четвер. 12. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодній, подобній вчорайшому, къ вечору хмаренъ, такъ же и ночъ хмарна и холодна велми. Сегодня былъ на службѣ у ст. Николая, а обѣдалъ въ дому зъ племенниками Толстими. Договорились зъ пасѣчникомъ жителемъ ярославскимъ, Ефимомъ Яновскимъ, винниченкомъ, на годъ до пасѣки, и дать ему 5 р., жита русскихъ четвертей 8, гречаного 1, крупъ мѣрокъ 4, мѣрку пшона, сала полтора пуда и соли то жъ, риби въ постъ, кожухъ, свиту, рукавицѣ, чоботи, убраніе суконіе, кошуль пару, и далъ ему 2 р. 50 к. Договоръ былъ зъ цегельниками Пилипомъ Анисковимъ, да Тарасомъ Григоріевимъ

на 30 тисячей цегли на той ценѣ, якъ и родителей, и далъ я имъ задатку 4 р. Янѣшовскій зъ инструкцѣею посланъ, о которой апр. 10 упомянуто.

Пятокъ. 13. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодній велми, ночъ такъ же свѣтла, тиха и холодна, толко не такъ къ свѣту хмарна. Сегодня не ездилъ я никуда, а родитель заболѣлъ на голову. Климъ поехалъ въ Лубнѣ зъ інструкцѣею, вчера помянувшеюся. У чиншовика сварковского взялъ Вѣжевскій чиншу 2 р.

Субота. 14. День былъ хмарній, тихій, мокровлажний и тепловатій, ночъ также хмарна, тиха почасти и тепловата. Ездилъ я въ городъ и обѣдалъ у двору гетманского, а по обѣдѣ ездилъ на пастовникъ, откуду у вечеру повернувшись, билъ у банѣ и кровъ зъ потилицѣ и плечей банками пускалъ. Слишно, что якобы князь Шаховскій поехалъ зъ Сумъ въ Роменъ, а зъ Ромна въ Нѣжинъ, а въ Нѣжинѣ Петра Стерѣевича писма арестовалъ, а зъ какихъ мѣръ—неизвѣстно.

Неделя. 15. День былъ подобній вчорайшому, толко еще теплѣйшій и ночъ такова жъ, а къ свѣту випогодилась. Былисмо зъ ранку у генерала и съ нимъ на службѣ у его церквѣ, а обѣдали въ дому. По обѣдѣ знову ездилемъ до генерала и игралъ нещасливо у шахмати зъ племенникомъ его. П. Михайло поехалъ въ Нѣжинъ ради своихъ должниковъ. (*Сбоку приписка*: къ веснѣ перемѣна).

Понедел. 16. День былъ свѣтлій, мало вѣтрянъ, однакъ холодноватъ, а особливе зъ ранку, а потомъ тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и зъ малимъ къ свѣту морозцемъ. Продалъ Вѣжевскій зъ Тарасомъ соли 108 пуд. соляникамъ, отъ которого отбралъ и денегъ 22 р. и 68 к.; да продалъ же тютюну 109 папушъ, за которий отбралъ я денегъ 1 р. и 62 к. зъ деногою и на то ему росписка дани. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до склепу, где насипали вина кіевского бутилокъ 11, цицю и бутилу, якъ би у 4 бутилки, а осталось вина половина бочонка.

Вовтор. 17. День былъ и ночъ тихіе, теплiе, самiе весняніе и свѣтлiе. Вино зъ Кіева отъ Тарноліота правезено ко мнѣ волоское, кухва 1, и писмо отъ него, въ которомъ объявляетъ, что

всего вина въ двохъ кухвахъ и въ третей бочцѣ 1014 кварть по 8 копѣекъ, за якое онъ принялъ денегъ 19 червонныхъ и 12 р., а остальніе денги пріймет, продавши мою горѣлку, которой тамъ 3 кухви есть. По ищисленію ему доводится всѣхъ денегъ 81 р. 12 коп., принялъ онъ 19 червонныхъ, по 11 зол. червонний кладучи, и 12 р., итого принялъ 53 р. и 80 к., а приходится ему еще 28 р. 32 коп. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и тіоткою Кондзеровскою, а по обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ до племянниковъ Толстихъ.

Середа. 18. День и ночъ были такіе, якъ и вчера зъ особливою чувственною теплотою. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и Добронизкими обома, а по обѣдѣ ездилъ въ городъ и тамъ позабавивши, повернулся домой. Ігуменъ густинскій Леополскій пріехалъ въ Глуховъ отъ архіерея кіевского и привезлъ намъ отъ его листъ, въ якомъ обявляетъ, что получилъ онъ зъ Синода указъ— черниць гамалѣевскихъ перевести въ Мутинъ, а мутинскихъ черцовъ въ Гамалѣевку, въ монастиръ Харлампіевскій и чтобъ ему ігумену до указу тамъ быть.

Четвер. 19. День былъ и ночь подобніе прежнимъ, свѣтліе, тепліе очинъ и тихіе почасти. Рано ездилъ я въ судъ и присутствовалъ говоренной отъ повереннихъ епископа черниговского улики противъ моего допросу о млинѣ тулиголовскомъ. Такъ же по дѣлу сестри Чарнишевой зъ пасинкомъ ея говорилъ Старжинскій допросъ, которого и за караулъ посажено. П. Михайло пріехалъ съ Нѣжина, у которого посидѣвши, повернулся домой.

Пятокъ. 20. День и ночъ во всемъ вчорайшимъ сходни были. Ездилъ я рано до футора и Сваркова и оттуду позно повернулся домой. Овса купилъ Вѣжевскій четверикъ и осминъ 3, по 6 зол. четверикъ. Шинкаръ сварковскій первую видалъ куеу гор. и за оную привезлъ денги, якіе я принялъ, а именно 13 р. и 23 к. и росписку далъ Тарасу, а остался долженъ 3 р.

Субота. 21. День былъ свѣтлій, теплій, а посля вѣтряний, а у вечеру хмаренъ, ночъ хмарна, вѣтряна. Поминаніе было на пастовнику за сестру Уляну Толстую, и обѣдалисмо.

Неделя. 22. День свѣтлій, холодноватъ и вѣтрянъ, таковажъ и ночъ, а къ свѣту морозецъ. Былъ на службѣ у ст. Михаила, а обѣдалъ у дворѣ и зъ п. Михайломъ посидѣлъ, у пѣкетъ забавляючись. Сотника лохвицкого и писара его привезено сюда подъ карауломъ.

Понед. 23. Были съ род. у енерала, а неувидивши его, слухали службы Божой у монастирѣ и въ дому обѣдалисмо. День былъ такой же, якъ и вчора и ночъ, а къ свѣту морозецъ, толко что въ день особливо было тепло. Старостѣ тулиг. Романови далемъ на росходъ 6 р. и записалъ, и далъ Вѣжевскій зъ 13 р. взятихъ у Тараса, шинковихъ и даннихъ Вѣжевскій у пріемѣ и расходѣ своемъ не повиненъ записивать. Господарь здалъ пчолу въ пасѣкахъ и привезлъ реестръ, что въ Уздицкой пасѣцѣ пчоли виставлено зъ имшаника 370, а порожнихъ улей 422, а у Шрамковской виставлено пчоли на точку 44, а порожнихъ улей 50. Стар. тулиг. обявилъ, что виставилъ живой пчоли 23. Въ футорѣ Ар. Гамал. всеей пчоли на лице 84, а въ Сухонос. 136.

Вовтор. 24. День былъ сперва до полдня свѣтелъ, тихъ и збытъ тепелъ, а съ полдня передъ вечоромъ полуденний вѣтеръ зъ жесточайшимъ вихромъ, что и шопу нашу удвигнулъ и нагналъ къ водѣ, а посля мало утихъ, однако жъ черезъ вечоръ и ночъ вѣтеръ былъ же и ночъ была хмарна, а тепловата. Ездилъ въ судъ и началъ и окончилъ оправданіе мое на 7 листахъ противъ, улики повѣренних ѣп. чернѣговского. Пріехавши оттуду, зъ женою обѣдалъ.

Середа. 25. День былъ свѣтелъ, тепелъ велми, якъ и прежніе, и тихъ, а передъ вечоромъ зъ полдня хмара надишла зъ жестокимъ громомъ и блискавицею, и дощъ густий ишолъ до ночи, а зъ полночи знову ишолъ до свѣта. Рано поехалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ монастиръ Гамал., где засталъ ігумена густинского Леополского, также протопопу глух. и отца Мойсея, переписуючихъ монастиръ и что въ немъ есть, въ чомъ и забавилисмося до вечора.

Четвер. 26. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, а потомъ къ вечору почасти хмаренъ, зъ маленкимъ дощикомъ, ночъ хмарна зъ

малимъ и тихимъ дожчемъ, къ свѣту випогодилась. Продновали зде въ монастирѣ Гамал., переписуючи імбарѣ и проч.

Пятокъ. 27. День былъ свѣтлій и теплій велми, ночъ такъ же свѣтла тиха, а къ свѣту вѣтряна и холодна. Сегодня тутъ въ монастирѣ до обѣда забавилъ и черницямъ полотна видѣлилъ, а именно: серветокъ гладкихъ штукъ 3, а квѣтчатихъ штукъ 7, обрусовъ гладкихъ штукъ 15, а квѣтчатихъ штука 1, ручниковъ квѣтчатихъ штукъ 9, обрусовъ перетиканихъ штукъ 50, полотна бѣлого штукъ 50, итого всего штукъ 90, да зъ другого імбару ровного полотна штукъ 105, серветокъ гладкихъ штукъ 3, скатертей штука 1, итого 109, а зъ обоихъ імбаровъ 199 штукъ. Поехалъ я зъ монастира, а пріехалъ въ Глуховъ за 4 часа.

Суббота. 28. День былъ съ початку хмаренъ и холоденъ, а посля дощъ густій ишолъ часовъ нѣсколько, а потомъ переставъ ити дощъ, толкожъ хмарно и вѣтрано до вечора и черезъ ночъ всю было. На Бѣлополовки, посля служби и молебна, у гетманскихъ новихъ будинкахъ билъ банкетъ и подпіяхомъ ради дне коронацѣи ея величества, и самъ гетманъ болше всѣхъ пянъ и слабъ сталъ, что понесли его до постелѣ зъ крѣсломъ, где якъ сказуютъ и спать не моглъ отъ лому въ рукахъ и ногахъ; а посля увѣдомились, что паралѣжъ заразилъ его лѣвую руку и ногу и мало рота скривило; которому докторъ Бокъ въ ночѣ еще давалъ кристеръ, и кровъ зъ ноги пускалъ и потное лѣкарство давалъ. Конѣ зъ футора Гамал. пригнати козаками сухонос., 13 коней. Да съ Крисіокъ отъ стар. сухонос. получилъ я вѣдомость гор. тамъ имѣючойся, а именно: куховъ 24, а въ нихъ нос. 240, да квартъ 411, а въ двадцять пятой куѳѣ нос. 6 толко еще.

Неделя. 29. День былъ хмарній, вѣтряшій, полунощнимъ вѣтромъ и велми холодній. Ночъ также была хмарна и холодна, толко тиха, къ свѣту дощъ. Обѣдалисмо у генерала, а въ день посѣщали болѣзнуючого гетмана на паралѣжъ, якъ висше упомянуто. Купилъ я вороного дрикганта нѣмецкого у сѣвского ямщика Василія Зѣновъева сына Прутковского, за 40 р

Понед. 30. День былъ хмарній и дощеватий зъ доволнимъ дощемъ и холодній, а къ вечору почастн випогодился, ночъ почасти свѣтла, тиха и холодна. Продали соли кухву, въ которой 29, да бочку у 15 пуд. а кухва нумеръ 5, и денги до себе принялъ, а бочка нумера 2-го (sic). Писалъ до стар. криск. и Демяна, чтобъ по совѣсти составили сами мнѣніе и по роспросамъ людскимъ, что и съ кого надлежитъ убавить осипъ грошевой и хлѣбний, и такое мнѣніе ко мнѣ прислать; да о хлопцахъ старатись, сиротахъ, на услугу сюда двухъ или трохъ. Да старатись о куплѣ улей и постройцѣ млина и приложилъ къ нимъ листъ швагра п. Якова зъ саморучною покойного тестя цедулою, что не было позволенія Ерофею скуплять грунтовъ, и писмо послалъ до Ѳедора Лисенка, сотника березинского, нараженного зъ пол. канцеляріи за розискъ въ Криски. Родитель поехалъ въ Роменъ, а я на Бѣлополовку и зъ п. Михайломъ видѣлся. Листъ гетманскій получилъ я о нешествіи моемъ въ походъ. Василь Филомоновъ посланъ зъ двома дрикгантами въ Роменъ, воронимн, которому на дорогу далъ 40 к. Чаю жестянку насипали вновъ полну.

М-ць май. Вовтор. 1. День былъ вѣтряний, холодний, а после дощеватъ, а холодъ осѣнний, ночъ также была хмарна и холодна. Ездилъ я въ городъ и закрепилъ въ судѣ енер. оправданіе свое на бѣло по дѣлу зъ епископомъ чернѣгов. за тулиголов. мелницу. Обѣдалъ въ дому еъ сестрою Чарнишевою и Кондзеровскою. Продалъ я Кролевецкого дворикъ суддѣ енер. Борзнѣ за 40 р. и взялъ.

Середа. 2. День былъ глубоко осѣнний, а именний (именно?) холодний, вѣтряний, мокрій зъ дощемъ и съ снѣгомъ пластоватимъ, а после дощемъ, потомъ мало випогодилось, особливе къ вечору и въ ночѣ, а зъ полночи до свѣту изнову хмарно, вѣтряно и холодно. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ, простившись съ домашними, отехалъ, и пріехалъ въ Тулиг. на ночъ, где и ночевалъ.

Вознесеніе. Четвер. 3. День былъ зъ ранку холоденъ велми и вѣтрянъ, а после снѣгъ, потомъ дощъ, которий передъ вечоромъ переставалъ ити, а вѣтеръ жестокій не переставалъ ити. Ночъ тиха,

свѣтла и холодна, толко жъ не такъ, якъ день. На службѣ Божой былъ я у церквѣ тулиг. и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ и пріехалъ передъ вечоромъ у Мутинъ, где и ночевалъ. Зъ Тулиг. писалъ письмо до панеи черезъ Козла: 1) чтобъ клуня робилась; 2) чтобъ пасѣки обѣ обгорожени и обстроени были; 3) о пристройки другого кола въ Сварковѣ; 4) должніе за жито люде, чтобъ отробляли; 5) возовъ воловихъ 10 спорадить и всѣхъ вислать въ Тул. по лазню, на святой неделѣ; 6) пчоли 70 перевезти у Шрамковскую пасѣку и о семъ бы приказать господареви, а Забарѣ и Тарасу: 1) жито позичать четвертей сварковцямъ 20, да глуховцямъ 20, на отроботокъ; 2) да соль важить и соляникамъ отдать, да особливе Козлу въ Сварковѣ дерево щепить и ячмѣнь покупать на насѣнне и горѣлку роздавать на жито въ Свар. объ Николѣ. Въ Мутинѣ явился Ярема, черезъ которого до жени писалъ о засилцѣ его зъ лишними конми въ футоръ Гамалѣевскій. У Тулиг. імбарѣ гор. было при мнѣ 3 куеи повнихъ, а въ четвертой 7 нос.

Пятокъ. 4. День былъ во всемъ и ночъ такіе, якъ и вчорайшіе. Рано поехалемъ зъ Мутина и переехалъ черезъ Сеймъ, а въ переездѣ медлѣлъ часовъ 3 зъ злишкомъ, и пріехалъ до полдня въ село Грузскую, где опочилъ; оттоль поехавши, пріехалъ у вечеру въ Смѣле и у Греся ночевалъ.

Суббота. 5. День былъ сперва тихъ, а после вѣтрянъ и хмаренъ, и холоденъ. Ночъ хмарна и холодна и черезъ всю ночъ, дожчъ силній ишолъ, къ свѣту пересталъ. Рано поехалъ зъ Смѣлого и пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ, где засталъ родителей и братовъ Семена, Марка и Луку доброздравственныхъ.

Неделя. 6. День былъ вѣтрянъ зъ ранку, а после тихъ и свѣтелъ и тепелъ. Ночъ свѣтла, тиха и почасти тепловата, и стала перемѣна вѣтра. Сей день пробавилемъ въ Ромнѣ, покупкѣ свои споражаючи. Явился Михайло Литвиненко и обявилъ, что 2 куеи гор. продалъ, одну за 14 р., а другую за 14 р. (sic) и изъ тихъ грошей отдалъ намъ 12 р. Всѣхъ грошей Вѣжевскому далъ я 12 червонныхъ, да 20 р. на ярмарковіе покупки по сей часъ зде въ Ромнѣ, да еще 3 червон., а всѣхъ 15.

Понедел. 7. День былъ тихъ и почасти хмаренъ и тепловатъ, а посля по полднѣ дощеватъ, къ вечору пересталъ дожчъ. Ночъ хмарна, тиха и холодновата къ свѣту. Продновалъ зде въ Ромнѣ, обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ покупки споражалъ.

Вовтор. 8. День былъ рано хмаренъ, посля свѣтелъ и тепелъ, и тихъ до вечора. Ночъ такъ же отмѣнная отъ прежнихъ 2, свѣтлая, тихая и тепловатая зъ росою. Продновалъ я зде въ Ромнѣ, а родитель поехалъ по футорамъ. Николаю Михайловичу греку далъ я карту, что доводится отъ мене денегъ за покупкѣ 50 р., а 7 р. и 85 к. я ему отдалъ. Такъ же Ененку за сукно доводилось отъ мене денегъ 7 р., а я его сыну видалъ червонныхъ два, а остался виноватъ 2 р. 60 к. Купилъ я у лавочника сребра середнего проби, 42 лота, по 9 а лотъ, за все заплатилъ 11 р. и 40 к. Ординарная цена чеховому или шаговому и шостаковому сребру лотъ по 9 а., а московскому противъ рублевика по 10 а., а гданскому по 15 а. и вижоgи по полтинѣ.

Середа. 9. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо въ дому съ маткою, а по обѣдѣ ходилъ зъ братами осмотривать дригантовъ и кобилъ нѣмецкихъ, продажнихъ нѣкоторого московитина Полякова, жителя нѣжинского да Колѣженина, оттоль зазванъ я до отца протопопи роменского Совѣцкаго, где мало посидѣвши отойшолъ и отехалъ, а пріехалъ у футоръ мой Гамал. Артополотскій за полъ 4 часа. У футорѣ смотрѣлъ овець, где ягнятъ уже есть 80, а козенятъ 10.

Четвер. 10. День былъ свѣтлій, тихій, а посля вѣтрянъ, однако жъ тепелъ, по сторонахъ дожщъ, ночъ тиха, свѣтла и тепла. У футорѣ посѣяли ярини сего году четвериковъ лубенской мѣри, ячменю 11, овса 12, пшеницѣ 5, проса 3. Обѣдалъ я тутъ у футорѣ, а по обѣдѣ Алексѣйця посилалъ до попа розбишовского, чтобъ онъ пріехалъ ко мнѣ для розграниченя степку у его купленного, але онъ самъ не поехалъ, а прислалъ карту зъ человѣкомъ, которому приказалъ завести на томъ степку, где орать. И потомъ я поехалъ у вечеру, а пріехалъ у Токарѣ, где и ночовалъ. Дрик-

даруетъ, пріедете, то въ то время поговоримъ обстоятелно; я и сама того жъ мнѣнія, а не инако, и когда и ви узнаете причину, то и ви такого же содержанія будете, что прежде нелзя мнѣ поступать на сіе никакъ, покуда противности отъ ихъ какой неузнать. Пожалуйте, чрезъ сего увѣдомите мене, когда ви будете, ибо я хочу въскорѣ въ Каруковку поехать. Получена ль полатка ваша въ цѣлости, увѣдомить прошу, ибо оная отправлена съ Каруковки приказчикомъ.

76. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Сей въручитель, что такъ нескоро къ вамъ присланъ, то тому причина, что я толко что пріехала сюда недавно; домашніе клопоти, а паче плотина мене удерживала. Какъ ви скоро будете, прошу увѣдомить чрезъ сего; я здеся не замедлю, толко поисправлю что нужнѣйшое. Михайла Михайловича [1]) ожидаю въ Боровичи изъ синомъ, которого онъ ожидалъ пріезда сегодни въ Черниговъ. Не худо би, чтобъ ви его въ Боровичахъ застали, о чемъ я одначежъ васъ увѣдомить не промину, какъ толко пріедетъ онъ въ Боровичи. Мнѣ кажетця, что сходнѣе будетъ здесь вамъ, Иванъ Степановичъ, познакомившись съ нимъ, и просить тогда о извѣстномъ дѣлѣ. Что до отца касаетця, какого ви будете на сіе мнѣніе и какъ расположитеся, увѣдомить прошу. За симъ препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ вѣрнимъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею въсегодоброжелателнѣйшею услужницею Н. П. 1789 г. іюля 23. Съ Каруковки.

77. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Николай Михайловичъ вчерась поздо пріехалъ самъ, безъ отца, толко изъ Старинневскимъ, которой сказивалъ, что Петръ Степановичъ на сихъ дняхъ хотіелъ ехать у Городню и тутъ ....тисъ дочери, а притомъ съказивалъ и то, что отъ многихъ слишилъ, что говорили, чтобъ вамъ неотмѣно должно пріехать у Чернѣговъ и старатисъ чрезъ пріятелей, испросить прощенія, а инако де худо будетъ. Можетъ статця онъ того и самъ желаетъ; я то догадиваюсъ сама, да какъ мнѣ кажетця, то и должно старатисъ о семъ, и для того не коснѣте съ пріездомъ; ви луче сами отъ Николашенки услишите обо всемъ обстоятелне, да онъ васъ нетерпеливо и хотитъ вѣдать. Болше не распространяю, а кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., іюля 27. Изъ Боровичъ.

---

[1]) Стороженка, а сынъ его—Николай Михайловичъ, бывшій потомъ черниговскимъ губернскимъ предводителемъ.

78. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Съ писъма вашего предвижу я, что ничево хорошого не можетъ бить въ расужденіи нечестивого дядка [1]); по всему видно, что онъ то и всему причиною, какъ и отецъ мнѣ пояснялъ, что я во всемъ слушаюсь брата и поступлю неинако, какъ онъ мнѣ совѣтуетъ. Господь пусть ему отдастъ, какъ самъ знаетъ; въ его святой волѣ все наказать и помиловать. Чтожъ касаетця до владики, то увѣраю, что онъ докажетъ, когда его пристално просить будете; и хотя бъ то отецъ и нѣсколко разъ владики отказивалъ, но ви одначе жъ просбою безпокойте владику [2]); въ семъ вамъ ни грѣха, ни стида не можетъ бить, авось даруетъ Предвѣчной, что толкущему отверзетця. Мое мнѣніе, а ваша воля, чтобъ въ случаи владики и тисячу посулить, толко бъ простилъ и отдалъ материнскую часть безъ клопотъ; а впротчемъ Господь съ ними, а на пору и двохъ не пожалѣть; вить болше потеряете покуда сищете; пожалуйте, сами для себе старайтесь недремучимъ окомъ. Воля его что дать, недать своего, а толко бъ материну часть отдалъ. Естлибъ владика ростолковалъ ему порядочно, что сего не можетъ нихто отъ материнской части васъ отдалить, но что хорошое изъ сего будетъ, когда отецъ собственихъ своихъ дѣтей въ разореніе приведетъ? Недоволно, что безчестія и поруганія учинилъ доволно, но ещо съ обоихъ сторонъ и убитокъ. Какую славу приобритетъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ при такихъ лѣтахъ? Ви, какъ молодіе люди, погрѣшили противо отца, пусть такъ, сему простить должно, какъ отцу просившихъ прощенія,—вотъ свято би здѣлалъ и покрилъ би вѣсь съ обоихъ сторонъ проступокъ. Естли владика сіе докажетъ, то сущимъ миротворцемъ наречетця. Сіе получить отъ Предвѣчного, вамъ отъ искренѣйшого моего сердца желаю. Я слишала, что отецъ хотитъ ехать въ Гамалѣевку; Бога ради, теперъ старайтесь кончить миромъ, а какъ уедетъ, то въ то время способу не будетъ ужо ничево доброго здѣлать. Какого ви о семъ мнѣнія будете, дайте мнѣ чрезъ сего знать, равно и какіе начатки послѣдовали, со всякимъ обстоятетелствомъ не оставте увѣдомить мене. Естли замедлите, то пожалуйте, пишѣте чего вамъ надобно безъ и малѣйшей цермонѣи; не теряйте на то денегъ, что можете получить, а инако я сочту васъ непріязненими ко мнѣ. Наконецъ, поручаю васъ божіему милостивому призрѣнію и по-

---

[1]) Андрей Степановичъ Милорадовичъ

[2]) См. выше, стр. 149

кровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоражелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. авг. 13. Изъ Боровичъ.

79. Любезніе мои въноуки Н. П. и И. С. Запомнила я прежнихъ для васъ бумагъ послать, которіе засимъ посилаю, съ конхъ все увидите и по сему поступить рекомендую; да и я не иного содержанія, что сіе съ вашею будетъ ползою. Сіи бумажки, коихъ четиры по листу, а пятая полулиста, прошу мнѣ обратно прислать, яко я еще на сіе не отвѣчала и чрезъ сего жъ самого. О священику такъ же неумедлѣте, пожалуйте. Болше, за скорость, не распространяю и кончу тіемъ, что естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоражелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., авг. 26. Изъ Боровичъ.

80. Любезніе мои въноуки Н. П. и И. С. Посилаю вамъ присланое писмо и прозбу отъ священика, до которого ещо я и не отвѣчала; пожалуйте, посему, какъ вамъ заблагоразсудитця, начернѣте (когда надобно) и пришлѣте съ нарошнимъ своимъ, яко сей едетъ въ Романовку и долго дожидатисъ его будетъ. Григорій Григоріевичъ толко и пишетъ, что за недосугомъ ни на что отвѣчать не можетъ, а совѣтуетъ сколко можно потерпѣте, ибо графа (Румянцева) ожидаютъ скоро, и человѣкъ его пріехалъ таперъ ко мнѣ, началъ водокъ учитись дѣлать, то тутъ надобно отъ всего удержатись, чтобъ не подать ни въ чемъ причини имъ на себе; и ви положитись на Всеведущого, тотъ непремѣно устроитъ все по желанію сердца вашего, толко взять терпеніе. О деревняхъ и душахъ Василій Ивановичъ пишетъ, что будетъ старатись, но ему то неловко, а совѣтуетъ Г. Г. [1]) чтобъ ви не заживались да пріездили сами луче. Вѣрующой отъ Настасіи П., такъ же Григорій Григ. пишетъ, ещо не брать, ибо де рознесетця тотчасъ и се къ худшему можетъ бить, и для того и я вамъ совѣтую подождать; а между тіемъ графъ когда пріедетъ, то луче все, а можетъ онъ и къ миру не преклонитъ ли; всѣ сіе говорятъ и совѣтуютъ такъ поступить; вотъ священика бѣдняка жалко, что страждетъ, о семъ потрудѣтесь, и естли писать за благо вамъ покажетця отъ мене, яко за своего священика уступитця надлежитъ, то тутъ прописать непремѣно мнѣ каже (говоритъ) все про сіе прописать надобно, какъ затіеи Петрови, такъ и дозволеніе и отказъ многимъ женихамъ безъ согласія дочернего, такъ судъ и то, что мнѣ сказалъ, что за лифлянца(?) намереваетъ отдать безъизвѣстна, равно и то, что она никогда въ отца не бивала.—И начернивши, пришлѣте ко мнѣ. Болше бъ

[1]) Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ.

писала да глаза такъ болятъ, что способа не нахожу, и тіемъ кончу, что естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. Авг. 26, 1789. Изъ Боровичъ.

81. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. Какъ скоро я получила ваше писмо ко мнѣ и до Григорія Григоріевича, равно жалоба и опредѣленіе извѣстное, то того же часа и отправила съ нарочнимъ моимъ, въ надлежащіе руки. Ви пишете, что едете тотчасъ въ Новгородокъ, но не написали—обое ли или одно съ васъ; естли одинъ Иванъ Степановичъ поедетъ, то неможно ли Настасьи Петровнѣ пріехать ко мнѣ, прилѣжно о семъ прошу. Клюкви посилаю и три арбуза да и грушъ въ коробки, желаю здоровенкимъ кушать; возокъ дворовой данъ сему вашему человѣку, при оказѣи прошу прислать, равно и коробки прежніе и сіи, естли ненадобни. Засимъ поручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., сент. 17. Изъ Боровичъ.—P. S. Писмо ваше ко мнѣ—отправила я туда жъ, куда надлежитъ; въ насъ ничемъ ничего не слихать, да и о Максимовичу не слишила я ничево. М—вой моей г—нѣ Парасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу мое почтеніе и низіохенкой поклонъ засвѣдителствовать, равно и любезнимъ вашимъ сестрицамъ, а моимъ м—вимъ г—нямъ. Уляна Семеновна всемъ низіохенко кланяетця, а притомъ проситъ и Уляна Семеновна Настасью Петровну, какъ кумушку свою, чтобъ пожаловала пріехать, а когда не пріедетъ, то она сама вскорѣ будетъ, но съ тіемъ, чтобъ ви прежде пріехали, а безъ того и никогда не поедетъ.

82. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. За поздравленіе ангелъ моимъ мене чувствителнѣйше вамъ и всему вашему семейству приношу благодареніе, молитвами которой да даруетъ Всевидущей всѣмъ вамъ помистное (?) благощастіе, покой, здравіе и долгайшіе лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. За присилку хлѣба и охоти вашей зайцовъ премного благодарю. Писмо ваше и Калиновского, также и опредѣленіе вамъ извѣстное того жъ часа съ нарочнимъ отправлено въ Чернѣговъ, равно и до священика послано ваше писмо. Увѣдомитъ васъ непромину, что батюшка вашъ горячкою занемогъ и что масломъ соборованъ, о чемъ мнѣ сказивалъ отецъ Романъ, которой третово дни изъ Чернигова пріехалъ, а онъ слишилъ сіе отъ Михайла Михайловича, и что докторъ Удинъ ползовалъ его, а пріехавши въ Чернѣговъ и самъ заболѣлъ. Борони Господи чего, то вѣчно сожалѣть будемъ, когда благословенія и проще-

нія не получите. Мнѣ толко удивительно, что Григорій Григ. ничево о семъ не пишетъ. Федосья Константиновна на возвратномъ пути съ Питербурха едучи, по дороги занемогла, а пріехавши въ Москву, скончалась сентября 25, где и погребена; а Марія Михайловна [1]) віехавши зъ Москви, въ Орлѣ заболѣла, и всѣ люде съ нею бившіе, и пролежала до 22 октября, а теперъ писала, что она будетъ ноября къ 2, въ Подоловъ, куда и брата Василія Степановича проситъ, чтобъ пріехалъ, и онъ 30 сего октября, рано, и поехалъ. Какъ мнѣ жалко Федосье Константиновни—описать вамъ не могу, а болше ещо Марію Мих., которая описивала, что они претерпѣли, то истино нелзя нетронуту бить человѣку, читая оніе писма; доволно, что до того дойшло, что лежитъ болна въ Орлѣ со всѣми людми, а денегъ ни копейки, но графъ Кирило Григоріевичъ [2]) прислалъ съ нарочнимъ 500 рублей и до Неплюева писалъ, чтобъ всякое вспоможеніе било би для болящой. Подумайте: двѣ женшини въ такую болшую дорогу отважились поехать, туда, где ни души знакомихъ нѣтъ; благодареніе Богу, что графъ случился въ Москви, а безъ того пропасть би должно. О Григорію Петровичи присланъ указъ, что опредѣленъ на мѣсто Селецкого, но еще нѣтъ его и понинѣ. Вотъ вамъ и всѣ здешніе новости, а болше ничево нѣтъ, но сохрани Господи таковихъ вѣстей. Болше писать чего не скискую, поручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., окт. 31. Изъ Боровичъ. Пивонѣйки нѣтъ здесь; видно потеряли въ другомъ мѣстѣ. Я знаю что Настенка къ игрушамъ охотница, посилаю 130 варенихъ въ меду; унгарского спирта..... и разной водки, коришпевой и масти(ковой), всехъ 7-мъ.

83. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку мелника, чувствително благодарю, но не въ пору; когда би тогда пріехалъ било, какъ можно ещо гатить, то бъ много помогъ, а теперъ далъ нѣкоторой совѣтъ, что касаетця около клетокъ; но луче би въсего, когда бъ онъ или синъ его принялся бить атаманомъ; я ему о семъ говорила, но онъ самъ не соглашаетця, а сказивалъ, что синъ де его можетъ статця поохотитця, которой естли ужо согласитця, то покорно прошу, прежде, тамо съ нимъ договоритись, какъ ему бить, то есть какую онъ часть получать долженъ будетъ, и о семъ мене

[1]) Стороженко?

[2]) Разумовскій.

прежде, при оказѣи, увѣдомить, даби человѣка не трудить. Вамъ господинъ Калиновской [1]) вѣрно переказивалъ дѣло и для того я лишнимъ почитаю объ ономъ пояснять, а скажу вамъ толко то, что Григорій Петровичъ пишетъ ко мнѣ, которое писмо посилаю для увидѣнія, по сему ненадобно объ немъ худого думать, а въ томъ Господу свѣдущему, но я по крайности симъ себе лщу. Я къ нему отвѣчала таперъ толко то, что я радуюсь о сего мѣсту и протчая; равно благодару за незабвенье и поздравляю его чиномъ, а болше ничего, даби не вдругъ за его приниматися. Мое мнѣніе, какъ я и Калиновскому съказиваю, чтобъ вамъ поехать въ Чернѣговъ, заманутись зачемъ нибудь, а хотя би то и будто для Михайла Михайловича, которой весма боленъ, съ преложеного писма усмотрите, а между тіемъ и изъ Григоріемъ Петровичемъ повидатисъ, чтобъ чрезъ его просить отца о вашемъ достояніи и протчая. Да и Григорій Григоріевичъ писалъ, зачемъ вы не едете, удивляетця. Когда не намерени ехать, то какой ради причини—увѣдомте. Я би чрезъ васъ писала къ Г. Петровичу или за совѣтомъ вашимъ и опосля или прежде, я великимъ дивомъ (sic), что Григорій П. пишетъ ко мнѣ, да и что неудоволство подписано отъ сторони отца, а съ писма Г. Г. увидите, что сами и приговоръ писали; что нибудь да кажетця къ миру сходно. О дай то предвѣчной Господи, чтоби такъ било. Съказивала мнѣ Ефросинія Романовна, что Настенка бокомъ часто неможетъ; Бога ради, не сиди много!—то есть великой вредъ, да не худо би и лекара сискать; а между тіемъ попробовать, какъ толко начнетъ маленко болѣть, то розогревши въ ложки сребной масла деревяного, и руку нагреть тотъ долженъ хто будетъ тереть болное мѣсто, наливъ масла на руку, и терѣть сълегка; одначеже въ разужденіи томъ, что не празна, и до тіехъ поръ пока масло въсе ввойдетъ въ тѣло; потомъ овса нагреть и положить до болного мѣста, и буди легче будетъ, то и не мѣшать болше ничемъ При семъ посилаю, сколко у мене било, бобкового масла, и сіе велику помощь дѣлаетъ, но опасно можетъ бить, что давнее. А луче всего совѣтую лѣкара сискать и отнюдь не запускать. Мартиновской превеликой практикъ женскимъ болѣзнямъ, которой нинѣ у Михайла Михайловича,—естлибъ пріехали безъ замедлѣнія, то бъ весма хорошо его пригласить. Болше не распространяю, да и что то нездорова я ужо дни нѣсколко. И такъ кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею Н. П. 1789 г., нояб. 18. Изъ Боровичъ.

[1]) Адвокатъ.

84. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Какъ скоро получила я отъ васъ прозбу 16-ти лѣтнево малчика извѣстную получила (sic), такъ и писмо ваше, въ коемъ пишете о присилки извѣстного вамъ рѣшенія, то нарочнимъ послала до Григорія Григоріевича, даби поскорѣе прислалъ, а какъ скоро прислана будетъ, не укосню съ присилкою; пожалуйте, не зажпвайтесъ; вамъ таперъ весма нужно въ Чернѣговъ. За присилку селдей чувствителнѣйше благодарю, кои весма хороши и исъ коихъ по частички послала къ Михайлу Михайловичу и Григорію Г. Для Михайла Михайловича, кажетця, таперъ весма будутъ кстатѣ. Что получила отъ Николашенки, посилаю; дай Господи, чтобъ виздоровилъ Михайло Михайловичъ; жаль мнѣ до безконечности его, а къ тому и синъ такой, что безъ отческого призрѣнія никуда негодитця. Болше не распространяю. Препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею вѣрною и всегодоброжелателнѣйшею бабкой Н. П. 1789 г., ноября 24. Изъ Боровичъ.

85. Любезніе мои вънуки И. С. и Н. П. Я толко, что расположилась било къ вамъ послать, заговѣвши, какъ же ви упредили, то и оставила на другое. Радуюсь, слиша о вашемъ здоровьи и продли Всевидущой въ непоколѣбимомъ (*sic*) обѣихъ васъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего моего сердца желаю. Я слава Богу здорова по моимъ лѣтамъ, но съ комнати ни вонъ. Батюшка вашъ віехалъ совсемъ ужо, о чемъ мнѣ мужичокъ жукоцкой съказивалъ, которой пріездилъ на тамошнего приказчика жаловатця, а имено за то, что позною добою [1]) виправилъ подводи съ разнимъ хлѣбомъ въ Любечъ и во всю ночь ехали они, — какъ то въ сего мужика продрался мѣшокъ и пропало пшеницѣ двѣ мѣрки, за что приказчикъ билъ его нещадно и требуетъ потеряной пшеницѣ; я до Григорія П. писала, что по двѣ кожи не годитця драть и чтобъ онъ велѣлъ виислѣдовать, буди точно билъ, то тіемъ би и доволенъ оставался, а чтобъ господское непропало, тотъ приказчикъ положилъ, а между тіемъ и въ наличности писала, чтобъ онъ мене точно увѣдомилъ естли .....Сей мужичокъ сказивалъ, что уже идетъ перевозъ извѣстной и что люде ни одной минути свободи неимѣютъ: одни молотятъ и вѣютъ, другіе домъ перевозятъ. Я хочу послать нарошного заразъ, даби по ревизѣи принималъ вьсе, но сама не знаю кого би, посовѣтуйте, какъ вамъ кажетця, а я думаю Иванѣцкаго, ибо совершенно надобно по ревизѣи випра-

[1]) Временемъ.

витись. За присилку льну премного благодарю, которой хотя недешевъ, но весма хорошъ, тутъ же и за гриби благодарю премного. Василія Степановича нѣтъ по сію пору, отехалъ въ Чернѣговъ. Григорій Григоріевичъ нездоровъ, педагрою и харагрою страждетъ. Что отъ Иліи Васпліевича лакей будучи сказивалъ о горелки, то явилась ложъ, Лемъ, поворотясь, съказивалъ, что ни же по два рубля не даютъ. Мнѣ хлѣба не купили таперъ въ Сосницѣ и для того посилаю уже завтрешній день въ Глуховъ. Что то тамо будетъ, Богу свѣдуще. Зъдесь пронеслось, что будто графъ Петръ Александровичъ съкончался, жаль, борони, Господи, сего, ми всѣ потеряемъ прямого отца, я о семъ посилала до Григорія Г., тотъ вѣрно обо всемъ вѣрнѣйшіе вѣсти (имѣетъ?). Болѣ писать чего не сискую, препоручивъ васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшей бабкою Н. П. 1790 году, генваря 3. Изъ Боровичъ.

86. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Долго не получая отъ васъ о вашемъ для мене дражайшомъ здравіи, въ немаломъ сокрушеніи пребиваю; прошу чрезъ сего нарочно посилаемого увѣдомить мене здорови ли ви? А я по благости божіей, хотя не совсемъ, но здорова, желаю и отъ васъ получить то, что ви здорови и дужи. Я би давно послала къ вамъ, но дорога мѣшала, ожидая зъ дня на день авось поправитця, но во мѣсто того все хуже да хуже, и чтобъ не здѣлалось ещо и болше сего, то какаво бъ то не доехала(?). Кормилицу посилаю. Даруй Всевидущой, чтобъ оная вамъ била угодна и надобна, отъ искренего моего сердца желаю. Естли возможно и не испортитця пуще дорога, покорно прошу въ Стародубъ послать купить для мене свѣжихъ осетровъ два, толко бъ некашницъ (?), икри жидкой, самой хорошой фунтовъ десять, да паюсной самой хорошой пудъ одинъ, сливъ французкихъ полпуда; на сію покупку посилаю денегъ 35 р. Камбали, каваловъ 6, селдей хорошихъ, когда можно, бочонокъ болшой, когдажъ неможно, то маленкихъ 2 бочоночки. Вотъ и вся моя покупка. Сіе для того, чтобъ упорожнѣ подвода не возвращалась. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, а когда у васъ что новое, не оставте сообщить. Не слишили ли ви чего съ Романовки,—здорови ли тамо наши и не били ли въ Стародубѣ? пожалуйте не оставте увѣдомить; я хотіела посилать къ нимъ, но дорога попрепятствовала. М. г—нѣ моей Парасковьи Григоревнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу отъ мене засвѣдителствовать мое почтеніе, равно и сестрицямъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нямъ, низіохенко кланяюсь,

а васъ, моихъ ангеловъ, обѣихъ цалую въ мисляхъ, препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 15. Изъ Боровичъ.—Николашенки и по сіе время съ Иржавця нѣтъ. Естли паче чаянія не будетъ рибъ, то вина какого хорошого купить да пива аглицкого за сіи денги. Василій Степановичъ прекрасныхъ жеребцовъ купилъ 2, у Стаховича, одинъ, какъ глина, съ темними пятнами, а другой—серой; не худобъ кобилокъ двѣ прислать изъ вашимъ нарошнимъ. За оніе далъ 300 р., первой 2 ар. и 6 в. съ половиною, а другой молоденкой.

87. Любезніе мои вънуки И. С. и Н. П. Писмо ваше я получила. Радуюсь, слиша, что ви дужи и здорови, продолжи, Всевидущой, въ непоколѣбимомъ вамъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего сердца моего желаю. За присилку мастера чувствително благодарю, но жаль, что по пустому бѣдняжка потрудился: первое, то, что дорога безпутна, фторое, что и нелзя ничево дѣлать таперъ, яко испортился совсемъ ліодъ, а где било можно, то до пріезда его окончено. Я его договорила, даби онъ принялся здезь бить атаманомъ, которому доходъ на одинъ годъ давала такой, чтобъ ему розмѣръ обикновеній со всехъ клѣтокъ брать, а мѣрочникомъ съ того третину дать онъ долженъ, но съ тіемъ, чтобъ исправилъ совсіемъ порядочно, какъ должно во всякой клетки, а что вновъ дѣлать бы довелось, то на то договоръ другой, но онъ съказалъ, что ему нелзя, откладиваетъ на иное сіе время, а на какое—не положилъ ничево. Пожалуйте, поговорите ви съ нимъ, къ чему и на чомъ онъ желаетъ пристать и мене увѣдомить. За присилку конопляного масла чувствително благодарю, которое тіемъ болше пріятно, что съ вашихъ рукъ; въ Жукотки не посилала ещо, а предъ срокомъ за неделю пошлю. Ульяна Семеновна къ 1 марта будетъ къ вамъ съ повелѣною надобностію,—даруй толко, Всевидущой, чтобъ сокровеное открилось и при ненарушим(омъ) здравіи узрѣли ви, и мене удостой, Предвѣчной, то видѣть, что для мене лестно. Засимъ препоручивъ васъ божіему призрѣнію и покровительству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 21. Боровичи.

88. Вселюбезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Съ терпѣнія вихожу, неполучая такъ долго вожделѣнѣйшаго для мене извѣстія. Обрадуйте мене, когда премилосердое Провидѣніе даровало вамъ что, ибо срокъ уже прошолъ, и потому два дни миновало ужо. Буди

жъ, паче чаянія, ніетъ ещо ничево, то, по крайности, росчитавшись порядочно, въ совершености, дайте знать. Богъ мой свѣдитель, что я себѣ не помню отъ горести. Г-жа Симонова 2 марта разрѣшена отъ бремени и даровалъ ей Богъ дочь Евдокію. А по рощоту вашему, вамъ бо прежде надлежало. Ради Христа, не медлѣте сего нарошного, даби мнѣ не унивать. Господь вамъ да поможетъ! Господь да благословитъ васъ всіемъ тіемъ, чего ожидаемо съ нетерпеливостію, отъ искренего моего сердца желаю. Прибивая, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 5. Изъ Боровичъ.—Послали ли писмо къ Степану Степановичу и не имѣети ли какого объ нихъ извѣстія, пожалуйте увѣдомите. М—вой моей г—нѣ драгоцѣнѣйшей вашей матушки прошу мое почтеніе зосвѣдителствовать, рано и сестрицамъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нямъ низіохенко кланяюсь. Улянѣ Семеновнѣ прошу обявить, что Григорій Герасимовичъ дужъ и здоровъ и онъ ей кланяетця, и я съ нимъ вмѣстѣ кланяюсь жъ.

89. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. За пересилку писма моего въ Романовку и отъ толь ко мнѣ, чувствително благодарю, равно и за покупку московскую, хотя чайникъ и великъ, но нѣчого перемѣнить, такъ и бить, а что касается до чашекъ, то видно ви безъ разбору оставили себѣ полдюжини, яко у мене неодинаки двѣ чашки и болшіе гораздо, и цвѣти на всѣхъ розанчики, а на двохъ иніе цвѣти, но и въ томъ нужди нѣтъ, можно и по времени перемѣнить, когда похочете, а я весма доволна ними, равно... и протчимъ, за что ещо повторно благодарю вамъ обѣимъ, моимъ ангеламъ. Ви не написали о дѣлѣ отца вашего, вамъ извѣстного въ Новогородку Сиверскомъ. Какой то повереной справлялся, нарочной ли пріехалъ съ Чернегова или тамошной, буди тамошной, то не удивляйтесь, а когда нарочитой пріездилъ отсель, то легко сего нечего поставлять (*sic*). Пожалуйте, неостанте увѣдомить же о семъ. Николай Михайловичъ вчерась пріехалъ и съказивалъ, что и Григорій Петровичъ изъ супругою и дѣточками будетъ къ празднику сюда; я ему обо всемъ семъ говорить буду, и ви ничемъ не клопочитесь, пожалуйте, все прекратитця и будете имѣть покой, толко даруй Всевидущой вамъ обѣимъ съ вожделѣніемъ. Николай М. сказивалъ, что оцецъ (*sic*) вашъ сину далъ вѣрующую для прекращенія всехъ дѣлъ и онъ непремѣно здѣлаетъ; никакого я сумнителства въ семъ не имѣю, увѣраю; толко, Бога ради, не клопочитесь по напрасному. Премилосердной Господь наказиваетъ насъ за грѣхи, а когда молить его и несумнѣно

на то положитись, то сколко наказанія, то сугубое помилованіе получаемъ. Я у Жукотки отправила Лема одного, которой писалъ ко мнѣ, что требуютъ подводъ везти горелку въ степъ, я приказала отнюдь не дать, но Николай М. пріехавши, сказывалъ, что 10 бочекъ повезли жъ таки жукоцкіе бѣдніе люде. Подумайте, какова таперъ дорога, истино, сердце мое болитъ, услишивши такое безаконіе. Я предъ симъ послала туда и бочку пѣной горелки, велѣла роздать въ шинки тамошніе и когда видетъ и дорога поправитця, то и другую пошлю. Наличности, пишетъ, никакой нѣтъ и воли такъ бѣдни и маленки, что и по три рубльа нестойніе, и поле, сказываютъ, не все засѣяное; словомъ, Николай Михайл. сказывалъ, а ему Лемъ, что такъ разорени будто люде, что ни одного человѣка нѣтъ, чтобъ можно назвать человѣкомъ достаточнимъ. Я истино не понимаю, что мнѣ дѣлать? Подумайте, когда такъ точно разорени, чемъ поправить? Истино съ терпѣнія вихожу. За симъ ожидать буду увѣдомленія отъ Григорія П. Николай Мих. съказывалъ, что послалъ писмо въ Жукотки Г. П. на мои къ нему требованія о наличности. Что получу, безъ увѣдомленія—не оставлю васъ. За симъ препоручивъ васъ божіему милосердію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 7. Изъ Боровичъ.—М. г—нѣ моей, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу почтеніе отъ мене засвѣдительствовать наичувствителнѣйше за присилку милця, за боброви каплѣ, и гофманови, премного вамъ благодарю, равно и за шафранъ. Отъ недосугу голова кружитця и когда что пропустила—извинѣте.

90. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Не получая отъ васъ такъ долго никакого извѣстія, въ немаломъ сокрушеніи пребываю. Увѣдомте мене, какови ви въ своемъ здорвьи, дайте хотя съ нарошнимъ вашимъ знать. Я въ той надежди, что ви писали—будете увѣдомлять и не посилала по сіе время; всякую мѣнуту ожидала радостнѣйшого для мене извѣстія, но видно ошиблися щотомъ, со всіемъ тіемъ хотя и тіемъ увѣдомте, что нѣчево ещо нѣтъ. Даруй, Всевидущой, благополучно въ свое время. Пива ніетъ, послала варить, какъ толко привезутъ, пришлю. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу... Естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 13. Изъ Боровичъ.—Я глазами стражду, жестоко болитъ. Уланѣ Семеновнѣ прошу кланятись, а панъ ея пишетъ самъ о себѣ и для того пояснять уже мнѣ нѣчево.

91. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Сколко я била тронута, по расказамъ Улиіи Семеновни мученіемъ Настенкинимъ во время родовъ, описать силъ моихъ нѣтъ, сколко жъ и м. моя г—ня, а ваша драгоцѣнѣйшая матушка, въ то время и завсегда безпокоитця и безпокоилась, ничемъ сего наградить силъ нѣтъ. Предвѣчной одинъ тотъ да даруетъ ей за такову ея милость все по желанію ея сердца и должайшіе лѣта, даби ея отрасли, видя таковое призриніе надъ страждущими подавали би руку помощи, а вамъ остаетця вѣчно сіе въ сердци вашемъ запечатлѣть и удесятерить вашу къ такой матери преданость и почтіеніе, равно и я, поколь духъ въ моемъ тѣлѣ будетъ пребивать, не исключу изъ сердца моего благодарности и почтенія, съ которимъ и въ гробъ пойду, а нинѣ прошу отъ мене низіохенко кланятись и за меня обоихъ васъ прошу въ ручки обѣ поцаловать по сте разъ, а я васъ троихъ цалую въ мисляхъ неме(н)ше жъ того, какъ ви за мене. За присилку теліоночка премного благодарю, съ которимъ дожидатисъ вашего пріезда буду, ибо я до полученія забила въ Каруковки своего теліонка. Къ Григорію Григоріевичу того жъ дня отправила другого теліонка, при писмѣ вашемъ. Григорій Г. боленъ и по сіе время, и въ Чернѣговѣ празникъ принимать будетъ, а Василій С. со мною, кой толко на время отехалъ въ Смячъ. Посилаю вамъ погребецъ водки: сладкой 4 штофа, а крепкой три. Естли возможно, прошу приказать додѣлать въ гутѣ 3 штофа бѣлой води, и то не заразъ, а по времени. Яблокъ посилаю 55 сладкихъ и кислихъ, по частямъ, какіе на сію пору случились, сѣменъ редечнихъ трохъ сортовъ, а арбузовъ сѣменъ нѣтъ хорошихъ, селдерей не посилаю, яко перемерзнетъ. Писмо отъ Василя С., къ вамъ писаное, посилаю. Папошникъ посилаю, незнаю каковъ, пшеницу съпортили по чужихъ мелница(хъ) мелючи, а мои въ подтопѣ—третая недѣля. Здѣлайте милость, какъ у васъ вѣрно частіе оказѣи въ Стародубъ, прикажѣте купить мнѣ сахару пудъ, на что и денегъ посилаю 15 рублей, и чрезъ того пришлете, что съ пивомъ пришолъ. Сашенки, моему ангелу, отъ своихъ трудовъ коробочку посилаю и парку цвѣточковъ, какіе на сію пору разъцвѣлось. Засимъ препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 21. Изъ Боровичъ.—Прошу мое почтеніе засвѣдителствовать вашимъ любезнимъ сестрицямъ, а моимъ м. м. г—нямъ. Улина Семеновна всѣмъ вамъ кланяетця, начавъ отъ матушки вашей, вамъ троимъ и сестрицямъ вашимъ, и цалуетъ всѣхъ ручки.

92. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку пива аглицкого премного вамъ благодарю, которое по пробѣ и не худенкое. Извинѣте, что я васъ симъ безпокою, причина сему, что мои люде ещо туда не обикли ездить. Что принадлежитъ до присланой копѣи прошенія по дѣлу отца вашего, вамъ извѣстного, то ви весма понапрасному безпокоите, вѣрте, что ничево изъ сего не можетъ бить. Григорій Петровичъ изъ супругою и Соненкою сей день отехали отсель; онъ увѣралъ мене, что въ сан мѣсяцѣ увидите сами, что все прекратитъ онъ непремѣнно, и надобно вамъ знать, что Полуботки отобрала съ протчими наряду деревнами, и Григорій П. хотя съколко не просилъ мене, чтобъ я ему отдала таперъ же, но я удержала до тіехъ поръ, покуда не кончитъ онъ положеного мира, вамъ извѣстного. Описивать вамъ о происхожденіяхъ бывшихъ, лишнимъ почитаю, дастъ Господь, пріедете, услишите все, а таперъ ещо пофтору вамъ, ради Бога, не печалтесь о пустой затіеи отческой; вѣрте, что онаи исчезнетъ, какъ нонѣшной сънѣгъ отъ слонца. Наконецъ, препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 30. Изъ Боровичъ.

93. Любезніе мои вънуки Н. П. и І. С. Получа о вашемъ здоровьи извѣстіе, радуюсь, даруй Всевидущой вамъ и крошенки Алексашенки пребивать въ ненарушимомъ, при покровителствѣ божіемъ, до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Не менше сего обрадована я и пріемомъ милостивимъ отца вашего хлѣба узварного. Дастъ Господь, въсе будетъ хорошо, толко терпѣніе имѣть и положитись во всемъ на провидѣніе Господне, тотъ боритель общего врага попередъ, несумнителную надежду имѣю. Посилаю о наличности жукоцкой описъ; что касаетця до ярини, то будетъ какъ нибудь, но жита ничего нѣтъ; я тамо мужичка поставила мохнатинского до пріезда вашего, которой маленко и грамотенъ. А ви старайтесь человѣкомъ и нехудо бъ, чтобъ и отправить его заразъ, а въ томъ, какъ изволите, ибо я ужо сему то мужичку приказала, чтобъ онъ старался — все поле ораное весеялъ бы, непремѣно въсе, какъ овсомъ сколко его есть на лѣцо, пшеницею и протчимъ, сколко чего есть. Воли, какіе есть нѣчево уже переберать, кои всѣ при Жукоткахъ останутця. Шинкаромъ я дала двѣ бочки вишеполугарной горелки, цену положила зъ десятиною по два рубля, но той мало будетъ, а у мене такъ же нелишней горелки; я би вамъ не жалѣла, но и въ Савинки надобно

будетъ бочекъ двѣ жъ, покуда ви пріймететесь за хозяйство. Мнѣ кажетця, какъ ужо близкое время приходитъ до окончанія дѣла вашего съ братомъ, то бъ не дожидаясь мая, писать къ нему о положеніи сърока, и не худо бъ своего нарошного прислать, и хотя и чрезъ сего изволте писать, я къ нему пошлю и своимъ. Много вамъ писать о розговорахъ нашихъ за лишное почитаю, дастъ Богъ, пріедете, услишите. Прошу лать знать, когда ви намереваете пріехать, даби я зная могла возвратитись съ Каруковки, куда хочу заразъ за поворотомъ сего отъ васъ поехать. Я тамъ толко и прожила дни три и почти ничево не здѣлала. Савинской приказчикъ весма боленъ, и хотя я и писала къ нему, чтобъ вездіе било позасѣяно, но сумнюсь, чтобъ билъ порядокъ въ расужденіи его болѣзни; однакъ часто посилать буду туда провѣдивать, а буди не поправитця, то хотя отсель пошлю человѣка. Болше писать чего не скскую, да и после дороги не совсѣмъ здорова что то. Цалую въ мисляхъ васъ, моихъ ангеловъ, тронхъ, препоручивъ васъ божіему покровителству и милостивому его призрѣнію, пребуду во всю мою жизнь вашеговсегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, апреля 11. Изъ Боровичъ.—Уляна Семеновна благодаритъ за присилку писемъ, и будетъ къ вамъ къ повеленому сроку непремѣнно. Виписка съ контракта данного мнѣ отъ Петра С. на откупъ Жукотокъ, которой данъ 1777 году, сентября отъ 1 числа, на три года, которому сего 1780 году и конецъ года; на всякой годъ полагая по 600 р., за три года 1800 рублей, отдано за карету Енку—192 р. 50 к., по росписки Каморовскаго, того жъ, году, въ маи мѣсяцѣ—200, по другой, въ ноябрѣ—300. Чрезъ Базилевича получила я—333 р., за 300 колодъ на церковъ жук.—75 руб., чрезъ Николая я получила—300, майстрамъ жукоцкимъ—30, да таперъ чрезъ козака 168 рублей; и того 1748—50, ещо надлежитъ—51 р. 50 к.

94. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. По отездѣ вашему, наумовской молодой попъ, являсь у мене, представилъ зъ дикастеріи указъ и прозбу, которіе для вашего знанія посилаю, единственно для того, чтобъ ви вѣдали, что неусипно оцетъ (sic) стараетця жъ, и Господь ихъ вѣдаетъ, на что сей обманъ, что тутъ такъ, а тамо инакъ. Сей же священикъ со слезами просилъ мене, чтобъ послать къ Степану С..., даби подписался на присяги прилагаемой, которую не надобно ли въ чемъ поправить, вамъ предъоставляю. И ви пожалуйте къ Степану С. напишѣте о семъ и, не удерживая нимало сего нарошного, отправляйте. Между протчимъ сказивалъ священикъ, что пріостановлено де било въ дикастеріи сіе дѣло совсемъ; но ужо свят-

ками получали отъ Петра Степановича прозбу да скончено было сіе дѣло безъ замедлѣнія. Правда ли сему или нѣтъ—я слышаное пишу. Какого ви о семъ мнѣнія и чемъ би успокоить можно сего несщастнаго, неоставте мене, со всякимъ обстоятелствомъ, чрезъ сего жъ увѣдомить. Каково ви доехали, и благополучно ли застали въ добрѣ все а въ началѣ о здоровьи матушки вашей и Сашенкиномъ, увѣдомить прошу. Пребивая во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 16. Изъ Боровичъ.

95. Любезніе мои вѣнуки Н. П. и И. С. Жаль, что ви не симъ моимъ нарочнимъ отправили къ Степану Степановичу да своего человѣка потрудили. Посилаю сего нарошного съ темъ, чтобъ и привезеное писмо отъ Степана Степ. онъ же привезъ. А между протчиимъ и писмо отъ Григорія Гр., писаное ко мнѣ, прилагаю. По оному буди угодно поступить или отложить, причинъ ради какихъ, остаетця въ власти все вашей, толко прошу увѣдомить, какихъ ви будете расположеній о поездки вашей; какъ получу присягу извѣстную, то пошлю до Григорія Григоріевича по вашему въ томъ требованію. Что касаетця до писемъ потребнихъ, то вѣрте, что они у мене въ сохраненіи, какъ должно, а кои ненужніе и несекретніе, то я онихъ никогда не храню и употребляютця оніе на всяку всячину, а потому не извлоте никакого сумнителства въ семъ имѣть. Что ви всѣ трое дужи и здорови, радуюсь и отъ искренего моего сердца желаю вамъ въ ненарушимомъ пребывать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Алексашенку прошу за мене поцаловать. Въ протчемъ пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 21. Изъ Боровичъ.—Горелку купленую изволте сейчасъ присилать и своего челолѣка, какъ въ Савинки, такъ и у Жукотки, и цѣни, какъ вамъ угодни, изволте тако и располагать. Ради Бога, Насточко, не упрамтесь да принимайте и владѣйте, вѣрь мнѣ что и все порядочнѣе будетъ, когда сами будете располагать и скорѣе можете окончить ваши дѣла; а безъ того, какъ хочете, естли не примете заразъ, то имено отдамъ въ аренду, и тогда не жалѣйте. Я разъ навсегда сказала, что вамъ давала и таперъ то же пишу, ви подумайте: вить и косовица недалеко, надобно же что нибудь да подумать, яко тамо немалая оная. Скажѣте, ради Господа небесного, кого ви боитесь, что не принимаете ничево, когда по вашему, что по шеи дадутъ, то первоначално, хто би сіе здѣлалъ? фторое, братъ же владѣетъ матернею частію, зачемъ же тебѣ не принять моего. Николаша также Виблями владѣетъ и нихто по шеи не бъе. Ещо разъ прошу—принимайте оз-

наченую для тебе часть извѣстную, а когда не премете, вѣрте, что все отдамъ Григорію Петровичу и тогда ужо изволте съ его рукъ получать, какъ хочете. Уляна Семеновна вамъ обѣимъ кланяетця и Санечку цалуетъ.

96. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку писемъ отъ Степана Степановича и извѣстной присяги премного вамъ благодарю, которую, по прежнему вашему писму, отправлю прежде до Григорія Григоріевича. За увѣдомленіе о здоровьи вашемъ и дражайшой Санечки желаю отъ всего моего сердца пребивать вамъ всѣмъ троимъ въ непоколѣбимомъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, при покровителствѣ Всевидущаго, коему припоручивъ, пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 22. Изъ Боровичъ.—P. S. М—ой моей г—нѣ Прасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и сестрицямъ вашимъ, а моимъ г. м—мъ низіохенко кланяюсь. Уляна Семеновна на сію пору не била, за хозяйствомъ трудитця, капусту садитъ, и не била какъ сей пріехалъ и отехалъ. Извинѣте, что не кланяетця нинѣ.

97. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Вчерась, тоесть июня 22, вашъ Данко пріехалъ, которой того же самого дни и отехалъ въ Брахловъ. Сожалѣю о вашемъ безпокойству, да что дѣлать, нѣчемъ перемѣнить, когда не хотятъ мира. Дай Господи, чтобъ доброй успіехъ имѣли ви. Вовну, привезеную вашу, изъ симъ самимъ посилаю къ вамъ, ещо успѣютъ оную къ петрову дню попрясть. Я думаю, недожидаясь вашего пріезда, отправить вашего Гурія въ Савинки съ писаремъ, даби здачу ему учинилъ, ибо таперъ около плотинъ работи доволно будетъ, а присмотрѣть отнюдъ нѣкому, а за пріездомъ вашимъ, на готовое поедете, дай косовиця постигаетъ, пусть хотя до того времени осмотритця. Какого ви будете о семъ мнѣнія, увѣдомитіе мене. О квартахъ прошу не запомнить, а наче о цвѣточкахъ, всенужно они мнѣ надобни. Хлѣба бѣло(го) и ситного посилаю, когда угодно, то дайте знать, я вамъ и часто присилать буду, толко не знаю каково то будетъ, да и худи ситницѣ попекли, вибачить прошу. Какъ долго замедлите, увѣдомить прошу. Болше писать чего, не скикую, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во свою мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, июня 13. Изъ Боровичъ.—Чулочки Настенки посилаю, купленіе сей же день, желаю здоровенкой носить.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.